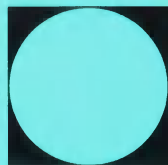


Зарубежная



фантастика

Ф.Л. Уоллес
Убежище

Флойд Ли Уоллес Убежище



Сборник рассказов

Зарубежная



фантастика

Клубное издание





экземпляр № ____.





16.02.1915 — 26.11.2004

Зарубежная



фантастика

Ф. Л. Уоллес

Убежище

Перевод с английского



Екатеринослав
«Еростат»
2012

ББК 84.7 (США)
У 634

Убежище

— Я не тот, кто вам нужен, — сказал Пол. Тело его ссутулилось, голова устало склонилась. — Я считал, что ненавижу вас, но теперь вижу, что ошибался. Вы славные. — Он помедлил, затем продолжил по собственному почину: — Вам нужна моя сестра.

Стройная темноволосая женщина, стоящая с ним рядом, тут же отозвалась:

— Да, я тот человек, который вам нужен. Живя там, я стремилась уничтожить вас, — она мотнула головой в сторону леса, который простирался на тысячи миль вокруг, — теперь же я в этом совсем не уверена. Но если вы меня отпустите, я продолжу свою работу и не успокоюсь, пока не найду ответ. — Женщина беспомощно помолчала и взглянула на того, кто стоял с ней рядом с другой стороны. — И мой муж вам тоже нужен, — добавила она.

— Разумеется, я вам нужен, — подтвердил мужчина. — Вероятность — мое оружие. И я уже почти решил эту задачу. Тот факт, что мне в течение пятнадцати лет удавалось ускользать от ваших нерегулярных патрулей, говорит сам за себя. Вам не стоит меня отпускать. Еще пять лет работы над моей теорией, и я стану для вас неуловим. А как только узнаю, что спасение от вас есть, то передам эти сведения нашим ученым, и уж они решат, что с вами делать.

В ответ на невысказанный вопрос, он монотонно ответил:

— Нас только двое. Я не знаю больше никого, кто вам нужен.

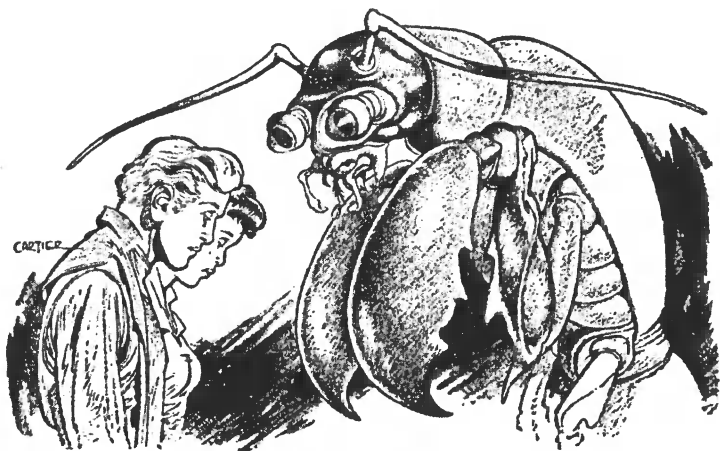
Инквизитор перевел свои светящиеся глаза на следующего в очереди.

Дознание продолжалось почти до самого рассвета, а когда оно закончилось, людей разделили на две группы. Одна группа безропотно, гуськом, направилась к кораблю, а остальные поняли, что теперь должны уйти.

И они побрели в темноту, куда глаза глядят, спотыкаясь о кочки и натываясь на деревья. Через пятнадцать минут Пол уже был в состоянии слышать, хотя и не очень хорошо. Он наступил на гремучую змею, но не заметил этого; та обвила его ногу, но была сорвана ветками колючего кустарника. Змея не сделала попытки ужалить его, и он слышал, как гадина уползает прочь, гремя хвостом.

Мало помалу функции мозга стали возвращаться. В серой предрассветной мгле он уже различал препятствия и успевал вовремя уклониться от них. По мере того, как расстояние между ним и кораблем увеличивалось, усиливалась его тревога. Он пытался думать, но не мог, силился вспомнить, что оставил позади, но все было бесполезно. Одеревенело переставляя ноги он шел, словно лунатик, вперед, не замечая, как ветки хлещут его по лицу и рвут одежду.

Вдруг солнце выплыло из-за гор, и Пол заморгал в утреннем свете. Он сел на бревно у небольшого ручья, и пока сидел там, паралич мозга постепенно проходил.



До его сознания дошло, что корабль улетел вместе со своими пленниками. И он вспомнил, что оставил позади.

Он спрятал лицо в ладони, не замечая просачивающуюся сквозь пальцы кровь, и долго сидел так, пока чей-то голос не произнес совсем рядом:

— Вижу, вас они тоже отпустили.

Пол вскинул глаза и увидел стоящую у ручья девушку. Одежда на ней была разорвана, все тело в царапинах. Он не ответил ей. Морщась от боли, она наклонилась к ручью и попила. Потом прошла ниже по течению и, зайдя за кусты, которые лишь частично скрывали ее, сняла с себя короткую тунику и искупалась.

Потом девушка вернулась и встала с ним рядом.

— Вам лучше тоже зайти в воду, — сказала она. Он лишь тупо взглянул на нее и не пошевелился. — Давай-

те же, — не унималась девушка. — Что толку думать об этом. Вы все равно ничем не можете помочь тем, кого они забрали. За две тысячи лет еще никому не удалось сбежать от подиан. Приберегите свои переживания для тех, кого они не забрали — в этот раз.

Девушка была права, и он это знал. Уступив ее напору, Пол медленно поднялся и искупался в ручье. Холодная вода прояснила голову, царапины горели, а глаза щипало. Натянув одежду на мокрое тело, он вернулся.

— Кого ты потеряла? — спросил Пол.

Она поморщилась.

— Никого — в последнее время.

Он посмотрел, как она с силой сжала ладонями голову. Знакомые симптомы. И даже под маской боли невозможно было заметить, что она хорошенькая.

— Сколько раз тебя допрашивали? — сурово спросил он.

— Четыре, — призналась девушка. — Четыре раза за последние два года.

— Ты должна это прекратить, — предупредил Пол. — Нет смысла всюду следовать за ними в надежде узнать, как противостоять им. Иммунитета против подиан нет.

— У меня нет никакого плана, — призналась она. — Нет специальных знаний. Я делаю то единственное, что могу.

Он посмотрел на нее с неопределенным чувством, похожим на жалость. Она являла собой символ человеческой расы. Храбрая, невежественная и беспомощная.

— Если у тебя нет плана, — резко проговорил он, — не делай ничего. Отправляйся в деревню, выходи замуж,

рожай детей. Когда-нибудь мы все равно узнаем, как одолеть их. — Он повернулся, чтобы идти.

— Куда ты? — спросила она.

— Назад. — Пол махнул рукой в ту сторону, откуда шел ночью. — Подиане теперь уже убрались.

— Можно мне с тобой? — Ее страх остаться одной был очевиден. Она боялась, но не дикой природы, а собственной реакции на то безжалостное психическое вторжение. Пол кивнул, и она пошла с ним. Вместе они направились назад по тому пути, которым он шел ночью. Скоро он услышал вопрос:

— У тебя есть план?

Он хотел было ответить, но потом прикусил язык.

— Нет.

Пол не открыл ей ни своих мыслей, ни той невероятной идеи, которая как раз в эту минуту зарождалась у него в голове.

— Тогда ты в безопасности, — горько рассмеялась девушка. — Если ты не знаешь ничего, что они могут использовать против нас или мы против них, они не заберут тебя.

— Я довольно неплохой электронщик... — начал он, но резко умолк, когда узнал слова знаменитости.

— Это цитата из Холла или определение твоих способностей?

— И то, и другое, — коротко бросил он.

— Холл, — раздумчиво проговорила девушка. Холл и Штейнберг. Величайшая надежда человечества. И они потерпели неудачу. Сколько их уже нет?

— Восемьдесят лет.

— Все время забываю, — отозвалась она, продираясь через подлесок.

— Тебе лучше держаться от них подальше, — посоветовал ей Пол. — Несколько лет отдыха, и с тобой все будет хорошо. Но если не будешь избегать подиан, умрешь как Холл и Штейнберг.

— Они, по крайней мере, пытались что-то сделать, — рассеянно проговорила девушка. — Заперлись вместе с женами в клетках, когда узнали о приближении патруля. И умерли от кровоизлияния в мозг, когда не смогли подчиниться мысленным приказам.

— А дети, — устало продолжала она. — Что они сделали? Они же могли продолжить работу. Но нет, не успели родители умереть, как они бежали, словно зайцы, и стали жить с подианами.

— Это не совсем так, — возразил Пол, поднимаясь на холм, за которым начиналась прогалина. — Дети ушли, да, но они не отправились к подианам. Просто так случилось, что подиане построили новую станцию вблизи того места, где поселились дети. Их нельзя за это винить.

Не слушая его, она взывала:

— Как трусливые зайцы.

— Прекрати, — сурово приказал Пол. Он остановился на краю прогалины и оглядел обломки самолетов. — Истерички мне тут не нужны. Мне надо дело делать.

Она, спотыкаясь, побрела вниз. Пол кинулся за ней, злясь и на себя, и на нее.

— Не уходи, — сказал он. — Просто моя голова сейчас занята другими мыслями. — Он заглянул ей в глаза. Нет, она не просто хорошенькая, решил Пол, она краса-

вица. И сама еще совсем девчонка. Он с нежностью поцеловал ее.

Девушка слабо улыбнулась ему и прислонилась к дереву.

Он осматривал воздушные суда в поисках неповрежденного. Несмотря на небольшие размеры поляны, любой самолет мог бы легко приземлиться на ней, если бы люди сохранили свои нормальные реакции. Но под властью подиан никто не был нормальным; человеком владело лишь одно побуждение: подчиниться приказу, проникающему в мозг. И обычно они призывали лишь тех, кто мог быть для них опасен.

Немногие из тех, кто привел эти самолеты на прогалину, вернутся, чтобы предъявить на них права. По нынешним законам такая собственность принадлежит тому, кто нашел ее и нуждается в ней.

Пол отыскал маленький, прекрасно сконструированный аэромобиль всего лишь с незначительными повреждениями. Из своего самолета, который не полетит без серьезного ремонта, он перенес электронный вычислитель. Потом снова вернулся к своему самолету и тщательно обыскал его, однако, не нашел того, что хотел найти.

— Их они тоже забрали, — в отчаянии сказал Пол.

— Что забрали? — спросила Лура.

— Расчеты и объяснение теории вероятности.

— Хорошие были расчеты?

— Ему удавалось ускользать от них целых десять лет.

— Но это могло быть случайностью. Десятилетний период — всего лишь среднее число.

— Только тем, кто использует метод, действуя против подиан, удастся скрываться от них достаточно длительный срок: двадцать лет и больше. Кроме того, сестра с мужем пришли ко мне спросить, не сделаю ли я для них кое-какую работу по электронике. Если б они оставались там, где были, то могли бы выжить, — с горечью ответил он.

— Что бы мы ни делали, все бесполезно, — монотонно пробормотала девушка. — Те расчеты могли бы спасти моего отца. Или моего дядю-математика, который, к счастью, еще жив.

Пол забрался в аэромобиль.

— Ну, давай, я заброшу тебя в деревню. Хочу рассказать деревенским, где самолеты. Они могут им пригодиться.

— Ты ведь собираешься не только в деревню, — заметила Лура.

— У моего зятя, как у всех математиков, был дубликат комплекта расчетов. Хочу забрать его раньше, чем это сделают подиане.

— Я с тобой, — решительно заявила она. — Отвезешь их моему дяде? — Она стала забираться в аэромобиль. Предыдущий владелец, словно в насмешку, нарисовал на боку очень похожий портрет подианина, Трехсегментное тело, напоминающее какого-то сюрреалистического омара или укороченного богомола, смотрело на нее своими светящимися выпученными глазами.

Лура прикрыла лицо руками.

— Эти глаза, — приглушенно пробормотала она.

— Дело не в их глазах, — отозвался он. — Нет, не в них.

Планетарный зоопарк — так когда-то один писатель прошлого назвал землю, над которой летели Пол и Лура. Но это определение было неполным. Суровая школа мужества, вероятно; мрачный и жестокий исследовательский центр, возможно; тюрьма, да; всемирный крысиный лабиринт, определенно; все это в той или иной степени. И, конечно же, зоопарк с решетками, пусть даже и не всегда видимыми. Эти решетки, они не остаются в каком-то одном месте. Порой они охватывают целый континент, а иногда лишь небольшой участок, предоставляя мозговым патрулям прочесывать население в поисках тех, кто может быть им полезен.

Зоопарк, где животные приходят посмотреть на людей, и где одна клетка никогда не передвигается — та, что охватывает всю планету.

И сто миллионов людей не оказывают большого влияния на дикую природу, которая восторжествовала после того, как население значительно сократилось под властью подиан. То там, то тут встречается деревня, расположившаяся у входа в шахту, а вокруг деревни небольшие распаханые поля. Это мир контрастов: охотники с радиолучевыми ружьями, ученые-атомщики и фермеры; изолированные сообщества и бродяги, которые скитаются по небу в маленьких, простых, но исключительно быстрых аэромобилях.

— Где была их штаб-квартира? — спросила Лура, когда они следующим утром отправились в путь. Лицо ее было уже не таким изможденным, как накануне, и поч-

ти все царапины зажили под умелыми руками деревенских жителей.

— Я знаю... только приблизительно, — признался он.

Она забеспокоилась.

— Тогда нам не следовало оставаться в деревне на ночь. Мы же знаем, что подиане пошлют за нами. Надо было отправляться напрямиком туда, иначе мы можем опоздать.

— Я так не думаю, — заверил ее Пол с легкостью, которой, отнюдь, не ощущал. — У них и кроме нас есть кем и чем заняться. Могут пройти недели, прежде чем они доберутся туда. Вполне вероятно, это не так уж для них важно.

Два дня спустя они все еще не отыскиали здание, которое служило лабораторией и домом для сестры Пола и ее мужа.

— Быть может, мне лучше отвезти тебя к твоему дяде, — предложил он, когда они пролетали над лесами. — Я могу вернуться позже и поискать еще.

Она удивленно взглянула на него.

— Это будет равносильно тому, чтобы отдать лабораторию подианам. Нет, я останусь с тобой до тех пор, пока мы ее не найдем.

Вместо ответа Пол защелкал тумблерами, увеличивая скорость аэромобиля. Он с признательностью взглянул на бесстрашную девушку, сидящую с ним рядом, затем вновь переключил внимание на местность внизу.

Тем вечером на закате они нашли дом на склоне холма, под прикрытием огромных буков. Они поспешно обыскали его. В это время находиться там было опасно. Подиане по возможности избегали солнечного света.

Радароподобные органы чувств позволяли им видеть ночью так же хорошо, как люди видят днем. Их глаза, хоть и ужасные на вид, эволюционировали на темной планете, поэтому хорошо работали только при низкой интенсивности видимого излучения.

Регулярные дозоры курсировали беспрестанно, днем и ночью, но специальные патрули, какие будут отправлены сюда, летали преимущественно в темноте.

Ближе к полуночи они отыскивали бобину, на которую были записаны расчеты. Они вышли из дома и осторожно огляделись. Вдалеке был виден характерный тусклый свет, который двигался по небу и направлялся в их сторону.

— Нам надо сматываться, и поскорее, — сказал Пол. Они побежали к аэромобилю. — Ты знаешь, как управлять этой машиной? — спросил он.

Девушка нахмурилась.

— Без инструкций — нет.

— Именно это я и хотел услышать, — бросил он.

Пол чувствовал, как знакомое и ужасное оцепенение прокрадывается в уголки мозга по мере того, как корабль подиан стремительно приближается. Он включил робопилот. Сражаясь с усиливающимся психическим давлением, демонтировал ручное управление и выкинул его за борт. Завел мотор и включил его на полную скорость. Аэромобиль резко рванул вверх.

Пол навалился на переднюю панель. Лихорадочно пошарив в нижнем отделении, отыскал какой-то тяжелый инструмент. Он сунул его Луре в руку и с силой

ударил ее по лицу. Мышцы в его теле конвульсивно сжались, когда стали слабеть.

— Ударь меня, — невнятно пробормотал он. — Ударь хорошенько по голове.

Когда сознание вернулось к нему, аэромобиль несясь один в ночи. Пол потер скованные от напряжения мышцы рук и взглянул на Луру. Лицо ее слабо освещалось светящимися приборами. Он мягко вытер пол с ее лба и с сожалением дотронулся до красного рубца на щеке. Скоро и она пришла в себя.

— Прости, — мрачно пробормотал он. — Мне пришлось выбрать легкий выход. Я мог управлять им, а ты нет. Плохо было?

Она покачала головой, но ничего не сказала.

Пол пристально взгляделся во тьму, а потом занялся робопилотом. К тому времени она уже вполне пришла в себя, чтобы спросить:

— Что теперь?

— Нам повезло, что робопилот — крепкий прибор, — сказал он. — Когда я повалился на него, то немного повредил. Придется повозиться, чтобы посадить самолет. — Тем не менее, он умудрился приземлиться без происшествий. Измученные, они проспали до утра в аэромобиле.

За короткое время Полу удалось починить робопилот и собрать новое ручное управление взамен того, что он выбросил.

— Теперь мы готовы, — объявил он. — Куда летим?

Девушка печально улыбнулась.

— Я знаю, где он живет...приблизительно. Если, конечно, ему не пришлось переехать.

— Именно этого они и добиваются, — угрюмо отозвался Пол. — Независимые эксперименты. Новые теории, новые устройства. Но недостаточно сотрудничества, чтобы представлять опасность. Они заставляют нас постоянно перемещаться. Но когда-нибудь... — Он не облек в слова старую мечту, что когда-нибудь человечество найдет такое убежище, в которое подиане не смогут проникнуть.

Они отыскивали математика без особого труда. Тот, ковыляя, вышел из своего маленького домишки, слишком маленького, учитывая количество целлюлозы вокруг. Пол ушел в лес, на некоторое время оставив дядю с племянницей одних.

Он нервно вышагивал под деревьями. Нетерпение его росло. Идея, которую он так бережно вынашивал в течение нескольких дней, приобретала в его сознании все большую важность. Возможно, он слишком самонадеян, полагая, что может преуспеть там, где многие другие потерпели неудачу, однако, не усматривал никакого изъяна в своей идее. Он должен ее проверить.

Но сначала надо позаботиться о том, чтобы Лура была в безопасности — если такое понятие как безопасность вообще существует.

Когда он вернулся в дом, еда уже ожидала его. За столом старый Вандергрифт был в приподнятом настроении.

— Поздно я начал, — посетовал он, поймав взгляд Пола на его седую голову. — Никто не доживает до моих лет, если всю жизнь только и делает, что пытается спрятаться от них. И общения почти никакого не было,

— продолжал старик, — как и возможности посмотреть, чего удалось достичь другим, работающим в том же направлении, что и я. Мы бы добились гораздо большего успеха, если б работали сообща. Но, разумеется, забрав одного из нас, они получали бы все наши самые последние теоретические находки. А так один из нас рано или поздно может найти способ постоянно опережать их.

— Вы теоретик, — сказал Пол. — Я бы хотел знать ваше мнение о патрулях.

— Конечно, — отозвался Вандергрифт, бросив на него острый взгляд. — Подозреваю, ваш интерес не поверхностный. — Пол подтвердил, что нет.

Старик на минуту задумался, прежде чем заговорить.

— Во-первых, патрулирование — это компромисс. Компромисс между тем, чего они хотят в отношении безопасности для себя, и тем, что могут получить от нас в плане научных достижений. Они контролируют добрую часть галактики. При желании им бы ничего не стоило стереть нас с лица Земли. Но они этого не хотят. Мы их крупнейший природный ресурс. Мы — их мозги.

Лура попыталась было возразить.

— Это правда, — продолжил он, не обращая внимания на ее вмешательство. Они окружены неким мыслительным или нервным полем, о котором нам ничего не известно, кроме его воздействия на нас. На определенном расстоянии мы совершенно неспособны сопротивляться им, и они легко могут получить от нас любую требующуюся информацию. Но их интеллект, хоть и хорошо организованный, не слишком высок. По умственным способностям мы их значительно превосходим.

— Именно мы усовершенствовали космические путешествия, а не подиане, хотя теперь они используют их, а нам в этом отказано. Мы вывезли подиан с их темной, холодной и сырой планеты и привезли сюда. Их обнаружение было случайностью, но все, что произошло потом, случайным не являлось, хотя в то время мы этого не знали.

— Через сто лет после того, как мы их нашли, они значительно выросли в численном отношении и, действуя сообща, захватили власть прежде, чем кто-либо сообразил что происходит. А когда поняли, было уже слишком поздно. Мы попытались бороться с ними, но к тому времени оказались взаперти на одной этой планете. То есть, те из нас, кто остался. Дабы удерживать нас здесь, они использовали силовое поле, которое мы же и изобрели. К тому времени в их руках уже была вся власть, и они побили нас нашим же оружием.

Старый Вандергрифт помолчал и рассеянно побарабанил пальцем по мягкому и теплomu пластиковому столу.

— Важно, чтобы вы четко уяснили для себя идею патрулирования, — продолжил он. — Они могли бы, разумеется, приставить по подианину к каждому мужчине, каждой женщине и каждому ребенку на земле, таким образом полностью исключив риск, что нам когда-либо удастся изобрести оружие, способное разгромить их. Но тогда они не добились бы желаемых результатов. После первого поколения они получили бы просто расширение подианского мозга. Более крупное, более способное расширение, но воображения у него было не больше,

чем у них. Такой мозг был бы не лучше их собственно-го, а они понимают, что этого недостаточно.

— Вот почему они используют то, что неспециалисты называют мозговой патруль, — продолжал ученый. — Математику он известен как вероятностный патруль. Он контролирует нас и в то же время оставляет достаточно свободы, чтоб мы могли надеяться низвергнуть их. Без этой надежды нас не мог бы интересовать научный прогресс.

— Вы же не думаете, — с горечью продолжал Вандергрифт, — что мы в состоянии обеспечивать все наши экономические нужды для поддержания развития науки? Пластмассы у нас в изобилии. Мы производим ее из древесины, которая есть повсюду. Мы отыскиваем среди руин наших бывших городов металл, и у нас есть собственные рудники. Но нам все равно не хватает определенных металлов, особенно с тех пор, как остался только воздушный вид транспорта. И где, по-вашему, мы берем эти металлы? Вот именно.

Он замолчал и продолжил трапезу. Однако, Полу нужно было больше информации. Выждав приличествующую паузу, он тихо спросил:

— Теперь я знаю, зачем им патрули, но по-прежнему не знаю, как они действуют.

Старый математик взглянул раздраженно.

— Конечно. Если б они отправляли свои корабли вокруг земли по заранее установленному графику, то получили бы что? Да ничего. Основная масса людей оставалась бы в одном месте, а научно-исследовательские работники переезжали бы раз или два в десятилетие.

Во избежание подобного, подиане ввели в патрулирование элемент случайности.

— Значит, это была идея Холла, что от этих патрулей все равно можно ускользать при применении должных математических расчетов, — неуверенно заметила Лура.

— Неверно, — огрызнулся Вандергрифт. — То была идея Штейнберга. Холл просто хотел ускользать от них любым возможным способом. Эти двое работали вместе, и Холл писал об их работе. Это старая история. Человек, который популяризирует теорию, приписывает себе честь ее создания. Но не поймите меня неправильно: Штейнберг был полностью согласен с тем, что делал Холл.

— Вот что мне хотелось бы знать, — настаивал Пол. — Над чем Холл работал?

— Кто знает? — сардонически ответил математик. — Он был достаточно велик, чтобы сказать нам, что мы должны делать. Он говорил: если б у нас был мелкий враг, за десять лет мы могли бы изобрести что-нибудь, чтобы победить его. Более крупный враг мог бы потребовать двадцать лет непрерывной работы. Но враг, который контролирует большую часть галактики, враг, который в любой момент может уничтожить не только Землю, но и всю солнечную систему, если сочтет это необходимым, такой враг может потребовать тысячетлетнего труда.

— Но что сам делал, он не говорил. Единственное, что я знаю, это что он любил цитировать одного старого биолога, которого, полагаю, звали Холт: «Наследственность — это развитие оплодотворенного яйца в утробе». — Седовласый патриарх замолчал и огляделся.

Пол покачал головой.

— Давайте оставим биологию. Это не моя область. Что насчет электронных устройств, над которыми он предположительно работал?

Вандергрифт хмыкнул.

— Никто не знает. Ничего не нашли.

— Его дети забрали их и отдали подианам, — мстительно заявила Лура.

— У тебя навязчивая идея по поводу его детей, — ответил дядя. — Я лично разговаривал с одним стариком, который последним видел детей Холла и Штейнберга. Их родители только что умерли, и они были на пути к тому месту, где в конце концов поселились. Их было четверо: двое Штейнбергов и двое Холлов. Самому старшему восемнадцать, а самому младшему двенадцать. Кроме одежды, что была на них, они имели с собой только маленький ручной пистолет, несколько платьев их матерей и тюфяки, на которых они спали, когда были поменьше.

— Это доказывает, что они не взяли их. Но они вполне могли их уничтожить, — не унималась Лура.

Вандергрифт печально улыбнулся.

— Возможно, они уничтожили устройства, я не знаю. Но в любом случае нет смысла винить их за это. Я скажу вам почему.

— Оба, и Холл и Штейнберг уделяли много внимания своим детям. Они постоянно работали вместе с ними. И все же им так и не удалось достигнуть многого. Дети не имели представления о роли подиан в людских делах. Они даже не были особенно сообразительными.

— После смерти было проведено вскрытие обоих ученых, и открылась одна вещь, которая мало кому известна, потому что мы не желаем признавать, что и у великих могут быть изъяны. У обоих было аномальное строение мозга. Их мозг был блестящий, да, но дефективный. Дети, особенно в виду их поведения, которое выглядело странным и определенно ненормальным, были слабоумными. Таково мнение лучших психиатров тех дней.

— Значит, они не могли продолжить работу своих родителей, — покаянно пробормотала Лура. — А я всю свою жизнь ненавидела их —

— Неважно, — сказал ее дядя. Он поднялся и посмотрел на бобину с записью расчетов. — А сейчас я процитирую вам кое-что еще. Одна женщина по имени Эмили как-то написала:

*Мой дом — Возможность.
Краше он, чем Проза серых дней.
В нем Окон множество, не счесть
И замкнутых дверей¹*

— Замените одно слово — возможность — на вероятность, и вот вам описание математиков в наш век.

— Оно нарушает ритм и рифму, — возразила Лура.

Вандергрифт добродушно улыбнулся ей и направился к проектору. Скоро он с головой ушел в теорию.

¹ Отрывок из стихотворения Эмили Диксон
в переводе Марии Еремеевой — Прим. перев.

На следующее утро Пол проснулся рано, но математик уже работал. Было заметно, что он сильно взволнован.

— Это дает небольшое, но важное дополнение к одному фактору, — объяснил он. — И может означать разницу между пленом и свободой. Какая жалость, что у меня нет более быстрой машины, чтобы рассчитать эту позицию.

Он обрадовался как ребенок, когда узнал, что у Пола такая машина с собой.

— Их модель движения не такая беспорядочная, как, скажем, у молекул воздуха в заданном количестве газа. Им приходится охватывать большую территорию, используя ограниченные силы. Поэтому они внесли изменения; водное пространство они патрулируют меньше, чем сушу. Нет надобности.

— А какого рода патруль у них на воде? — спросил Пол.

— Они разделили ее на зоны. В открытом океане, где нет островов, они используют прямой радар, автоматический и высокоскоростной. Многие маленькие островки уничтожены, а там, где располагаются скопления островов, они задействуют смешанный тип: радиолокационно-мозговой. — Он усмехнулся. — Знаю, о чем вы думаете, но не выйдет. Ничто не ускользает от их радиолокационных патрулей. Их излучатели могут прощупывать всю толщу до самого дна. Кстати, именно поэтому пещеры тоже не годятся.

Он вернулся к своим вычислениям. Пол посмотрел на то, над которым старый ученый работал на крошечной машинке.

— Подиане используют аппарат в тысячу квадратных футов, — с отчаянием в голосе проговорил он.

— Знаю. — Глаза старика сияли. — Но у меня два преимущества. Во-первых, я ищу всего одно место, куда они не придут, а они отвечают за всю планету. И да, у них гораздо лучший вычислительный аппарат, зато у меня более сложный формулятор. — Он постучал себя по голове и вернулся к работе.

Через восемь часов он поднял голову и ободряюще улыбнулся.

— Хорошо, что вы привезли это мне.

— Значит, здесь нам находиться небезопасно, — заметила Лура.

— Конечно, — отозвался ученый. — В течение примерно двадцати часов. Плюс-минус.

Пол вскочил на ноги.

— Тогда давайте отсюда уходить. Возьмем, что сможем. Остальное придется оставить.

Вандергрифт улыбнулся.

— Куда отправимся?

— А вы разве не знаете?

— Буду знать через восемь часов. Нет, через семь. Я уже освоил вашу машину, — сказал он. — Знаю, что этот район изолирован и обследован, но не знаю, насколько велик этот участок. До того, как мы двинемся в путь, я должен выяснить, какие районы не будут покрыты в ближайшем будущем.

Он склонился над вычислительной машинкой и начал загружать в нее уравнения.

— Я бы не отказался от большой кружки синтетического черного кофе, а вы двое пока могли бы перенести мои пожитки в аэромобили.

Много времени не потребовалось, чтобы погрузить вещи Вандергрифта: микробиблиотеку, пластиковый преобразователь и пенораспылитель, большой парабигенератор, набор ручного оружия, примитивный синтетический пищевой конвертор и всякий личный хлам, накопившийся за шестьдесят лет.

Для Пола и Луры, которые могли только стоять и ждать, время тянулось медленно. Но через шесть часов математик закончил, опередив свой собственный график. Со вздохом он поднял покрасневшие глаза от работы.

— Думаю, я нашел место, где мы некоторое время будет в безопасности. Оно далеко, у атлантического побережья. — Он положил вычислительный аппарат в свой аэромобиль. — Следуйте за мной на своем самолете.

Четыре часа у них ушло на то, чтобы выбраться из района, который Вандергрифт счел на данный момент опасным. После этого они долго летели на скорости поменьше, пока не добрались до лесной поляны неподалеку, но все же не совсем рядом с деревней. Как только они приземлились, старый ученый растянулся под деревом и мгновенно уснул.

К тому времени, как он проснулся, дом уже был готов. Несколько деревьев были спилены вибропилой, разрезаны на куски и загружены в пластиковый преобразователь, а затем с помощью пенораспылителя быстро



разбрызганы в требуемую форму, тут же затвердевшую на воздухе. Основное сырье находилось повсюду вокруг них.

Старик одобрительно оглядел плоды их труда.

— Много лучше, чем я построил сам. — Он прислонился к стене и повернулся к Полу. — Я был так занят, что не хватило времени спросить: когда вы собираетесь в пещеру?

— Через несколько дней, — ответил Пол. Сначала хочу усовершенствовать ваш синтетический пищевой конвертор, чтобы вы могли разнообразить свою еду. — Помимо этого перед ним еще стояла задача внести значительные изменения в устройство своего аэромобиля.

Он был рад и в то же время огорчен, что приходится покидать Луру и ее дядю. Было совершенно ясно, что то, что он испытывает к этой прекрасной, неукротимой девушке, не простая симпатия. Однако, не менее очевидным оказалось и то, что без кардинального решения проблемы, стоящей перед всем человечеством, любые отношения, которые могут зародиться между ними, придут к внезапному и трагическому финалу. Он реалист, продукт своего века, и он сомневается в ценности отношений, которые существуют в атмосфере террора, под постоянной угрозой неизбежного конца.

К тому времени, как Пол добрался до пещеры, он перестал думать о Луре. Пещера, в которой умер Холл, с тех пор оставалась нетронутой, как памятник ученому. Больше из чувства благоговения, чем в надежде что-либо узнать, он обследовал всю пещеру. Закончив, вернулся к большой стальной клетке. Как гласит легенда, Холл жил в ней неделю до своей смерти, и настойчивые призывы молотом стучали у него в голове. Помимо этой клетки была еще одна, для его жены. А в двадцати милях, в другой пещере, еще две камеры, где в то же самое время умерли Штейнберг и его супруга.

Пол прошел в библиотеку и вставил дневники в проектор. Так он просидел до вечера, просматривая записи давно умершего ученого. Если и существовал какой-то ключ к его трудам, то он был хорошо спрятан.

Утром он поднял аэромобиль высоко в небо и направился в сторону моря. Несколько часов он летел на робопилоте, размышляя над словами, которые прочел накануне:

«Почти двадцать лет мне удавалось скрываться от беспозвоночных властителей нашего мира, и это целиком и полностью заслуга математического ума моего дорогого друга Штейнберга. Я всего лишь довольно неплохой электронищик и биолог, поэтому не вполне компетентен, чтоб судить, и все же полагаю, что математика может предсказать только где подиане будут, но не то, где их не будет. Под этим я подразумеваю, что прогнозирование имеет свои ограничения. Мы можем сказать, куда подиане перенесут свои главные станции, что они делают время от времени, дабы разнообразить схему. Мы даже научились предсказывать, какими будут главные признаки и особенности всех их патрулей. Но мы не в состоянии предсказать с определенностью, где будет находиться каждый патруль в заданное время»

Однако люди, хоть и ставят это в заслугу Холлу, используют математическую схему, разработанную Штейнбергом.

«И все же тайное убежище, куда подиане не смогут добраться, существует. Вскоре моя работа будет продолжена там»

Но подиане нагрянули раньше, чем он успел отправиться туда. Где же оно, это место? Где это убежище, о котором с такой уверенностью говорил Холл?

«В случае, если я потерплю неудачу, или мне помешают прежде, чем я смогу действовать, другие должны продолжить эту работу. Я не могу сказать больше, даже с помощью шифра. Подиане постоянно захватывают наших лучших ученых и математиков. Эти беспомощные мужчины и женщины, работающие

под контролем подиан, в состоянии взломать любой код, который я или мой друг Штейнберг могли бы изобрести. Решение должно быть предоставлено логике ваших свободных умов. По определению пленники подиан не могут удовлетворительно работать в том районе»

Пол вынужден был прекратить свои мучительные размышления. Холл мог подразумевать всю что угодно. Возможно, он писал о том самом месте, куда сейчас направляется Пол. А мог иметь в виду совсем другой район. Одно было предельно ясно: математика не предлагает окончательного решения.

И, разумеется, ученый мог просто мечтать, больше вдохновленный надеждой, чем знанием. Если Вандергрифт прав, то так оно и было.

К полудню Пол нашел Саргассово море. Он был озадачен. По его информации оно должно было находиться гораздо дальше от берега. Правда, однако, что в течение почти двух тысячелетий океан толком не изучался. Имеющиеся у него карты устарели.

Сначала он обследовал все пространство. Оно было достаточно небольшим, при том что когда-то занимало обширную территорию. Как бы то ни было, для его цели сгодится.

Внесенные им изменения в конструкцию аэромобиля сделали его вполне годным для этой экспедиции. В середине дня Пол приземлился на спокойную, покрытую водорослями поверхность океана. Тщательно отобрал образцы всех важных форм растительной жизни и попытался оценить количество каждой.

Это ли есть то самое убежище? Подианский радиолокатор может достать до океанского дна даже здесь. Но сумеет ли он отличить должным образом замаскированный глубоководный аппарат от густой массы саргассовых водорослей? Пол считал, что нет. И если только он не ошибается, таково было и представление Холла, инженера-электронщика, о месте, «куда подиане не смогут проникнуть».

Маленькие атомные двигатели — ответ на энергетическую проблему. Морские водоросли можно использовать в синтетическом пищевом преобразователе. Размещенные по кругу диаметром в несколько миль миниатюрные радиолокаторы будут улавливать приближение радаров подиан еще на дальних подступах. Не будет необходимости оставаться в погружении на долгие периоды.

В аппарате, чей коэффициент проникновения равен среднему количеству саргассовой водоросли, которую вытеснит, здесь, среди морской растительности, человек может быть в безопасности.

День уже клонился к вечеру, и Пол все еще собирал образцы, когда услышал их. Видеть патрульные корабли он еще не мог, но почувствовал их приближение по пульсации в висках. Дико озираясь, он попытался обнаружить их. Бежать. Да. Но куда?

Его ошибка заключалась в том, что он, во-первых, на время утратил бдительность, а во вторых, недооценил их быстроту. Они приближались на огромной скорости. Полет был невозможен. Выстроившись в длинную линию через короткие промежутки от горизонта до горизонта, они надвигались с севера. Пол беспомощно съе-

жился на поверхности, ожидая смертоносного луча, бьющего вниз. Или ленивого падения самонаводящегося снаряда, нацеленного на его аэромобиль.

Но, к его немалому удивлению, ничего этого не произошло. Не долетев до него несколько миль, быстро приближающиеся патрульные корабли вдруг разделились. Некоторые двинулись вправо от него, остальные повернули влево. Он изумленно смотрел, как они пролетают мимо, но не над ним.

Далеко на юге корабли вновь сомкнули ряды в непрерывную линию и двинулись дальше, пока в конце концов не скрылись за линией горизонта.

По какой-то непостижимой причине смерть его миновала. Взмокший от пота, Пол сидел без движения и размышлял над странным поведением патруля. Он понимал, что его спасение было случайным. Казалось невероятным, что саргассовы водоросли могли заглушить радиоэлектронные волны. Корабли уже летели над Саргассовым морем, когда нарушили боевой порядок, и вернулись в строй, продолжая лететь над той же массой морских водорослей.

Где-то в этой части моря скрывается причина таких необъяснимых действий со стороны патруля. Погруженный в размышления, он поднял аэромобиль на несколько сотен футов и завис над океаном.

Быстро темнело. Пол выжидающе смотрел вниз.

И нашел ответ.

Море светилось, но не характерным для этих вод фосфоресцирующим светом. Оно освещалось из глубины. Прямо под ним на поверхность поднималось боль-

шое судно. С первого взгляда было понятно, что сделано оно не человеком. Теперь стало ясно, почему радиолокационный патруль обошел этот район стороной. Без сомнения подианский корабль, который отдыхал на дне моря, дислоцируется тут постоянно.

Пол устало ссутулился в кресле и попытался оценить полученные факты. Водоросли надежно скрыли бы погруженное в них маленькое судно от рыскающих лучей патруля, в этом нет сомнений. Но не менее очевидно и то, что он не может использовать ни этот, ни любой другой подобный участок моря.

Подиане пришли с сырой, холодной и темной планеты. И даже на земле они не всегда находятся на дежурстве. А в этой части моря условия максимально приближены к тому, к чему они привыкли. И это также объясняет, почему, оказавшись в такой близости от них, он все же не был призван. Они сейчас не искали людей; они просто отдыхали.

Теперь, с наступлением ночи судно поднялось на поверхность. Он слышал, как вода мягко плещется о борта гигантской лодки.

Он тихо направил свой аэромобиль на предельной прочь, впрочем, теперь это уже не имело никакого значения. Теперь за ним охотятся, и ему не уйти от погони. Он не сделал никакого открытия, которое угрожало бы им, нет. Но он узнал то, чего не знает больше никто из людей — где они проводят свободное время. И за это знание он обречен.

Пол направился к материку и приземлился в темноте на лугу. Изнуренный, он провалился в беспокойный

сон. А утром проснулся и увидел мерцание силового поля в воздухе.

Пол знал, что обладая достаточной силой, можно прорваться сквозь него. Но ни у одного землянина нет в распоряжении той огромной энергии, которую контролируют подиане. Контролируют, хотя изобретена она была не ими. Стало быть, это конец.

Наследие. Он подумал о Луре. «Ей я оставляю свою последнюю любовь и поцелуи. И настоящий совет не преследовать подиан в надежде каким-то чудом приобрести иммунитет от их ужасных приказов. Скоро. Слишком скоро они явятся за ее дядей, у которого она остановилась. Одной математической науки все же недостаточно.

Миру я дарую следующее: во-первых, один бывший в употреблении аэромобиль, приспособленный к приводнению; во-вторых, одну сомнительную теорию; в-третьих, частичку бесполезной и опасной информации и, в-четвертых, надежду, ибо мне она уже ни к чему»

Он сел спиной к дереву и стал ждать. И скоро сигнал пришел, вначале слабый и неясный, но словно липкая паутина, опутывающий и затягивающий все дальше, все глубже. Он сопротивлялся ему — подиане, должно быть, были еще далеко. Сидел и боролся с призывом, пока тот не стал сильнее.

Он медленно поднялся на ноги и пошел. Силился мысленно отгородиться от кошмарной пытки.

— Убежище, — бормотал он снова и снова. Но убежища не было. Как и не было спасения.

Сознание его сдалось, и он быстро зашагал по лесу. Споткнулся о бревно, поднялся, пошел дальше. Нельзя

заставлять их ждать. Надо добраться до них. Ненависть. Какая такая ненависть? Почему? Зачем? Ведь они славные.

Он уже бежал. Бежал к ним. Летел. Убежище. Но убежище — всего лишь иллюзия, затерявшаяся в темном лабиринте реальности.

И вдруг случилось невероятное: он остановился. Пол не понимал причины, но знал, что его больше не контролируют. Мышцы ног все еще судорожно подергивались, но лишь потому, что освободились от напряжения. Этот мучительный навязчивый невроз малопомалу отступал. Защитное поле, более сильное чем то, что могли создать подиане, стеной встало и сомкнулось вокруг него. Сознание сделалось чистым-чистым, как первый снег.

Он стоял на краю луга и в изумлении взирал на детей, которые шли по высокой густой траве. Сколько их? Дюжина? Но главным было не их количество. Нет, совсем не это.

Они были одеты в какие-то лохмотья и шкуры, волосы развевались по плечам, но никто никогда не принял бы их за дикарей. Старший мальчик выглядел лет на шестнадцать. Самому маленькому было, наверное, года три. Все держались спокойно и смотрели без страха.

Дети остановились в нескольких шагах от него.

— Вы разбираетесь в электронике? — спросил мальчик. Пол кивнул.

— Хорошо, — отозвался мальчик. — Тогда пойдете с нами. Нам необходимо усвоить много технической информации.

— Пойду с вами? — переспросил Пол, оглядывая маленькую группу. Рядом с мальчиком стояла девочка лет пятнадцати в сильно поношенном стеганом платье, которое было ей чересчур велико.

— Да, — сказал мальчик. — Сегодня ночью голос велел нам покинуть наш лагерь возле станции подиан и вернуться в мир. — Пол резко взглянул на него. У него что, тоже были видения?

Мальчик верно истолковал выражение лица Пола.

— Полагаю, источник голоса находится вот здесь, хотя вчера ночью я этого не знал. — Он вручил Полу какой-то маленький предмет. — Мы нашли его спрятанным в тюфяках, на которых спят дети.

Пол с любопытством разглядывал предмет. Это было миниатюрное, но вполне узнаваемое радио. Мальчик сказал, что они жили возле станции подиан, что вполне объясняло их невежество в отношении многих общеизвестных достижений технического прогресса.

— Мы сделали, как велел голос, — сказала девочка. — Откопали это возле станции. Никто не знал, что оно было там, но мы без труда его нашли. — Она передала ему какой-то предмет в пластмассовом футляре площадью с фут и в полфута толщиной. Пол с нетерпением взял его в руки. Держать электронное оборудование любого происхождения рядом со станцией подиан запрещено. Должно быть, его закопали до того, как станция была построена.

Он открыл футляр и внимательно изучил то, что было внутри. Его энтузиазм медленно испарился.

— Это ерунда, — подавленно проговорил он. — Радиопередатчик устаревшего образца, передающий слабый сигнал с ряда катушек проволочных самописцев.

Почему-то Пол связывал присутствие детей со своим освобождением. Он быстро огляделся. Никакого другого оборудования у них не было.

— Но поле, — в отчаянии проговорил он, — как вы нейтрализовали поле —

Мальчик лишь улыбнулся, стоя в лучах утреннего солнца.

— Подиане создают поле в пределах их нервной системы, — серьезно объяснил он. — Вы думали, мы бы использовали механизм?

Пол не мог так сразу постичь эмоциональный аспект этой идеи, посему занялся аспектом научным.

— Это старый план, — продолжал мальчик. — План, который должен был держаться в тайне даже от тех, кто принимал в нем участие до тех пор, пока не придет время... — Он нежно привлек девочку к себе. — Пока не придет время, когда родится человек, которым подиане не смогут управлять. Я был первым таким человеком. — Он дотронулся до потрепанной ткани платья девочки. — Его носила моя мама, — сказал он. — Не потому что хотела и не потому что знала зачем. Просто в нее была заложена модель поведения, которой она не могла не следовать.

Он закончил:

— Предки всех нас, кто находится здесь, носили это платье с момента зачатия до рождения каждого ребенка.

Рваная, истрепанная ткань поблескивала металлическим блеском. Некая схема неизвестной сложности была вплетена в материал.

Части плана, словно кусочки мозаики, в конце концов, сложились у него в голове. Подиане призывали, и человек являлся к ним соразмерно своим знаниям, в зависимости от степени его ненависти. Но если с рождения границы знаний намеренно ограничивались, и если в ребенке не воспитывалась ненависть к подианам, тогда его никогда не призывали. Целый клан, воспитанный таким образом, мог жить рядом со станцией и это дозволялось. Устройства, которые дети принесли с собой, были способны таким вот образом обучать поколения детей.

А когда, наконец, родился тот, кто органически создавал определенное поле, он привел в действие новую систему автоматического образования для тех, кто появился позже.

Но как такой ребенок вообще мог появиться? Холт говорил: «Наследственность — это развитие оплодотворенного яйца в утробе». Это, по крайней мере, частично правда.

Между новорожденным ребенком и взрослым лежит большой период развития — целый мир. Питай организм и обучай должным образом, и получишь то, что желаешь, в определенных пределах, разумеется — музыканта, спортсмена, ученого. Но если будешь обходиться с ним иначе, лишишь йода и других необходимых для развития микроэлементов, он вырастет большим, увечным идиотом.

Но между оплодотворенной яйцеклеткой и новорожденным ребенком лежит даже не мир, а целая вселенная развития. Здесь организм воистину податлив и в высшей степени восприимчив.

В ткань платья, что на девочке, заткана схема, которая модифицировала мыслительное поле подиан и направляла на развивающуюся яйцеклетку. И растущая нервная система откликалась. Но существовало только одно место, где можно было обеспечить сильное и постоянное поле, и это место было рядом с подианской станцией.

Мальчик прервал размышления Пола.

— Мы спрячемся в лесу, пока не сформируется защитное силовое поле. — Он задумчиво помолчал. — Хотели, чтоб родители пошли с нами, но они не могли. Они эмоционально обусловлены оставаться в одном месте.

Он грустно улыбнулся Полу.

— Вам бы они показались...слабоумными, и в каком-то смысле, так оно и есть. — Он покачал головой. — Полагаю, это было необходимо. — Парень повел детей под защиту леса. Пол пошел за ними.

— Они не знают, что произошло, — продолжал мальчик. — Наше отсутствие их сильно удручит и собьет с толку. И они не способны иметь еще детей.

— Как тебя зовут? — спросил Пол, хотя и сам уже знал.

— Я Сэм Холл, — ответил мальчик. — Сэм Холл Пятый. — Он взглянул на подианский корабль, который

плыл над дальними верхушками деревьев. — Будьте вы прокляты, — сказал Сэм существам, находящимся в нем.

Убежище — в самой жизни, в ее растущей и развивающейся яйцеклетке, в еще не родившихся поколениях. Когда-то давно первый Сэм Холл понял это и знал, что оно выстоит.

Простой псимен

Он надел пиджак и выглянул из-за угла, прежде чем подойти к двери.

— Я пси, — прошептала булавка у него на лацкане.

Иган Рейнс выпустил ручку двери и пощупал эмблему. Незаметное, меньше ногтя его большого пальца, изображение лунного диска на темно-синем фоне. На диске изображено лиц, с двумя выступающими по бокам антеннами.

Рейнс нахмурился и повертел заколку в пальцах. Ему казалось, что он избавился от всего, что способно его выдать. Пока никакого вреда: в Индии никто не видел этот значок и не слышал его. Рейнс с сожалением посмотрел на эмблему, повернул ее. Сзади надпись «Американская Ассоциация Пси-астрономов». Значок обладает сентиментальной ценностью, но от него придется избавиться.

Он подошел к диспозеру — устройству для утилизации отходов — и бросил булавку в него. Она тут же с гудением вылетела назад и ударилась о противоположную стену. Ворча, что иностранные устройства никогда не работают нормально, Рейнс подобрал ее. Внимательно осмотрел и заметил крошечную царапину на поверхности. И все. Материал прочнее, чем способны обработать лезвия диспозера. Рейнс с уважением подумал о технике, с помощью которой создана эта булавка.

Кто-то прошел внутри по коридору. Неужели услышали звук удара? Рейнс начал осторожную мысленную проверку.

— Я пши... — сказала булавка.

Теперь она шепелявит... и звук стал громче. Удар, должны быть, повредил кристаллы речи внутри. Рейнс торопливо закрыл свои мысли, и булавка отозвалась молчанием.

Первоначально это было средство распознавания; оно позволяет людям с такими же способностями — псимаменам — узнавать друг друга. В Америке, где таких людей немного, оно прекрасно справляется со своей функцией, но в Индии, где активность менталистов гораздо выше, оно становится помехой. И будет непрерывно болтать.

Рейнс завернул маленький механизм в бумагу и осторожно бросил в приемную щель диспозера. Диспозер загудел, и, как и ожидал Рейнс, булавка вылетела назад. Он снова вырвал ее из стены. На этот раз она слегка погнулась.

«Диспозер установлен для удобства гостей. Он возвращает все случайно брошенные в него ценности».

Рейнс подпрыгнул и дико огляделся. Он был уверен, что в помещении никого нет, и никакого служебного экрана он не видел. Он по-прежнему никого не видел. Но со стены на него смотрел глаз.

— Все дело в дефиците, — серьезно объяснил глаз, заметив его недоумение. — Наша страна не производит все необходимые нам материалы. Не имея возможности заказать большие устройства, менеджмент отеля ограничился маленькими. Они выполняют свою задачу.

Глаз, чуть больше естественно, подмигнул ему. Он заполнял весь экран.

— Если хотите избавиться от украшений, рекомендую ломбард. Это гораздо экономичней.

Рейнс с привычной осторожностью осмотрелся. Что видел или слышал этот механизм. Вероятно, ничего. Глаз он заметил.

— Прошу прощения, я выбрасывал не совсем обычную изломанную запонку.

— Да, она необычная, — согласился глаз. — Будь она чуть тверже, не вернулась бы. — Глаз затуманился. — Мы не можем допустить поломки диспозера, поэтому смягчаем условия его работы. Если предмет тверд, как алмаз, он проходит.

Удобное и выгодное устройство, подумал Рейнс и подошел поближе, чтобы рассмотреть незаметный экран. Он такой маленький, что его можно и не заметить.

— Сегодня люди не выбрасывают алмазы, как когда-то, — пожаловался глаз.

Рейнс дал ему возможность поговорить. Он должен обезопасить себя, и есть только одна возможность для этого. Тот, кто наблюдает за ним, находится в служебном отделе, где-то не очень близко. Но Рейнс был уверен, что сможет добраться до него.

— Я шпи, — сказала булавка, приведенная в действие телепатически. — Я шпи...

Второе путешествие в диспозер повредило кристаллы. У булавки словарь из двух слов, и слова эти никогда не менялись... однако теперь изменились. И если посторонний человек услышит искаженное сообщение, он может неверно его понять. Рейнс плотнее сжал пальца-

ми эмблему. Но даже такое относительно слабое сжатие привело в действие кристаллы.

— Я шпи! — закричала булавка. Этот звук казался громогласным.

Рейнсу потребовались напряженные мысленные усилия, чтобы вспомнить, что он должен сделать: перестать посылать ищущую мысль. И когда Рейнс опустошил свой мозг, эмблема послушно стихла.

Глаз подозрительно смотрел на него.

— Вы что-то сказали?

— Ни слова.

— Я так не думаю, разве что вы умеете говорить, не шевеля губами. — Глаз исчез и сменился неопределенной массой плоти, возможно, носом. Потом глаз снова появился. Возможно, это был другой глаз. — Наверно, дети туристов у меня за окном играют в ваши американские игры.

Рейнс облегченно кивнул. Голос кажется громким ему, но не другим людям. Руки его перестали дрожать. Нервы едва сдерживались.

— Они любят бейсбол, — вежливо сказал он.

— Не бейсбол, — возразил глаз. — Думаю, это другая игра. Прятки. Значит, теперь ее называют «Я шпион».

— Глаз несколько раз быстро мигнул. — Ну, пока.

Оставшись один, Рейнс быстро думал. Краткий контакт с глазом убедил его, что его ни в чем подозрительном не подозревают. Это плюс.

Он потрогал эмблему. Она определенно не плюс. Рейнс решительно положил ее в карман. Он не может подвергать риску свою миссию: он должен найти в Ин-

дии одного человека, который так много значит для цивилизации и астрономии.

Было много попыток спасти землю, но ни одна, смеем заверить, не сводилась к мятежному жонглированию среди священных коров Индии. Иногда приходится применять необычные методы. А когда нужно убедить людей, магия оказывается полезней логики.

Вы даже можете найти мораль, скрытую за мистификацией, но во всяком случае хорошо позабавитесь.

Рейнс спустился в лифте и вышел из отеля на улицу. И сразу захотел вернуться. Но булавка настойчиво вела его мимо длинной очереди ПНП.

В 1976 году Индия представляла собой клубок противоречий. За последние десятилетия она достигла стадии индустриализации ненамного ниже стандартов Запада. Но она густо населена, и стандарты жизни намного ниже американских и европейских. Быстрое техническое развитие создавало рабочие места и за одну ночь могло все их уничтожить. Тот, кто утром был хорошо подготовленным и преуспевающим специалистом, мог к полудню оказаться безработным бродягой. И пока он не изучил новую профессию и не нашел себе новое место работы, он попадал в число Неофициальных Просителей Помощи. Но он сохранял достоинство и не становился нищим попрошайкой. И попрошайничество запрещено законом.

Рейнс не мог заткнуть уши. Он мог только идти как можно быстрее и не обращать внимания на просьбы. Несколько человек оставили свои места в очереди ПНП и пошли за ним, но постепенно сдались и вернулись к отелю в ожидании других туристов.

Рейнсу нетрудно было вести себя как турист и зевака. Это великая родина, где в далеком прошлом произошли европейские языки и народы; сложная, сбивающая с толку страна, в которой уживаются старое и новое. Коровы на улицах подвергают опасностям пешеходов и автомобили. На вершинах небоскребов святые люди лежат на постелях из гвоздей, а телевидение передает эту картину верующим в самых отдаленных деревнях. Рядом с гидропонными садами факиры мистифицируют любопытных старинным трюком с веревкой.

Если бы не миссия, Рейнс с удовольствием понаблюдал бы за этими менталистами — ради собственного удовлетворения. Он сам псимен, причем мощный, хотя и на элементарном уровне. Он телепат и только, других способностей у него нет, короче, простой псимен.

Эмблема в кармане была такой же тяжелой, как и у него в сознании. Пока он не нашел тихой улицы, чтобы избавиться от нее. В городе с таким количеством жителей — в любом городе Индии — сделать это непросто. Он шел по бульварам и улицам, поворачивая и меняя направление, пока не нашел идеальное место.

Он сунул руку в карман, перебрал монеты и достал маленький талисман. Подошел к обочине и выпустил его из пальцев. И мысленно расслабился, как только от него избавился. Уборщики сметут его, и, хотя он может привлечь внимание другого телепата, проследить нить к нему невозможно.

Он свернул, чтобы избежать коровы, которая шла по улице и дружелюбно улыбалась. Индия — романтическое место, но не соответствует высоким стандартам цивилизации.

Кто-то взял его за локоть.

— Прошу прощения.

Рейнс повернулся. Он узнал одного человека из очереди ПНП. Он ошибся: не все они разочаровались и вернулись в очередь. Рейнс быстро произвел оценку: крепкий парень, не очень высокий, но в ширину набирает то, чего не хватает в высоту. На нем набедренная повязка, или повязка Ганди, и удивительно уродливый тюрбан. Для этой части Индии самая обычная одежда. Конечности не слишком длинные, зато толстые и мускулистые.

— Я не подаю милостыню, — сказал Рейнс, с трудом отрывая взгляд от отвратительного тюрбана. Прохожие тоже смотрели на этого человека.

У туземца был непроницаемый взгляд безработного.

— Я не прошу, сэр. Вы кое-что потеряли.

И он протянул руку с эмблемой.

Рейнс в отчаянии схватил ее. Лицо туземца кажется невинным. Мгновение поколебавшись, Рейнс быстро произвел мысленный поиск, замаскировав это приступом кашля.

— Я пси, пши, шпи... — сказала булавка.

Рейнс зазвенел монетами и еще громче кашлянул.

Он быстро прекратил мысленный поиск. Индус ничего не заподозрил, хотя глаза его слегка расширились от экспромта Рейнса. Неважно: Рейнс пришел к выводу, что туземец не телепат. Он бросил индусу несколько монет, поблагодарил его и пошел дальше.

Оглянулся. Туземец по-прежнему идет за ним, очевидно, не удовлетворенный вознаграждением. Пока

парень идет за ним, Рейнс не хотел бросать эмблему. Но и держать ее при себе не может.

Ему пришла в голову другая мысль. Он видел, что от отеля течет река, проходящая по городу. Вода желтая и грязная, но это лучшее место для того, чтобы избавиться от коварной вещи. Он повернул и шел, пока не увидел реку. Туземец по-прежнему шел за ним. Рейнс не хотел снова проходить через это.

Он остановился и, продолжая размышлять, купил жевательную резинку. Он не любит жевать, но, преодолевая отвращение, снял обертку и сунул жвачку в рот. Обертку не выбросил, а завернул в нее эмблему. Проходя по мосту, бросил обертку с эмблемой в реку. Пусть застрянет в иле на дне или попадет в брюхо крокодила. Больше она не сможет его предавать.

Но в чем-то она его все-таки выдала. В стремлении избавиться от уличающего предмета он кое о чем забыл. На его мысли тяжело навалилось чье-то сознание. Он попытался избавиться от него, уйти, но стоило ему отступить, как захватчик наступал.

Он не проникал в мысли Рейнса. Оставался снаружи, постепенно окружая его. Когда началось это вторжение? Он не мог сказать точно, но продолжается это недолго. Тяжелое сознание, проникающее, но не слишком острое. Но оно наделено грубой силой и внушает мысли, которые Рейнсу не нужны.

На мгновение он почувствовал сильное желание найти место в тени у прохладной реки и лечь. Приятная на ощупь трава будет ласкать его кожу, поблизости будут гармонично жужжать насекомые, чувственно щекотать, делая укол. Теплота и влага. Жидкость.

Рейнс вспотел. Он должен отразить это коварное нападение.

Сначала нужно определить источник.

Не нищий из ПНП. Он близко, но Рейнс уже определил, что он не телепат. Улица теперь заполнена людьми и животными. В этом проблема: очень трудно отыскать нападающего.

Который? Рейнс осмотрелся. Бородатый аскет рядом с ним? Это святой отшельник, такие бывают телепатами. Но и десяток других тоже, все с роскошными седыми бородами. Рейнс послал ищущую мысль, но безрезультатно.

В Америке он противостоял объединенному натиску лучших из его друзей. В Индии он ожидал найти большее сопротивление, но это превосходило все его ожидания. Защита, которую он приготовил, кажется совершенно недостаточной.

Мимо грациозно прошла темноглазая девушка с оливковой кожей. С небольшой помощью воображения он мог увидеть все извивы ее тела. Очень привлекательно. Я плюс ты значит мы. Вряд ли теорема Эвклида, но я хотел бы, чтобы наши параллельные пути пересеклись.

Может, он слишком оптимистично настроен, или наступающие мысли отступили? Девушка оглянулась и пошла назад. Я плюс ты значит три, пришел ее решительный ответ. Что ты задумал?

Ее мысли шли неверным путем. Неприятно близка сцена свадьбы. Он пошел от нее, игнорируя ее беспринципное предложение.

Я могла бы понять, презрительно подумала она, когда он не ответил. Тебе нужна девушка другого типа. И она послала ему мысленную картину.

Опасно разбрасывать по сторонам свои мысли. Здесь происходит нечто не вполне личное. Как будто рядом какие-то вздорные мысли. Рейнс поискал их и нашел повторяющиеся. Я думаю о том, чтобы выкрасить усы зеленой краской и всегда носить такой широкий веер, что меня за ним не будет видно.

Мимо прошел аскет. Их здесь как будто сотни. Я думаю о том, продолжал Рейнс, усиливая напряжение, чтобы выкрасить усы в зеленый цвет.

Аскет взревел, когда корова боднула его в бок, и принялся жевать свои усы. Зеленую бороду! Индус изогнулся и попятился от коровы. Корова высунула язык и сунула в пасть клочок бороды, жуя ее, как траву, которую она напоминала. И целенаправленно пошла дальше.

Старый индус убежал, сжимая остатки бороды. Борода была зеленой, но ведь раньше она была белой. Рейнс готов был поклясться, что видел мгновение, когда ее цвет изменился. Корова гналась за стариком. Она перешла на быстрый шаг, потом на галоп, и они вдвоем исчезли вдали на улице.

Вокруг множество мужчин с зелеными бородами. Это неестественно. Они смотрели друг на друга и опускали взгляды. Бормоча что-то на разных языках, они расходились. Рейнс воспринимал их ужас. Что заставило их бороды измениться? Кто это сделал?

Но было что-то гораздо более важное. Мозг, который старался вторгнуться в него, исчез. Рейнс поискал. Мысленное влияние исчезло вместе с коровой.

Животное-телепат? В Индии и этого можно ожидать. Именно поэтому он здесь. И мысли такие, какие могут быть у коровы: свидетельство, которое он не может игнорировать. Страшно, что корова более сильный телепат, чем он, но одновременно это источник облегчения. По крайней мере животное не пытается вывести его тайны.

У него было и другое основание перестать тревожиться. Девушка, которую он мысленно окликнул, смогла перехватить его мысли. Поняв, что его не интересует то, что нужно ей, она вежливо, хотя и холодно удалилась. Мысленная вежливость? Почему бы и нет?

Даже в Индии телепатов не так уж много, скажем, один на пять или десять тысяч человек. Но учитывая плотность населения, их все же много. Они должны были выработать правила взаимного поведения, иначе жизнь была бы невыносимой. Никто не вторгается в мысли другого без очень важной причины. Если он будет следить за собой, подумал Рейнс, у него нет оснований тревожиться. Никто не вырвет у него из головы его замыслы.

Рейнс пошел дальше, продолжая думать, кто или что могло сменить белые бороды на зеленые. Тут работа мощного мозга, но не коровьего, в этом он уверен. И не девушки!

Рейнс осторожно искал. Ни малейшего намека. Но вздорное стихотворение на кого-то повлияло, и сейчас он этого человека потерял.

Если бы у него было время, Рейнс искал бы этого необычного человека, который спас его своим невероятным трюком с зелеными бородами. Необычный та-

лант, ограниченный, но интересный. Когда будет устранена угроза в космосе, он вернется и поищет своего неизвестного благодетеля.

Рейнс с сожалением отказался от этих интересных мыслей и искал своего неумолимого преследователя из ПНП. Этот человек исчез, отчаявшись наконец получить еще немного. А может, его испугало странное происшествие на улице.

Рейнс пошел назад к отелю. Подходя к нему, он остановился. Очередь ПНП стала длинней. Обогнув весь квартал, она заканчивалась почти там же, где начиналась. Идти к заднему входу бесполезно, потому что и там очередь.

Рейнс опустил голову и пошел к переднему входу. Его локтя коснулась рука?

— Проводник? — спросил голос.

Кто-то просит не денег, а работы. Это необычно.

Голос знаком. Рейнс повернулся. Тот самый человек, который вернул ему эмблему. Ему Рейнс ничем не обязан. Но все же обязан. Из-за него он смог найти лучший способ избавиться от эмблемы.

Проводник ему нужен, но он собирался нанять его, только когда доберется до Бенареса, далеко на севере, где, как он надеялся, закончится его поиск. Человек, которого он должен найти, ему совершенно неизвестен, у него есть лишь слабые ниточки; ему придется рассчитывать на свои телепатические способности, чтобы получить больше информации.

Рейнс поманил, и человек вышел из очереди. В глазах его никакого узнавания.

— Посмотрим твою лицензию, — сказал Рейнс.

Человек порылся в тюрбане и достал лицензию.

Рейнс молча читал. «Опыт один год». Плохо. Он не может полагаться в своей миссии на начинающего.

— Я подумаю об этом, — сказал он, возвращая карточку. — Если не найдешь ничего получше, приходи сюда утром. Я могу выйти к тебе.

Завтра утром он будет на пути в Бенарес.

Туземец спрятал карточку в тюрбан и вернулся в очередь. Теперь он стоял в самом конце, потому что потерял свое место, когда пошел за Рейном. Он дал ему сегодня мало, на те деньги, что дал ему Рейнс, много не купишь. Рейнс чувствовал его отчаяние.

И поманил индуса.

— У тебя есть другие способности, которые могут пригодиться? — спросил он. — Кем бы был до того, как стал проводником?

Глаза посветлели, потом снова потемнели в сознании поражения.

— Ничего такого, что было бы тебе нужно, — сказал индус. — Я десять лет работал красильщиком.

Рейнс вспомнил сцену мысленного нападения. Бороды. Зеленые бороды. Красильщик мог все время быть рядом с ним.

— Красильщиком? — повторил он, пытаясь, скрыть возбуждение в голосе.

Даже если действительно было, как он думает, это незначительная способность. Но псилюди всегда сочувствуют друг другу, хотя их способности могут быть несоотносимыми. И от этого человека он может ожидать более тесного сотрудничества, чем от любого другого проводника.

— Я могу тебя использовать, — сказал он. — Пойдем. Нужно поговорить. — Он обнаружил новое направление для исследования института Райна¹. Он нем будут писать в книгах по истории, после того как поймут, что он спас мир.

Говру Чандит с благодарностью принял выпивку. Рейнс откинулся и спросил:

— Что ты хочешь сказать? Ты впервые обнаружил свою способность, когда на текстильную фабрику не привезли краску... Тебе нужно было выполнить норму. Ты в панике все равно пропустил ткань, и она окрасилась так, как ты хотел.

Говру кивнул.

— Можешь объяснить, как ты это сделал?

Индус помахал рукой у головы и пожал плечами.

Рейнс кивнул. Любой другой ответ не убедил бы его.

— Что сказали на фабрике, когда ты рассказал об этом?

Говру хитро улыбнулся.

— Увы, я бедный человек. Я никому не рассказал.

Рейнс мог следить за мыслями индуса, когда тот формулировал их по-английски. Поддельные химикалии. Говру крал на фабрике все, что не использовалось, и продавал это другим фирмам. Должно быть, это было прибыльное занятие.

— Почему ты сейчас там не работаешь?

В сущности он уже знал ответ. Новый процесс сделал красильщиков ненужными.

¹ Джозеф Бэнкс Райн — психолог и парапсихолог, считается основателем изучения парапсихологии. — Прим. пер.

— Скоро я стал десятником на фабрике. Я был главным по всем красильным работам. Я очень процветал, занимался тем и другим. И в этом было падение.

— Не понимаю.

На самом деле он понимал, но лучше пусть говорит, чтобы выяснить все возможности.

— Я пил, — сказал Говру. — У меня были деньги, и я слишком много пил.

— И утратил свою способность?

— Все не так просто, — сказал Говру. — Нет, моя способность стала еще сильнее. — Он ненадолго задумался. — Представь себе главного красильщика, который один окрашивает все материалы, проходящие через его руки. Я был так искусен, такими прекрасными были мои цвета, что самая бедная ткань преобразовывалась и продавалась за дорогую цену.

Однажды утром я пришел на работу, и меня затошнило. Я прошел в тайное помещение, где смешивал краски, и из меня вырвало весь мой завтрак. Голова болела. Я поднял ее и посмотрел на схему. Так много зеленого, так много красного и желтого, так много всего.

Красители были на месте, и я сложил их в сумку, которую мне позволяли выносить с фабрики. Трубы, заполняющие красильные чаны, проходили через все помещение. Как обычно, я сосредоточился на нужных цветах, соотнес их с соответствующими чанами. Но голова у меня болела, понимаешь. Вопреки законам физики, она то становилась большой, то уменьшалась.

Говру Чандит помолчал и покачал головой, вспоминая тот день.

— Я сосредоточивался, пока все чаны не заполнились, после чего, как обычно, уснул. Весь день машины автоматически работали. Через чаны проходили ярды материи, рулон за рулоном, они окрашивались и сохли, и никто на них не смотрел, потому что операция автоматическая.

Потом пришел менеджер, чтобы осмотреть продукцию. Он потирал руки в ожидании прибыли. Развернул образец, посмотрел на него и закричал. — Говру печально посмотрел на Рейнса. — И вслед за этим криком меня уволили.

— Почему?

Говру развернул свою тюрбан и расстелил его, чтобы стал виден рисунок.

— Я проецировал. Видели когда-нибудь изображенную в красках головную боль? И не просто головную боль, а похмелье?

Рейнс торопливо отодвинул свою выпивку. Он хотел заговорить, но опасно даже открывать рот. Кризис миновал.

— Убери это!

Но Говру уже сложил ткань, так что рисунок больше не был виден. Такая ткань — очень неприятный сувенир.

Иган Рейнс молчал, разглядывая индуса. Этот человек честен и верен, это он видел. Но хотя он хорошо говорит по-английски, он не думает на нем, и большинство его мыслей скрыто на языке, который Рейнс не может перевести — мысленно или вслух.

— Телепортировать можешь? — спросил он.

— Переносить мозгом? Нет. Я только красильщик. Ничего другого не могу.

Рейнс ожидал этого: таких, кто обладает разными способностями, очень мало.

— Знаешь кого-нибудь, кто может?

— У меня был друг, который хорошо играл этим в пинг-понг.

Это телекинез, а не телепортация, но, может, именно это он ищет. Насколько известно институту Райна, люди с обеими этим способностями есть только в Индии.

— Насколько хорош твой друг? — спросил он.

— В пинг-понг очень хорош. В теннис — плох. Мяч слишком тяжелый, он не может двигать его достаточно быстро.

Значит, ложная нить. Человек, которого он ищет, должен быть гораздо более искусен и силен. Рейнсу придется поискать его, и Говру сможет ему помочь.

— Говру, я астроном, — начал он.

Говру, выражая интерес, поднял брови.

— У меня всегда была слабость к астрономии¹ — объявил он.

Очевидно, эта идиома от страны к стране меняется.

— Мои коллеги и я в Паломаре открыли новую комету, — продолжал он. — Это необычная планета, она гораздо больше других комет, почти малая планета. Еще более необычен ее состав, в основном кислород и вода.

Говру мудро кивнул.

— И ты хочешь, чтобы я окрасил воду. Это я могу сделать — в любой цвет, какой захочешь. Но если там мно-

¹ В оригинале soft spot in head, буквально «мягкое место в голове». — Прим.пер.

го воздуха и ты захочешь окрасить и его, придется удовлетвориться легким оттенком, например, светло-синим, или зеленым, или розовым.

— Цвет неважен, — серьезно ответил Рейнс и налил себе еще выпивки. — Через семнадцать лет эта комета ударится о Землю.

Индуc наклонил голову.

— С тех пор как ты сказал о комете, у меня появилось предчувствие судьбы, — просто сказал он.

— Нет, — возразил Рейнс. — Не судьбы. За семнадцать лет мы создадим ракеты, которые встретят комету в космосе. Мы зарядим ракеты водородными бомбами и разнесем комету на кусочки. Но орбиты этих кусочков все равно пересекутся с Землей и выпадут в виде дождя.

Говру порылся в памяти в поисках соответствующей иностранной концепции.

— Сорок дней и сорок ночей?¹

— Не знаю, как долго, — устало сказал Рейнс. — Но сколько бы ни было, уровень воды в океанах поднимется — от пятидесяти до трехсот футов, по современным оценкам. После более полного изучения будем знать точнее. Суша уйдет под воду, но это само по себе не катастрофично. Люди получают предупреждение и погибают немногие. Большинству придется переселиться на более высокие места.

Но есть другой аспект. В комете есть также воздух, и он добавится к нашей атмосфере. На Земле станет теплей, и возвышенные места станут пригодными для оби-

¹ В книге Библии «Бытие» говорится, что дождь шел сорок дней и сорок ночей. — Прим. пер.

тания. Возможно, мы получим почти столько же нового жизненного пространства, сколько потеряем.

— Тогда возрадуемся, — сказал Говру и потянулся к бутылке. — Не все кометы такие заботливые.

Рейнс снова наполнил свой стакан.

— Это не повод для радости. Мы рассчитали, что при прибавлении атмосферы и влажности астрономия перестанет существовать. Всю поверхность покроют облака, Земля станет похожа на Венеру. Никто не сможет увидеть звезды.

Он не стал говорить, что некоторые самые высокие горы будут подниматься над атмосферой. Не упомянул, потому что эти горы в Индии, и у этой страны будет монополия на науку.

Говру сморщил лицо в наслаждении от виски, потом снова принял подобающее печальное выражение.

— Понятно. Через семнадцать лет ты станешь безработным. — И он утешающе добавил: — Может, тебе дадут пенсию.

Картина в глазах Рейнса начала слегка расплываться, но его интеллектуальная цель не изменилась.

— Дело не в пенсии, — раздраженно сказал он. — Я намерен спасти астрономию.

— Неразумно проявлять такое упрямство, когда небеса решили по-другому, — заявил Говру. — Ты можешь заинтересоваться чем-нибудь другим. Прекрасное хобби — девушки.

Рейнс пробормотал что-то о девушках, и Говру прервал его.

— Хорошо. Начнем с девушек, и никто не сможет сказать, чем мы кончим. Я проводник и в таких делах могу помочь. Сколько девушек ты хочешь?

— Я нормальный...

Снова Говру его прервал.

— Этого я боялся: у тебя только нормальный интерес к девушкам. Ты должен сократить свои желания. Столько предоставить я не смогу. — Он печально покачал головой. — Давай вернемся к астрономии.

— Я на это надеялся, — холодно ответил Рейнс. — Как я уже сказал, у нас в Паломаре есть гигантский телескоп...

— Большой дюйм, — ласково сказал Говру.

— Ты думаешь о чем-то другом, — сказал Рейнс. — Вдобавок к большому телескопу у нас есть тайный инструмент, которого нет ни у кого, и о котором никто не знает, — псископ.

Он задумчиво налил в стакан остатки виски.

— Не спрашивай меня, как он работает. Он создан для тех, кто обладает пси-способностями, и я один из таких людей. Он невероятно мощный и точный. С его помощью мы узнаем то, что другие астрономы не узнают и спустя несколько лет. Например, данные об этой комете.

Он поднял стакан и позволил жидкости течь в горло.

— Мы узнали также то, что астрономы с обычными инструментами никогда не узнают, — что в Индии есть теплотреты.

Говру в борьбе с самим собой решил сохранить немного виски в стакане. Он сделал маленький глоток.

— Я мог сказать тебе это, хотя у меня нет псископа. Но как ты об этом узнал?

— Представь себе комету, приближающуюся к солнцу. Под мощным излучением солнца вода тает, и атмосфера расширяется. В нашем псископе ясно виден объект, который на таком удалении никто увидеть не может. Это очень своеобразный объект, созданный человеком. Он находится только в одном месте на Земле. — Рейнс помолчал. — В настоящее время у нас нет ракеты, способной долететь до Луны. И все же этот объект переместили гораздо дальше — туда, на комету. Следовательно, он был телепортирован.

— Логично, — согласился Говру. — И что это за объект?

— Я могу назвать тебе город, из которого он был телепортирован; тебе все равно нужно это знать — Бенарес. Но мы с моими коллегами решили, что никому не скажем, что это за объект, который мы увидели на комете.

— Бенарес, — задумчиво произнес индус. — Я хорошо знаю этот город. В прошлом году я там был в поисках работы.

— С твоей помощью, — сказал Рейнс, — мы намерены установить контакт с телепортом.

— Кто мы?

— Мои коллеги из Паломара и я.

— А также ваше правительство?

— Наше правительство с этим не связано. Мы не могли бы убедить их, даже если бы попробовали: они не верят в пси-силу. Нет, это исключительно наша проблема. Частично нас финансирует институт Райна, есть

и другие фонды, которые мы можем использовать в своих целях.

Говру вздохнул. Как он ни наклонял свой стакан, в нем не оставалось ни капли.

— А что ты намерен делать с этим телепатом, когда найдешь его?

— Уговорю его приехать в Соединенные Штаты. Мы должны каким-то способом удалить его из Индии.

Страна не слишком ласково воспримет попытку украсть у нее одного из лучших менталистов, но это можно сделать.

— Но зачем? — спросил Говру. — Даже самый опытный телепат не сможет изменить маршрут кометы. Она слишком велика, чтобы ее сдвинуть.

— Ему не нужно будет ее двигать, — ответил Рейнс. — У нас есть несомненные доказательства того, что он переместил... гм... крупный объект на комету. Он сделал это один раз и сможет сделать снова, но только на это раз он перенесет туда водородную бомбу.

— Я так и думал, — с отвращением сказал индус. — Не хочу принимать в этом участия. Где ты получишь эту водородную бомбу, кроме как от правительства? Пусть создадут собственного телепорта или обратятся к нашей стране по дипломатическим каналам.

— Ты не подумал, — ответил Рейнс. — Если у нас будет телепорт, мы не станем обращаться к армии за водородной бомбой. В одну минуту бомба старательно скрыта на складе — в следующую минуту она на комете. Пусть эти военные парни думают, как они потеряли бомбу и куда она отправилась.

Понимаешь, комета захвачена солнцем и движется по очень эксцентрической орбите непосредственно вблизи орбиты Юпитера. Если мы испарим ее сейчас, основанная масса уйдет на Солнце и Юпитер. На Землю выпадет очень немного.

Он одобрительно кивнул самому себе. Если он найдет телепорта, план может быть очень эффективным.

Глаза Говру расширились, подоженные внутренним огнем.

— Выпьем за это, — сказал он, протягивая свой стакан.

Рейнс вздохнул. В качестве тайного агента ему постоянно нужен чистый аналитический ум. Но нужен также человек, который понимает Индию лучше любого американца и безоговорочно поддержит его в любых условиях. Не стоит отталкивать такого человека. Он открыл новую бутылку, а потом еще одну...

Поезд шел мимо городов и штатов по маршруту — Бангалор, Джабалпур, Джадор и наконец прибыл в Бенарес. Можно было добраться гораздо удобнее по воздуху, так поступают все разумные индийцы, но иногда выгодно разыгрывать роль туриста и проводника.

Из окна своего отеля Рейнс видел Ганг, по-прежнему мутную и вялую реку, но все же несравненно более чистую, чем тридцать лет назад. И более безопасную в санитарном смысле; за одно поколение невозможно изменить погребальные обряды, но три чудесных баржи, причаленных к берегу, автоматически избавлялись от тел к удовлетворению всех, кроме самых отъявленных фанатиков.

На юге видны шпили потрепанного здания, которое Рейнс узнал по фотографиям. Это отделение института Райна на Ганге. Его ценность сомнительна, его деятельность скорее миссионерская, а не исследовательская. Находясь в самом сердце страны менталистов, институт не пользуется престижем и не имеет покровителей. И еще неизвестно, кто за кем больше шпионит друг за другом: американский штат института или местные обращенные. Каждая сторона принимает меры предосторожности, но есть поразительно мало устройств, эффективных против опытного телепата.

Тем не менее механические устройства способны частично лишить индийцев преимуществ. Жевательная резинка, приклеенная в нужном месте, скрывает изобретательные механизмы, и даже птицы, которые регулярно кормятся в институте, глотают инструменты размером с зерно и разносят их по всем общественным зданиям города.

Все это не касается Рейнса. Институт Райна на Ганге может решать собственные проблемы или не решать их. Но где-то в Бенаресе находится телепорт. Где?

Регулярные отчеты — закодированные, пропущенные через скремблер, защищенные, со снятой защитой, снова пропущенные через скремблер и декодированные — упоминают высокую активность менталистов, но ни на одного не указывают конкретно. Факиров и святых людей множество; в городе с десятков телепатов сильнее Рейнса, не говоря уже о ясновидящих.

Связь с институтом всегда была неуверенной, что вполне понятно, учитывая большие опасности и риск. Рейнс уже три месяца не видел отчетов этого отдела

ния. Может, за это время работники института получили новую информацию. Надо будет выяснить.

— Говру, — спросил он, — в Бенаресе часто бывает туман?

Индус задумчиво наморщил лицо.

— Когда я здесь был, туманы были. Но сейчас не то время года.

Это нехорошо. Рейнс не хотел обнаруживать себя, но ему необходимо связаться с директором института.

— Если хочешь туман, я тебе сделаю, — добавил Говру.

Рейнс посмотрел на него. Этот индус странный тип. Предложение окрасить атмосферу кометы он отмел как пьяную болтовню. Но что если это не так?

— Ты действительно можешь создать туман? — спросил он с сомнением.

— Конечно? Хочешь покажу?

Может, стоило бы, но слишком много туманов в это время года будет выглядеть подозрительно. Рейнс отрицательно покачал головой.

— Если ты говоришь, что можешь, я тебе верю. Вопрос только в одном: сможешь ли ты покрыть большую часть города?

— Всю северную часть Индии, — заверил его Говру.

— Так много не нужно. И сколько времени ты сможешь его держать?

— Зависит от ветра, — сказал проводник, красноречиво потирая большой и указательный пальцы. — Воздух скользкий материал. Он исчезает. Мне нужно будет сосредоточиться.

Рейнс вздохнул. Он уже знал, что Говру для концентрации нужно напиться. И достал бутылку...

Рейнс шел по берегу Ганга, поглядывая на часы. До заката еще час. Туман появится в любой момент. Институт в нескольких кварталах, но он запомнил карту этого района и сможет туда добраться, что бы ни случилось.

Он поправил галстук, глядя в зеркало. Сзади никого нет, но он не думает, что здесь будут работать так топорно. Он умеет закрывать свои мысли. Его защита адекватна в Америке, но он не уверен, выдержит ли она опытного индийского менталиста.

Он зашел в магазинчик сувениров и взял маленькую бронзовую статуэтку четверорукого бога. И собирался заплатить за нее, когда женщина за прилавком закричала. Он посмотрел на нее. Она всего в нескольких шагах от него, но он едва видел ее из-за густого черного дыма, заполнившего комнату.

— Пожар! — закричала женщина и выбежала.

Рейнс торопливо пошел к выходу, но тут вспомнил о статуэтке в руке. Не хватало еще быть обвиненным в мелкой краже. Он побежал назад к прилавку и положил на него деньги. Подумав, положил и статуэтку и выбрался из магазина.

Улица забита. У обочины стоят продавцы из магазинчиков и кричат, а из зданий валит густой черный дым. Рейнс принюхался. Похоже на дым, но запаха нет. Он решил, что знает, что это такое. Это тот самый туман, который обещал вызвать Говру.

Хороший туман, но размещен неудачно: внутри зданий, а не на открытом воздухе снаружи. И эффект получился противоположный тому, что он хотел. Он хотел подойти к институту через пустые затянутые туманом улицы. А так ему приходилось расталкивать людей, чтобы пройти. В десятке направлений гудели пожарные сирены, над головой кружили полицейские вертолеты.

— Говру! — усиленно подумал он, но либо расстояние слишком велико, либо его мысли поглощает окружающая толпа. Контакт невозможен.

Надо постараться: смятение может скрыть его. Рядом остановилась пожарная машина, и пожарные стали лихорадочно разматывать шланги. Рейнс, промокший и вспотевший, пошел дальше по улице.

Так же неожиданно, как появился, дым исчез. Пьяному Говру хватило здравого смысла посмотреть в окно. А может, его внимание привлекли сирены. Рейнс содрогнулся: он почти видел, как исчезает жидкость в бутылке; это Говру оценивает свою ошибку.

До института оставался еще один квартал, а улицы по-прежнему забиты. Некоторые, как только дым перестал идти, вернулись в магазины. Другие, более пугливые, оставались снаружи.

Но здесь они оставались недолго. Над головой на фоне заката появилась зловещая туча. Она быстро опускалась на город. Рейнс с опаской смотрел, как вертолеты исчезают в густом тумане, но потом перестал о них беспокоиться. Снабженные радаром, они найдут дорогу.

Хозяева магазинов посмотрели на тучу, задрожали и торопливо пошли внутрь. Она закрывала и запирали окна и двери. Он не понимал причины, пока не увидел,

как пожарные поспешно садятся в свои машины и те с ревом уезжают. Все они были в масках. Очевидно, опасались газа.

Туман усугублял эту ошибку. Рейнсу был нужен обычный спокойный туман, который незаметно собирается в низинах и постепенно охватывает весь город. То, что происходит, вряд ли соответствует его желаниям.

Но сделать он ничего не может, а так как улицы оказались в его распоряжении, можно идти дальше. Он не успел дойти до института, как туман обрушился на него с почти физической силой. На мгновении загорелись уличные фонари и тут же исчезли в тумане; туман спустился ниже, и фонари, продолжая гореть, перестали быть видными.

Рейнс медленно шел вперед, касаясь стен зданий. Это помогало ему не заблудиться. Физически за ним никто не идет, в этом он уверен. Ментально за ним могут продолжать следить, и он не заметит этого, но он сомневался в том, чтобы в такое время кто-нибудь им заинтересовался. Все будут слишком заняты из-за тумана.

Красильщик хорош — слишком хорош.

Рейнс остановился у двери и прижал лицо к стеклу, чтобы прочесть надпись. Это институт, но входить он не собирался.

Рейнс отошел от двери и спрятался за статуей. Теперь он близок к директору настолько, чтобы не вызвать внимания шпионов из штата института. Он телепатически отыскал кабинет директора и шепотом — тоже телепатически — позвал. Ответа не было.

Ему потребовалась минута, чтобы определить причину: директор спал. Так даже лучше. Директор не будет знать, что он приходил, получил нужную информацию и ушел. Рейнс осторожно порывлся в спящем мозге, стараясь не разбудить. И нашел нужную информацию.

Ему нужен человек по имени Гоммаф. Рейнс про себя улыбнулся. Гоммаф — это сам телепорт, или он знает телепорта, определить точно Рейнс не смог. Но это все, что ему необходимо.

Он выбрался из-за статуи и быстро ушел. Туман немного рассеялся, хотя и это мешало идти. Должно быть, Говру устал. Над головой слабо загорелись уличные фонари.

Рейнс продолжал незаметно идти. Туман начал менять цвет. У него появился неприятный коричневый оттенок. Рейнс пошел быстрее, в животе начало урчать.

Говру играет с туманом — это единственное объяснение, какое пришло Рейнсу в голову. Цвета менялись по всему спектру. Он хотел, чтобы индус прекратил. Тошнотворный грязный фиолетовый цвет не способствовал уверенности в собственной пищеварительной системе.

В середине всего этого фиолетового тумана появилось желчное розовое облако и устремилось к нему. Рейнс повернул голову и с трудом глотнул, но это не помогло. В том направлении, куда он смотрел, появилось фигура из грязно-зеленого тумана. Похоже на аппендикс, но гораздо больше.

Он ошибся: Говру не играл. Он работал серьезно. Ценный человек, но слишком быстро напивается и не может контролировать свои реакции.

У него на глазах аппендикс начал медленно вращаться и засветился. Вокруг него начали конвульсивно материализоваться другие формы, не все они морфологически напоминали органы человека, но из-за этого приятней не становились. А цвета... Рейнс закрыл глаза, но проклятое сияние продолжало проникать.

Река близко, и он благодарен за это. Он потащился к ней, лег на набережной, и его вырвало. Ганг внизу стал менее безопасным в санитарном смысле. У психоспособностей есть и свои недостатки. Рейнс впервые реагировал на чужую тошноту.

Потом он с трудом добрался до своего номера.

Корабль быстро и гладко шел мимо кремационных барж, причаленных к берегу. Конструкция барж очень примечательна: два длинных цилиндрических понтона соединены спереди и сзади балками, которые висят над водой. В центре каждого понтона приземистое устройство, напоминающее прожектор и нацеленное внутрь, на открытое пространство внутри баржи. Выше по течению длинный ряд маленьких деревянных плотов. Они по одному проходят между понтонами. Прожектор вспыхивает, и луч касается проходящего посредине плота. Плот вспыхивает, вода на мгновение закипает, и тело исчезает. Баржа готова принять следующее тело.

Рейнс посмотрел на механизмы. Теперь, где бы он их увидел, он их всегда узнает. Один из них новей других. И это имеет значение.

Говру смотрел мрачно, и Рейнс не стал говорить о баржах. В Индии много религий, сейчас даже больше, чем раньше, и у каждой свои погребальные обряды.

Некоторые из них кажутся отвратительными для других сект, и Рейнс не видел необходимости вызывать вражду своего проводника из-за такой незначительной темы.

Они оба молчали, когда корабль причалил к пристани городского административного центра. Правительственные здания и сопутствующие служебные помещения были расположены на полуострове за пределами города; это разумное решение для такого древнего города, как Бенарес, но Рейнсу оно не понравилось. Вокруг слишком много полицейских и охранников. Он пожал плечами. Вероятно, это последняя из его проблем.

Они смешались с толпой туристов и офисных работников, сходящих с корабля. И через несколько минут оказались в центре управления городом. Повсюду полиция, но Рейнса это не тревожило. Вскоре они подошли к представительному зданию, и он остановился и сделал вид, что любителю им.

Все окна забраны решетками, и у входа охрана.

— Это оно, — сказал Рейнс. — Можем войти.

— Это всего лишь Годжмаф, — сказал Говру. — Простые туристы. А тебе нужно Гильдию Менталистов и Факиров — это Гоммаф.

Рейнс вздохнул: очевидно, он недостаточно сосредоточился, когда проникал в спящий мозг директора. Он узнал не имя телепорта, а название организации, к которой, по-видимому, принадлежит этот человек.

Здание Гоммафа находилось на другой улице; найти его было не так легко, но они нашли. Посидели в открытом кафе, с расстояния изучая его. Не слишком

внушительное сооружение, и нет ни решеток, ни охранников.

Отсутствие видимых мер безопасности тревожило. Есть несколько возможностей: внутри нет ничего ценного; Гommaф совершенно уверен в надежности полицейской охраны; есть другие средства защиты. Последнее казалось наиболее вероятным.

Местная организация, о которой Рейнс никогда не слышал. Это не удивительно. В Индии есть много того, что не доходит до западного мира. Внутри записи, записи телепорта, и он должен их достать.

Просто войти он не может: где-то там дежурит сильный телепат. Рейнс был уверен в своих способностях, но не видел смысла переоценивать себя.

— Что ты знаешь о Гommaфе? — спросил он.

Проводник безрадостно посмотрел на свой чай.

— Организация новая, — медленно заговорил он, вспоминая. — Мне кажется, она создана лет десять назад. Вначале было сопротивление. Некоторые мистики, менталисты и факиры считали себя выше обычных профсоюзов. Они создали конкурирующую организацию и постарались устранить главного организатора Гommaфа, человека по имени Хандас Бвандегат. Они нашли его однажды утром, когда он занимался йогой, и, конечно, он отказался прерывать свои духовные размышления. Они расстреляли его из пулемета.

Рейнс кивнул.

— Но идею убить не смогли. Хандас Бвандегат стал мучеником, и организация продолжала действовать, несмотря на его смерть, а может, благодаря ей.

Знакомая история.

— Кто сказал, что он умер? Хандас Бвандегат — президент Гоммафа.

— Но его же расстреляли!

— Конечно, расстреляли. Но ведь он факир, он зарабатывал на жизнь, позволяя людям протыкать его острыми предметами. Что для него несколько пуль? — Говру глотнул чай и поморщился. — Конечно, были физические последствия. Даже сегодня Бвандегат с трудом удерживает пищу в желудке. — Говру обратной стороной ладони вытер рот. — Дыры, — добавил он.

Эта история не так знакома, но она подчеркивает трудности. Организация, которую возглавляет такой человек, должна быть сильной. Телепат, определяющих чужаков, раньше это было простой возможностью, но теперь превратилось в уверенность. Вход спереди не рекомендуется.

Но комета по-прежнему летит в космосе, и единственный человек, который может ее отразить, это телепорт. Рейнс должен с ним связаться. Он достал карту и посоветовался с проводником. После некоторого обсуждения она разработали план.

— Ты считаешь, что, если мы подойдем сзади, телепат нас не услышит? — с сомнением спросил Говру.

— Стоит попробовать, — ответил Рейнс, сворачивая карту. — За зданием Гоммафа электрическая ограда, а за ней открытая местность, в основном болотистая. Обычно болото считается непроходимым, но путь через него все же есть. Телепат должен сосредоточиться мысленно, как ты сосредоточиваешься визуально. Он ожидает неприятностей спереди. Я проникну сзади, посмотрю записи и уйду, прежде чем он поймет, что я по-

бывал здесь. После этого мне все равно нужно будет связаться с телепортом, но, когда я буду знать, кто он, это будет легко.

— Почему бы не нанять вертолет и посадить его в болоте? Можно было бы не ходить далеко.

— Да, конечно, но одновременно это сообщило бы Гоммафу, что мы что-то задумали. Нет, придется идти пешком. — Рейнс сунул карту в карман. — Есть ли на дороге в город храмы?

Говру Чандит пожал плечами.

— В Индии повсюду храмы, только вверх их нет.

Рейнс довольно кивнул. Будет храм и наверху, когда водородная бомба взорвет комету. Яркий сверкающий храм астрономии.

Дорога мощеная, но пыльная. К городу идут и другие туристы, так что Иган Рейнс и Говру не выделяются. На некотором расстоянии от административного центра города они остановились у придорожного храма. Вошли и осмотрели необычную, но не очень примечательную архитектуру, сложные, но не всегда эстетически приятные резные стены. Когда на них никто не смотрел, они выскользнули через боковой выход и быстро прошли к легкому подлеску. Через полчаса они были в начале открытой равнины. Никто за ними не следил.

После некоторого обсуждения они решили обогнуть равнину и пошли, стараясь держаться в тени деревьев, которые отделяют равнину от болота. Они двинулись назад к административному центру, к узкой полоске прочной земли, доходящей почти до самой электриче-

ской ограды Гоммафа. В середине дня они отдохнули и немного поели пищи, которую захватили с собой.

— Псст! — сказал Говру, махая своей большой рукой.

Рейн проглотил еду.

— Я ничего не слышу.

Индус снова поднял руку, призывая к молчанию. Внимательно вслушавшись, он отошел в кусты, потом вернулся.

— Солдаты, — прошептал он.

Рейнс встревожился. Означает ли это, что Гоммаф знает о том, что ему нужно? И если так, почему за ним послали солдат? Он готов был поклясться, что никто не проникал в его сознание.

— Сколько? — тихо спросил он.

— Тысячи.

Можно сделать скидку на склонность к преувеличениям, но все равно слишком много. Рейнс засунул остаток сэндвича в рот, остальное спрятал в карман.

— Пошли, — сказал он.

— Куда?

Рейнс показал в том направлении, куда они шли.

Говру покачал головой.

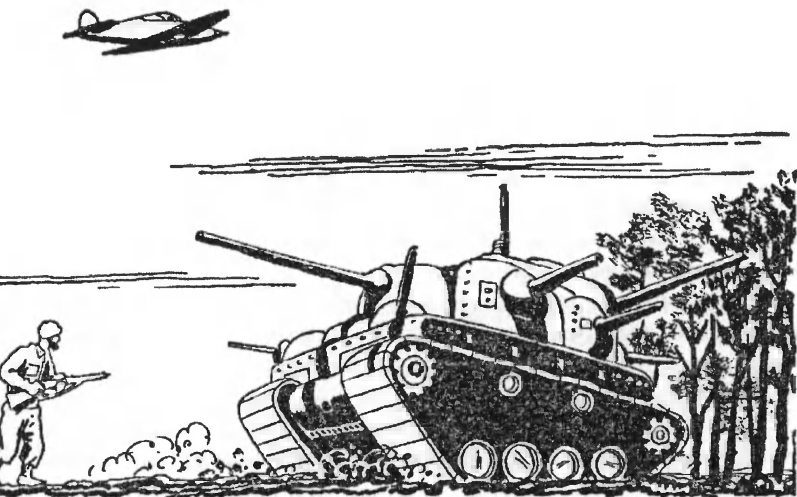
— Они идут оттуда.

Это осложняет положение. Рейнс вопросительно посмотрел на болото, но проводник нахмурился.

— Змеи, — лаконично сказал он. — Тигры, крокодилы.

Остается равнина, но тут их сразу заметят и задержат. Рейнс не может допустить, чтобы его кто-нибудь допрашивал. Теперь он слышал солдат. Они приближаются.





Равнина. Они должны пересечь ее, но не могут это сделать. Если только...

Он повернулся к Говру.

— Туман, — торжествующе сказал Рейнс. — Нам нужен еще один туман.

Проводник с печальным достоинством улыбнулся.

— Нужно виски, чтобы сделать хороший туман. Если бы ты меня послушался, взял бы с собой запас. Но увы, ты принадлежишь к реформаторам, и поэтому нас поймают.

Он в знак поражения опустил голову.

Подбородок его коснулся груди, но потом голова снова поднялась, и стало очевидно, что он не признает поражение.

— Без виски я не могу сделать туман, — признался он.
— Знаешь ли ты, сколько молекул участвует в создании тумана среднего размера?

Рейнс не знал, но решил, что нужно выглядеть так, словно на него это произвело впечатление.

— Поверхность, даже относительно большая поверхность, содержит постижимое число молекул, — сказал Говру. — Мой мозг не так остер, когда я трезв, но с таким количеством я справлюсь.

— Не понимаю как... — начал Рейнс, но темнота заставила его замолчать. — Что это? — спросил он.

— Я окружил нас поверхностью. У нее внешность танка.

Удивительно разумное решение. По краю болота приближаются две группы солдат, и они находятся между ними. Разумно предположить, что каждая группа примет так называемый танк за принадлежащий другой группе.

Зрение Рейнса приспособилось к полумгле; он сквозь поверхность смутно видел окружающую местность. В ста ярдах от них под деревьями появился солдат, увидел танк и остановился. Рейнсу не понравилось, как он взялся за свое ружье.

— Ты можешь двинуть эту штуку? — нервно спросил он.

— Почему бы и нет?

— Хорошо. Давай убираться отсюда.

Танк ничего не весил — он легкий, как воздух. Это и есть воздух, связанный на молекулярном уровне силами, исходящими из мозга индуса. Танк двинулся по равнине со скоростью их ходьбы.

— Стой! — прозвучал голос с края болота.

— Пусть попробуют нас остановить, — оживленно прошептал Говру.

Приказ повторили, но Говру не обратил на это внимание. Сзади прозвучал выстрел, и в неприятной близости просвистела пуля.

— Может, лучше остановиться, — предложил Рейнс.

— Чандит никогда не сдается, — упрямо ответил проводник. Неожиданно тьма вокруг них сгустилась. Прозвучал еще один выстрел. Пуля ударилась о танк и отскочила.

Это сделал воздух, точнее силы пси мозга проводника. Рейнс очень сильно недооценил этого человека.

— Как ты это сделал?

— Увеличил на несколько молекул толщину поверхности, — оживленно сказал Говру. — Удобно, если знаешь как.

Удобно, но есть и недостатки. Внутри не проникал свет, и они не видели, куда идут.

Рейнс быстро размышлял. Может, удастся использовать в качестве проводников солдат. Его мысль устремилась вперед и тут же отразилась, вернулась назад. Десять дюймов стали не могут остановить его мысль, а несколько молекул воздуха сделали это. Возможности человека ограничены, но внутри этих возможностей он невероятно могуч. Рейнс объяснил свое затруднение Говру, который остановился и почесал голову.

— Если я сделаю маленькое отверстие...

— Это все, что мне нужно, — сказал Рейнс, и, как только отверстие возникло, мысль его прошла через него. Он посылал мысли, легкие, чтобы никто не обнару-

жил его ментальное присутствие. Две группы солдат объединились и двинулись за ними, осторожно и на безопасном расстоянии.

Сами того не подозревая, они с Говру оказались посредине армейских учений. И избавиться от военных будет нелегко. Естественно, солдаты заинтересовались. А танк... Он заглянул в мозг лейтенанта.

И вздрогнул. Здесь не должно быть никакого танка. И Говру невоенный: его представление о танке сильно отличается от представлений индийских военных дизайнеров. Он создал страшный образ, особенно страшный потому, что не похож ни на какой танк, ни местный, ни иностранный. Армия должна это расследовать, используя любые средства.

Рейнс кратко объяснил это проводнику.

— Гммм, — сказал Говру. — Может, изменить форму на ту, что им знакома?

Рейнс думал об этом.

— Слишком поздно. Они поймут, что тут вмешивается что-то ментальное, и вызовут Гоммаф. Сможешь его сдержать?

Говру пожал плечами. Рейнс подумал, что, вероятно, смог бы, хотя сам этого не знает. Но даже если они будут в безопасности от мысленного нападения Гоммафа, все равно есть затруднение. Рано или поздно им понадобится еда и вода, экран рассеется, и они окажутся во власти индийского менталиста.

Должен быть другой выход, и Рейнсу показалось, что он его нашел.

— Сколько ты сможешь держаться?

— Несколько дней, — ответил Говру. — Когда я что-то создал, нужно лишь небольшое усилие, чтобы оно сохранялось.

— Хорошо. Сделай небольшое отверстие, чтобы мы могли видеть, куда направляемся, и пойдём.

День кончается, скоро стемнеет.

— Впереди армейский лагерь, — сказал Говру.

— Национальная гвардия?

— Многонациональная гвардия. Это Индия.

Рейнс вздохнул. Нет смысла спрашивать, что по сторонам от них и за ними. Всюду войска. Над головой гудят самолеты. На них направлены передвижные прожекторы. К счастью, в этой местности нет больших орудий. Возможно, создание Говру выдержит даже прямое попадание снаряда крупного калибра, но сотрясение будет неприятным.

— Там, где армейский лагерь, должны быть и траншея, — сказал Рейнс. — Ты ее видишь?

Говру Чандит выглянул.

— Впереди траншея.

— Направь танк так, чтобы мы прошли прямо над ней. — Он помолчал. — Сможешь передвигать это изображение?

— Сохранить его существование и продолжать двигать, когда нас внутри не будет? Да, могу.

— Отлично. А можешь сделать отверстие в дне танка, когда он будет проходить через траншею?

— Могу.

— Так я и думал. Я хочу, чтобы мы выбрались в траншею, а танк продолжал идти. Он пойдет в лес за лаге-

рем, и, как только скроется за деревьями, ты уничтожишь изображение.

— Мгновенно?

— Если сможешь.

Говру шумно выдохнул.

— Создать могу мгновенно, но обратное — наоборот. Изображение должно постепенно рассеяться с воздуха, а на это уходит время.

Такого Рейнс не хотел: это откроет природу танка.

— Есть ли другой способ избавиться от него?

— Думаю, да, — ответил Говру. — Я могу спроецировать его на лес и заставить исчезнуть в столбе огня. Могу имитировать попадание ракеты.

Попадание ракеты даст им о чем подумать.

— Отлично. Но помни, что нам нужно убираться из траншеи. Солдаты будут смотреть только на танк. Нас они в темноте не заметят.

Говру кивнул, и они пошли дальше. Вскоре он сказал:

— Мы на месте.

Они упали вниз. Траншея глубокая и рядом с болотом. Они упали в воду глубиной в полфута. Над ними прошли войска.

Говру распрямился и выглянул. Он выбрался из траншеи и протянул руку, вытащив Рейнса.

Они встали и увидели, как над лесом встал огненный столб, мрачное изображение поднялось вверх и исчезло. Все произошло очень быстро. Солдаты ничего не найдут, хотя все обыщут. Им придется возвращаться. Рейнсу не терпелось вылить из обуви холодную воду.

Вместе они пошли дальше, увязая в вонючем болоте. Торопились, но свободы действий у них не было. Нача-

ли возвращаться солдаты. Даже если через болото шла тропа, искать ее невозможно.

Они пробились сквозь густые кусты и оказались в болоте. Если раньше они были мокрыми, то теперь насквозь пропитались водой. Грязь липла к ним, отвратительная, дурно пахнущая. Рейнс представлял себе змей и невообразимых паразитов, которые убегают от них или ползут к ним. Их били ветки, трясина втягивала в себя. Тяжело дыша, они продолжали идти.

Кто угодно мог проследить их. Но никто не смог бы связать двух таких грязных, оборванных пешеходов с феноменом, который только что поставил в тупик лучшие умы индийской армии.

Рейнса разбудили ритмичные удары где-то поблизости. Он вскочил, огляделся и расслабился. Это Говру разложил их грязную одежду на плоском камне в мутной воде и выбивал ее. Размельчив какое-то местное растение, он добавил его к воде, производя неплохое подобие мыла.

Рейнс в отращивании наморщил нос. Он пытался умыться вчера вечером перед тем, как лечь спать, но вонь по-прежнему не оставляла тело. Говру молча протянул ему немного мыла из растения, и он нашел еще одну заводь и вымылся. И почувствовал себя гораздо лучше.

Индус расстелил одежду на поляне, чтобы высушить ее. Рейнс лег рядом, позволил теплему солнцу проникнуть в глубь костей и задумался. У них нет еды, и в болоте ее не найти. После вчерашнего вечера повсюду солдаты, они прочесывают местность в поисках зага-

дочного танка. Теперь он не сможет незаметно войти сзади в здание Гоммафа. Придется выйти на дорогу, идти к городу и вернуться отель. И составить новый план. Но сейчас на первом плане простое выживание.

Одежда вскоре высохла. Одевшись, индус стал выглядеть представительней, но лишь потому, что его одежда очень проста. Западная синтетическая ткань плохо простирывается. Рейнс печально посмотрел на свое отражение в воде. Он помят и взъерошен.

Они, оставаясь в укрытии на краю болота, двинулись в том направлении, в котором, как им казалось, находится дорога. На равнине виднелись легкие танки, военные бронированные машины, батальоны солдат; над головой кружили самолеты.

Голодные и усталые, они часами шли по болоту. Наконец болото кончилось. Прошли через подлесок и за последними деревьями увидели здание, фасадом выходявшее на дорогу, которую они искали. Странное сооружение, небольшой каменный небоскреб с хромированными резными плитами.

Если они смогут войти в это здание, а потом выйти на шоссе, они в безопасности. Труднее всего добраться до здания. В нескольких сотнях ярдов от него марширует строй солдат. Если они пойдут к зданию, их сразу увидят.

Рейнс вздохнул. Солдаты со временем могут уйти, но он не может на это рассчитывать. Что подействует — еще один танк на равнине? Конечно, он привлечет внимание солдат, но одновременно это будет сигнал мобилизовать всю армию и строго охранять это место.

Суверенное государство не потерпит чужих танков на своей территории.

Рейс заметил офицера, командующего учениями. Солнце жаркое, и солдаты потеют. Лейтенант еще не полный садист, но учится этому и не нуждается в особых подталкиваниях. Резко звучат приказы. Солдаты повернули и начали маршировать по равнине.

Рейнс подтолкнул Говру, и, пригнувшись, они побежали к зданию. Расстояние оказалось больше, чем он оценил, он был голоден, задыхался и не мог рассуждать четко. Не мог сосредоточиться и утратил контроль над мозгом офицера.

— Кругом! — закричал лейтенант, и пятьдесят человек уставились на бегущих.

Слишком поздно пытаться добежать до дороги, но временное убежище может предоставить здание. Рейнс перебрался через низкую стену, и Говру последовал за ним. Рейнс пробежал по саду и, добежав до окна, раскрыл его и забрался внутрь, подтащив за собой индуса.

Повернувшись, чтобы помочь Говру, он удивленно посмотрел на солдат. Офицер свистел в свисток и что-то кричал по своему радио, но солдаты, гнавшиеся за беглецами, остановились у стены. Говру кивнул и улыбнулся.

— Храм, — сказал он.

Конечно. В стране множество национальностей и религий, и правительство должно было предоставить иммунитет тем религиям, сектам и культам, которые об этом просили. Это место более безопасно, чем он думал. Рейнс схватил Говру за руку.

— Вниз, — сказал он.

Говру высвободил руку.

— Вверх, — сказал он. — Мы должны видеть, что они делают.

Логично. Рейнс изменил направление движения.

По пути в тускло освещенной башне Рейнс с кем-то столкнулся. По качеству украшений и одежды, по краске на лице он рассудил, что эта женщина — что-то вроде верховной жрицы. Женщина улыбнулась ему и загадочно поманила, потом пошла по коридору, очевидно, ожидая, что он последует за ней. Странное поведение в священном храме. Рейнс покачал головой и побежал за Говру.

Индус сидел в роскошном помещении на верху башни и смотрел в окно. Храм окружен. На его территорию не вступил ни один солдат, но со всех сторон цепочка вооруженных людей. А пыль на дороге говорила о том, что подходят новые части. Армия хочет их допросить. Рейнс не знал, как военные собираются вытащить их из храма, но ситуация казалась безнадежной.

С усилием он сделал свое сознание скользким и разорвал контакт. Работает мощный менталист. Рейнс сопротивлялся импульсу выйти из храма и сдаться. Осторожно попробовал выпустить мысли. Нет, это не простой путник, сюда идут сильнейшие менталисты.

Он в панике повернулся к Говру, который раскрывал шкафы. Внутри блестели ряды бутылок с дорогими напитками. Мало похоже на келью отшельника, скорее дворец сибарита. Странная религия. Говру откинул голову и с бульканьем отпил из бутылки.

— Хочешь туман? — спросил он. — Тут достаточно сыря.

Тумана недостаточно. В суматохе они могут уйти от солдат, но избежать менталистов невозможно. С другой стороны, вчерашний танк отражал его мысли. Это может работать.

— Можешь окружить нас непроницаемой поверхностью?

— Не получится, — ответил Говру, вытирая губы. — Это должна быть замкнутая поверхность, и, если она достаточно сильна, чтобы остановить все, она должна и пробивать любой материал, которые встретится у нее на пути. Мы здесь наверху упадем вниз, как только подует ветер.

Об этом аспекте защиты Рейнс не подумал. Он отчаянно боролся за контроль над своим мозгом.

— Тогда окружи весь храм, всю его территорию, не включая солдат.

Говру кивнул.

— Это я могу сделать. В разумных пределах размер не имеет значения, важен принцип. Я сделаю большой сферический щит.

В комнате сразу посерело: это уменьшилось освещение снаружи. Но самое главное: уменьшилось ментальное напряжение. Рейнс выглянул. Трудно было рассмотреть что-нибудь сквозь щит, но он различил туманные очертания. Странствующий менталист пытается пробить защиту.

Щит хорош, но появились новые силы: прибыли другие менталисты и присоединились к первому. Рейнс покачнулся под их натиском.

— Сделай его прочней! — закричал он. — Вложи в него все, что имеешь!

Говру схватил другую бутылку и стал пить. Серость сменилась чернотой, и вторгающиеся мысли всех менталистов исчезли.

Рейнс расслабился. На какое-то время они в безопасности. Голова кружилась, живот напряжен. Для этих последний усилий нет причины. Он не смог ничего придумать.

Рейнс пересчитал бутылки. Не очень точный способ определения времени, но здесь нет электричества, и никакие часы не работают. Он включил фонарик. Сколько бутылок соответствуют одному дню?

Он снова проголодался. Ему удалось в темноте с помощью фонарика кое-что найти, но немного. Во время поисков контакт с другими людьми в храме как-то обескураживал. Вдали слышались хихиканья и визг, но источник их он не смог обнаружить. Он не винил обитателей храма за осторожность: темнота и изоляция должны показаться им чем-то сверхъестественным.

Воды тоже становилось мало, из крана текла только тонкая струйка. Щит перерезал все контакты с внешним миром, включая водопровод и канализацию, и пока только цистерна в храме и система давления давали немного воды.

Придется рискнуть и выйти: может, бдительность снаружи ослабла. Рейнс потряс проводника. Говру проснулся и протянул руку. Рейнс сунул в нее полупустую бутылку: приходится экономить. Запасы выпивки приходят к концу, по крайней мере в этой комнате.

— Можешь сделать в щите отверстие, небольшое?

Говру поднял бутылку, потом опустил ее.

— Нет. Нужно слишком много думать. Может, прозрачный участок?

— Подойдет.

Говру добрался до окна, оперся на подоконник и выглянул. Смотрел он дольше, чем ожидал Рейнс.

— Так вот что с ней случилось, — пробормотал он.

Нашупал стул и сел, трясаясь от смеха.

Ничего не может быть таким смешным, подумал Рейнс, подходя к окну. Он выглянул: снаружи темно. Говру не позаботился очистить пространство, чтобы было видно. Нет, снаружи светящиеся точки. Просто сейчас ночь.

Но это не все. Очень близко — по астрономическим масштабам — и направляется к ним комета. Не просто комета, а та самая комета.

Рейнс сел прежде, чем у него закружилась голова. Что делает так близко от них комета? Может, они в космосе? Он открыл глаза и снова выглянул. Да, они именно там. Если он не ошибается, поблизости Марс.

Он попытался сопоставить факты. Смысл возникает, но никакой надежды нет. У него есть доказательство, что щит способен изменяться, он может становиться прочнее или слабее. И, становясь прочнее, он отражает все: свет, пули, мысли. Может ли он быть настолько прочным, что отрезает силу тяготения?

Он снова выглянул. Может.

Говру напрягся, и щит прорезал землю, воду и разорвал все контакты. Центробежная сила и движение Солнечной системы в пространстве объясняют их нынешнее положение. Храм улетел с Земли на глазах у изумленной индийской армии.

Говру по-прежнему смеялся. Он похлопал Рейнса по спине.

— Так вот куда она делась, — сказал он.

— Что делось? — спросил Рейнс.

Они обречены на полет в космосе, и ничто их не спасет.

— Кремационная баржа из Бенареса. Она поплыла на комету.

Слово «поплыла» вряд ли подходит для описания сложного процесса. Рейнс видел комету, и теперь он понял, что на ней находится.

— Что ты знаешь об этой кремационной барже? — спросил он.

Говру поиграл бутылкой.

— Однажды я плыл в Ганге, и аллигатор...

— В Индии нет аллигаторов.

Говру Чандит сделал жест, признавая свое поражение.

— Ты должен знать, что у меня не было работы и я каждую ночь вплавь пробирался на баржу и там спал. Однажды утром я спал слишком долго, и экипаж баржи нашел меня и выбросил в реку. Пришлось плыть.

— Но ты ведь и так плыл.

— Неважно, — сказал Говру. — И когда они вечером ушли, я окружил баржу щитом. Если подумать, то это, вероятно, такой же щит, как вокруг храма. Утром баржа исчезла, и никто, включая меня, не знал, куда она делась — до этого момента. Городу пришлось покупать новую баржу, чтобы заместить пропавшую.

Рейнс ошеломленно смотрел на него. Вот что он видел в псископе — баржу, и именно из-за этого он явился

в Бенарес. Но виноват в этом не телепорт, а его собственный проводник Говру Чандит. Говру не знал, потому что он ему не говорил.

Но могут существовать и другие аспекты.

— Щит рассеивается после создания?

— Да, если я его не возобновляю.

Баржа улетела с Земли, как храм, потом щит исчез, и баржа попала под влияние притяжения кометы и оказалась на ней.

— Можешь ли ты так изменить щит, чтобы одна его сторона подчинялась силам тяготения, а другая нет?

Говру Чандит, невероятный красильщик, понял, на что нацелен этот вопрос. Он почесал голову.

— Могу ли я, меняя силу поля, доставить нас на Марс? Думаю, что могу.

Мечта астронома! Его коллеги просто смотрят на Марс с расстояния, а Рейнс окажется на нем! Потребуется напряженная работа, но, если индус говорит, что сможет это сделать, Рейнс ему верит. Однако есть одно затруднение и это отразилось у него на лице.

— На Марсе нет воды и очень мало воздуха, — сказал Рейнс. — Мы попадем на него, но скоро умрем.

— Гммм, — произнес Говру. В устах любого другого человека это не было бы глубокомысленным замечанием. Говру неуверенно встал и стал расхаживать по комнате, собирая по пути бутылки. Потом посмотрел в окно. — Сама ткань пространства, — сказал он.

Он как будто смотрел на комету.

Потом поманил Рейнса.

— Иди сюда.

У него внутри достаточно выпивки, и ему не нужно то, что он держит в руке, но ему нравится просто трогать бутылку.

— Посмотри, — сказал он и показал.

Рейнс выглянул.

Комета улетала от солнца, направляясь к Марсу, хотя, вероятно, промахнется на несколько миллионов миль. Это Рейнс уже видел.

Но в пространстве она на что-то наткнулась. Там ничего не было, однако комета разбилась на множество крошечных фрагментов, и все они устремились к Марсу. Не было сомнений в том, что Марс уловит большую часть массы, и вскоре на нем будет изобилие воды и кислорода.

Но ведь комете не обо что было удариться. Кроме... Кроме чего?

«Сама ткань пространства», и, как выяснилось, это не было пустым замечанием. Структура пространства. Вот над чем он работал, хотя сам этого не знал. Вовсе не над молекулами. Говру создал космический вихрь, устремленный к Марсу, а когда комета подошла к нему, она столкнулась с поверхностью всей вселенной.

Вода, воздух и целая планета для исследования, и Говру в качестве спутника. Но все же один недостаток оставался.

Рейнс вслух застонал.

— У тебя есть еще повод для жалоб? — спросил Говру?

Рейнс показал на храм.

— Я человек науки, — с горечью сказал он. — Я отказываюсь быть заброшенным вместе с религиозными фанатиками.

— Не волнуйся. Это женщины.

Но это еще хуже. Монахов индийской разновидности он мог игнорировать. Но делать то же самое с мрачными суровыми женщинами, настроенными на спасение души?

Они будут с ним на Марсе, и в порядке самозащиты ему придется изучить их религию, чтобы уметь отказываться от нее.

— Каковы главные моменты их теологии? — спросил он.

— Это очень древняя религия, — заметил Говру. — Жриц отбирают по их темпераменту. В Индии нет более древних обрядов.

— Обрядов? — переспросил Рейнс. — Приношения жертв?

— Нет, не жертв, — зевнул Говру. — Это культ плодородия.

Рейнс вспомнил жрицу, которую встретил, впервые попав в храм, единственную какую он видел. Коридор был слабо освещен, но она была молода и очень соблазнительна. И если остальные такие же...

Любой ученый, достойный этого имени, верить в плодородие — во всех его разновидностях.

Не на жизнь...

Ратсден. Уверен, это название ничего вам не говорит. Конечно, существуют легенды времен старой Германии, Великого Рейха и даже колониальной Америки, но легенды не причиняют вреда и ничего не доказывают. И даже при том, что история эта во всех других отношениях правдива, моего имени в ней вы не найдете. Я об этом позаботился. Умная личность избегает публичности, хотя это может потребовать искажения некоторых исторических фактов. В общем, для каких бы то ни было практических целей название Ратсден бесполезно, и я хочу, чтоб так это и оставалось.

Не помню точно, когда меня посетило вдохновение. Вероятно, оно долгое время дремало где-то на задворках сознания, как медведь в зимней спячке, но пробужденное надлежащими обстоятельствами вышло на свет с твердой решимостью захватить мое внимание.

Я всегда усердно трудился, но в последнее время то, что я получал за свою работу, приличным заработком никак не назовешь. Виноват в этом, по большей части, «Красный Крест». Вам никогда не убедить меня сказать хоть одно доброе слово в адрес этой организации — никогда.

И все же я использовал их в своих целях, и в этом отношении они внесли свой вклад, сами того не подозревая.

Я тщательным образом обмозговал идею. С самого начала было ясно, что мне требуется помощь. Я не сверхчеловек, по крайней мере, не в буквальном смысле, хотя, полагаю, не дал бы себя в обиду ни Человеку-Невидимке Уэллса, ни Супермэну, ни выводку мутантов, которые появятся в недалеком будущем.

Мне нужна была помощь, и я вынес проблему на совет своих собратьев. Мы подробно обсудили ее и, под конец, хоть и не дав своего благословения, они согласились мне помочь.

Загвоздка была в летающих тарелках или, точнее, в том, как вынудить одну из них приземлиться. Мы долго обсуждали этот вопрос, но так и не пришли ни к какому решению. Способа сделать это, похоже, не было. Ни один реактивный самолет не мог угнаться за летающей тарелкой, и современные ракеты тоже на это неспособны. Кроме того, у нас не имелось доступа ни к одному из этих летательных аппаратов.

Кто-то с «галерки», чье имя я не расслышал, выдвинул такую идею: раз мы не можем заставить «тарелку» приземлиться, то, возможно, могли бы устроить так, чтоб она захотела сделать это сама. Не имеет значения как, лишь бы она оставалась на земле приблизительно в течение часа с открытыми порталами. Остальное будет зависеть от меня.

— Отлично, — сказал я. — Что ты предлагаешь?

— Как тебе известно, — ответил он, — ими обследуется западная часть страны. Ракетные базы, космодромы, все, что указывает на передовые технологии. Давайте предоставим им еще один источник угрозы.

— Звучит неплохо. А что их интересует? — Этого парня трудно было обнаружить, и я даже и не пытался представить его лицо. Кажется, он из Ирландии.

— Космический корабль, — ответил он. — Очень внушительный и грозный, с невероятным ходом.

Сама идея была очень даже недурна. Корабль, само собой, не будет настоящим. Он будет только казаться настоящим с воздуха. С этой задачей мы справимся.

Что до хода, то и это нам под силу. На небольшом заданном участке спектра мы можем создать низкое и постоянное напряжение, предполагающее, что двигатель работает на малых оборотах, и корабль вот-вот готов взлететь.

Тут нет ничего невозможного. Все это мы вполне можем осуществить.

Мы? Кажется, я забыл упомянуть, что мы не люди. Долгое время мы существуем на Земле рядом с *homo sapiens*, и он лишь смутно догадывается, что мы есть. Обычные ограничения смертных к нам не применимы.

Некоторые из нас, объединив усилия, могут создать воображаемый космический корабль с интригующим ходом. Это именно то, против чего летающие тарелки не устоят. Они спустятся вниз, когда обнаружат, что не могут ничего узнать с привычного для них уровня высоты.

Я кивнул собрату, которого не видел.

— Отлично. Однако, когда тарелка приземлится, придется какое-то время поддерживать иллюзию. Предполагается и материально-техническое обеспечение.

— Это легко, — отозвался он. — Но что, если она укомплектована не роботами, как ты полагаешь? Внутри-то ты войдешь, но живое существо тебя обнаружит.

Я посмотрел на пустое место, где, как мне думалось, он мог быть.

— Да ладно тебе. Это *должен* быть робот. Ни одно живое существо, не считая нас, не выдержит те скорости, которые мы наблюдали.

— Но вдруг мы ошибаемся? — не унимался он.

— В этом случае у нас будет время быстренько осмотреться. Если оно *живое*, и нам с ним не тягаться, мы дадим деру.

Послышался общий смех, и малый не выдвинул больше никаких возражений. Не знаю, может он отправился домой. Собрание подошло к концу, и все, за исключением нескольких добровольцев, разошлись. Мы продолжили обсуждать способы и средства.

Когда план действий в общих чертах был составлен, я поднялся.

— Минуточку, — вмешался еще один товарищ, которого я не узнал. — Предположим, все пойдет так, как ты говоришь. Тарелка приземлится, и тебе удастся проникнуть внутрь. С чего ты решил, что она полетит обратно на свою планету?

— Не стоит недооценивать наш фальшивый космический корабль, — ответил я. — Если бы робот-разведчик с тарелки обнаружил настоящий корабль, это была бы важная информация. Достаточно важная, чтобы оправдать быстрый полет назад, на местную базу, где бы она ни находилась. Но когда робот ничего не найдет, не смотря на показания приборов, он должен будет свя-

заться с высшим командованием. Логически рассуждая, он должен будет доложить в главный вычислительный центр на своей планете. Думаю, я абсолютно прав, прогнозируя короткое путешествие.

— Надеюсь. — Он с сомнением покачал головой. — Но как же мы? Нам не стоит беспокоиться за людей и, вероятно, эти инопланетные существа не приблизились настолько, чтоб узнать о нас. Но они весьма высокоразвиты. Вдруг узнают?

— Думаешь, они могут обнаружить нас, когда мы материализуемся? — Я улыбнулся. — Не будь наивным. В любом случае, кто не рискует...ну, ты знаешь.

Мне не следовало это говорить. Я слишком много болтаю.

— Тот не выигрывает, — закончил он за меня. Парень не был похож на альтруиста. — И что же мы рассчитываем выиграть?

Другие не подумали об этом. Я тоже, по крайней мере, с этого угла зрения. Поэтому пришлось импровизировать:

— В последнее время здесь стало небезопасно. Слишком много факторов против нас, организации, о которых мне нет нужды вам говорить. Что называется, или пан или пропал — и главным образом, последнее. И что мы будем делать после атомной войны, когда появятся мутанты? Сможем ли мы тягаться с ними? Как бы ни было плохо сейчас, может быть еще хуже. — Я помолчал, чтобы смысл мрачных предсказаний дошел до них.

— Кто-то должен сделать это, и я намерен быть тем, кто найдет для нас новые миры, — заключил я.

Мои слова произвели впечатление на всех, кроме одного Фомы неверующего.

— Я понимаю, что ты найдешь их для себя. Но как ты собираешься дать нам знать?

— Ну, сейчас я не могу установить связь даже с Филадельфией, — сказал я. — Все силы уходят на то, чтобы просто остаться в живых. Здесь у меня не было времени практиковать мысленную связь, но там условия будут идеальными, и я рассчитываю совершенствоваться настолько, что смогу связаться с любым местом в галактике.

Объективно это была правда. Субъективно же я мог передумать делиться своим трофеем. Им это не пришлось в голову, а я, естественно, ничего не сказал.

Последнее возражение было отмечено. Они отправились делать свои приготовления, а я свои.

Мы разместили нашу приманку в Иллинойсе. Никакой серьезной причины такого выбора, полагаю, не было, за исключением того, что мы не выносим пустыню — логичное место для строительства космодромов и космических кораблей. В пустыне слишком жарко и сухо, там чересчур яркое солнце и мало людей. Мы на свой лад любим людей, хотя они, возможно, так не думают.

Итак, выбрали Иллинойс, и если в этом и была некая несообразность, что ж, тем лучше. Космический корабль странно выглядит посреди ровных кукурузных полей? Вот и чудненько. Пусть робот-разведчик выяснит, почему он там.

Создание воображаемого корабля трудности не представляло. Легкая дымка в воздухе, зеленые поля и среди них — космический корабль, устремленный своим обтекаемым носом в небо. Снизу он был неосязаем. Фермер пахал и проходил сквозь его хвостовые турбины, даже не подозревая об этом. Единственное затруднение состояло в том, что нам пришлось сделать его невидимым сверху. Фермерский дом мы превратили в диспетчерскую вышку, а амбар стал грузовым ангаром.

Были, само собой, и побочные явления. Собаки беспокойно рычали, лаяли, а потом и вовсе убежали и спрятались в лесу. Петухи не кукарекали, куры не неслись. Молоко сворачивалось прямо в коровьем вымени и в бидонах, а все масло стало прогорклым. К сожалению, мы нечасто задействуем свои коллективные мозги, но когда делаем это, без побочных эффектов не обойтись. Однако, ни один человек в округе не заметил нас, и жизнь, по большей части, шла своим чередом.

Радио работало с помехами по всей Америке, а телепередачи прерывались на тысячи миль вокруг. Эти нарушения были спланированы специально. Нам требовалось привлечь внимание тарелок, и это был самый легкий способ добиться желаемого. Причиной излучения предположительно была утечка энергии с нашего гипотетического межпланетного корабля.

Они явились на вторую ночь, и это было хорошо, ибо напряжение сказывалось на всех участниках замысла. Нелегко было поддерживать такую масштабную иллюзию.

Отряд летающих тарелок кружился в небе с выключенными огнями, несомненно, готовый действовать.

Они обнаружили нас и хотели посмотреть, что же это у нас такое. Но не могли узнать с воздуха, сколько бы раз ни пролетали.

Вот это, должно быть, удар для них! Они-то считали, что знают все научно-технические достижения землян до самой последней гайки, и вдруг,, откуда ни возьмись что-то новое, чего здесь быть не должно.

Ближе к полуночи пятеро из них остались бороздить небесные просторы, а шестая спустилась вниз. Я был готов, и имел все необходимое при себе. Тарелка приземлилась в поле приблизительно в полумиле от нашего корабля. Вся растительность в месте приземления невидимо сгорела. Одна секция тарелки открылась, и оттуда появилась другая тарелка, но гораздо меньшего размера.

Маленькая тарелка была роботом. Я уверился в этом сразу же, как только ее увидел, главным образом, потому что у нее имелись колеса. Разумеется, ничто не указывало на то, что у живой разновидности не может быть колес, но тогда встает вопрос: что живое существо будет использовать для ориентации? Итак, это был робот, и он покинул тарелку и направился к нашему кораблю, который по-прежнему великолепно держался, устремив заостренный нос в небо.

Пора было мне приступить к делу. Я устремился к большой тарелке.

— Он приближается. — Это была мысль того индивидуума, который сотворил корабль из своих дематеризованных атомов.

— Создай силовое поле и не подпускай его. — Он, явно, нервничал, и я подумал, что мрачная шутка поможет. Контейнеры, которые я нес, были тяжелыми.

Корабль фыркнул.

— Неплохо бы. Но серьезно, сколько мне еще тут торчать?

— Держись, — ответил я. — У меня много запасов.

Ужас в его голосе был неподдельным.

— Мне не нравится эта штуковина. Она рыщет вокруг.

— Разбуди фермера. Может, он поднимет шум, и робот отправится на разведку.

Дробовиком фермер мало что может сделать, но удачный выстрел мог бы вывести колесо из строя. Роботу это бы не понравилось.

— Я не могу заставить фермера открыть глаза. Тарелка усыпила его, и мне не проникнуть в его сознание.

Да, тарелки здорово умеют гипнотизировать, если это то, что они делают. Мы знали, что им подвластно космическое пространство, и вот теперь стало очевидно, что они столь же хорошо развиты и в других отношениях.

— Воспользуюсь своим здравым смыслом, — посоветовал я кораблю, — держись столько, сколько сможешь, а потом сделай вид, будто отправляешься в космос или вперед во времени. Все что угодно, лишь бы это выглядело убедительно.

Мне нужно было время. Я мог дематериализоваться там, где стоял, и вновь материализоваться внутри тарелки, но в этом случае большую часть моих запасов пришлось бы оставить. Короткое путешествие, сказал я, и так оно и есть. Для межпланетных расстояний оно и

вправду короткое. Но по обычным подсчетам путешествие обещает быть достаточно длительным, и мне надо будет его пережить. Я не мог бросить свои запасы.

Мне удалось переправить все продукты к месту рядом с большой тарелкой, прежде чем наш корабль исчез. Он не отправился ни в космос, ни в иное время, как я ожидал. Вместо этого он быстро ушел в землю, не оставив за собой никаких следов. Это, я думаю, сбило робота с толку. Я слышал, как он мечется по кукурузному полю в явном замешательстве.

Я собрал часть контейнеров и занес их в тарелку. Она была освещена, и цветовая гамма освещения была такой же причудливой, как и вид изнутри. Они использовали спектр ниже красного, но выше фиолетового. Зачем это было нужно, не знаю. Я просто описываю то, что обнаружил. Очевидно, они не реагируют на то, что мы считаем видимым светом.

Я отрегулировал свои глаза. Нашел пустое пространство, которое, как я предположил, предназначалось для хранения образцов, и сложил туда продукты. Сделал еще одну ходку, потом еще, и так до тех пор, пока все не было погружено. Отвратительная еда, разумеется, концентрированная и невкусная, но ее хватит до той поры, когда я ступлю на планету на противоположном конце. А там уже возникнут другие проблемы.

Я отправился наружу для последней связи со своими собратьями. Летательный аппарат смогу обследовать позже. Я огляделся. Диспетчерская вышка и грузовой ангар были все еще видны, хотя заметно колыхались в тусклом свете.

— Ты там? — подумал я.

— Да, — прилетела ответная мысль. — Хотя ужасно не хочется.

— Это всего лишь робот, — ободряюще сказал я. — Он не интересуется зданием.

— Может и нет, — согласилась диспетчерская вышка, — но он внутри, обследует спящих людей. — Я хочу поскорее обратиться отсюда.

Он терял самообладание, а это меня не устраивало.

— Это всего лишь машина. Куча железа. Продержись еще немножко.

Он держался.

Робот покинул воображаемую диспетчерскую вышку и направился к тарелке. Для такой маленькой и неуклюжей штуковины он покрыл расстояние на удивление быстро. У меня едва хватило времени вернуться внутрь, прежде чем он вкатился в тарелку. Он что-то нес. Мы взлетели, и я не успел разглядеть что именно.

Покинули мы землю плавно, хотя меня устроил бы любой взлет. Инерция никогда не представляла для меня затруднения. Как и вероятность того, что робот меня обнаружит. Я был уверен, что не запечатлелся на светочувствительных элементах, к тому же у меня имелись в арсенале другие хитрости, которые я мог использовать, если потребуется.

У робота были щупальца, не замеченные мной прежде, потому что тогда они были убраны. Сейчас выдвинутые щупальца что-то держали. Оказалось, фермера. Бедняга был без сознания.

Робот занимался фермером, но момент, чтобы вмешаться, теперь был неподходящий. Иглы воткнулись в тело в нескольких местах и сделали забор крови, кото-

рая утекла куда-то внутрь робота, по-видимому, для хранения.

Первые иглы выдернулись и сменились другими. И вновь это было логично. Полагаю, они закачивали некую жидкость в вены фермера с намерением поддерживать жизненные силы до тех пор, пока они не доберутся до своей планеты.

Вся эта процедура имела свой жутковатый смысл. Когда роботу не удалось обнаружить космический корабль, он забрал того, кто был по соседству, для допросов. Впрочем, они будут удивлены тому, что узнают от фермера. Абсолютно ничего! Мы слишком хорошо защитились. Испытания фермера никак не повлияют на успех моего предприятия. Тем не менее, мне было немало не по себе из-за этой напрасной жертвы.

Робот положил фермера в отсеке, похожим на тот, где я припрятал свои запасы, а потом, втянув в себя все щупальца и колеса, припал к полу и неподвижно замер в ожидании. Ему пока больше ничего было делать.

И мне тоже. Мы вышли из плотных слоев атмосферы и устремились в открытый космос.

Путешествие заняло шесть месяцев и было убийственно однообразным. Избегать робота оказалось легко, ибо за все время полета он ни разу не пошевелился. Весь корабль находился в моем полном распоряжении, но я не мог этим воспользоваться. Я слонялся по нему, но изучать было нечего. Двигатель работал, а пока он работал, я не мог к нему приблизиться. Я понятия не имел, что он из себя представляет и как функциониру-

ет, но силовое поле, которое его окружало, оказалось, по крайней мере для меня, непреодолимым барьером.

Остальная часть тарелки была такой же непостижимой. Там имелось несколько отсеков с низкими потолками, содержащих приборы, о назначении которых можно было только гадать. Нигде не было видно никаких звездных карт, но оставалось предположить, что корабль знает куда летит.

Но каково бы ни было место назначения, мы приближались к нему со скоростью выше, чем скорость света. Время от времени я выглядывал в иллюминаторы и то, что видел, не напоминало звезды, хотя, разумеется, это были они. Световые вспышки меняли их внешний вид.

Однажды тарелка дала крен, и мы одновременно снизили скорость и приблизились к нашей цели. Прямо впереди была какая-то сложная звездная система. Где она располагается по отношению к Земле, я не знаю. В пределах от пятидесяти до тысячи световых лет, полагаю.

Впервые за несколько месяцев робот зашевелился, направился к фермеру и стал что-то с ним делать. Я держался в стороне. Это казалось разумным. Сколько бы я ни смотрел, не мог определить место положения планеты, на которую мы направлялись. Корабль знал, но я оставался в неведении.

Сзади, из соседнего отсека, доносились механические звуки, издаваемые роботом. Потом послышался другой звук, и он исходил не от робота. Я заглянул внутрь. Фермер сел, изумленно огляделся и частично осознал то, что увидел. Этого осознания ему хватило, чтобы

свалиться замертво. Из горла вырвался предсмертный хрип.

Оживление прошло вполне успешно. Я решил сохранить человеку рассудок. Он важный источник резервной силы.

Мои надежды воспарили, когда я увидел планету. Она была несколько меньше Сатурна, но значительно больше Земли. Достаточно большая, чтобы вмещать огромное население. О такой удаче я и мечтать не мог.

У меня было лишь смутное представление о том, что делать дальше. Путешествие прошло без малейших осложнений, и это было наиболее важным. Мой следующий шаг будет зависеть от обстоятельств. Я мог бы телепортироваться с корабля на планету, а при максимальном расходе энергии мог бы даже забрать оставшуюся еду с собой.

Но это казалось напрасной тратой сил. До сих пор все шло как по маслу, потому что я сидел тихо, не высываясь, и позволял событиям идти своим чередом, так что решил продолжать в том же духе. Останусь на корабле, пока он не приземлится.

Это решение было не первым моим просчетом. Пожалуй, недосмотр случился еще тысячу лет назад, в моем младенчестве, в ту первую ночь, когда я увидел свет луны. Никто не просил меня лететь сюда. Я сделал это добровольно по причинам, которые вся моя личность в целом нашла приемлемыми. Разумом я суммировал преимущества того, чтобы покинуть Землю, а потом строил планы, пока не нашел способ осуществить задуманное.

Мне не нравилось то, что происходит на планете Земля, что люди делают со своей планетой, с собой. Я возражал против бессмысленного кровопролития. И потому замыслил побег. За забором трава зеленее? Ну, не знаю. Я не любитель салатов. И все же эта поговорка частично передает мои чувства. Задолго до того, как корабль приземлился, было уже слишком поздно, хотя я еще этого не знал.

Робот суетливо двигался по отсекам, механически жужжа и поскрипывая. Закончив со своими обязанностями, он взял фермера и понес его наружу. Человек был все еще без сознания, но начал кричать.

Вскоре после ухода «моего» робота, на корабль пришли другие. Несколько отличные от того вида, что я наблюдал, эти, должно быть, были роботами-ремонтниками. Они взялись за задачи, которые были мне незнакомы, и они разговаривали.

Это было что-то новенькое. Я не понимал, о чем они говорили, пока не отыскал у одного речевой центр и установил с ним связь.

— Хозяин говорит, на одном из кораблей безбилетный пассажир.

Такого я не предвидел. До сих пор мне еще не доводилось встречаться ни с чем, что могло обнаружить мое существование, не отметившись у меня в сознании. Эти хозяева будут покруче, чем люди. Я подождал, пока другой ответил:

— А известно, на котором из кораблей?

Первый робот махнул щупальцем

— Здесь десять тысяч кораблей, и все ждут техосмотра перед новым заданием. Станут они замораживаться, обыскивая каждый?

— Физически, ты имеешь в виду? — спросил второй.
— Нет. Они сбросят его, когда корабль отправится в путь.

Сбросить меня будет трудно, хотя хозяева этого не знают. Людей они, возможно, оценивают и правильно, но с таким как я не встречались. Тем не менее, мне стало как-то не по себе.

Другой усмехнулся.

— Может, он передумал и хочет вернуться домой. Вот уж он удивится, когда узнает, что ему предстоит.

Признаюсь, что в тот момент я запаниковал. Это хмыканье робота, оно отнюдь не было сочувственным, скорее, злорадным. И еще из-за того, что он сказал. У меня не было намерения возвращаться домой, но нравилось думать, что я могу, если захочу. Теперь я понял, что из-за их системы чередующихся назначений практически невозможно определить, какой из кораблей снова полетит на Землю. Я быстро принял решение.

Несколько вещей случились одновременно: я дематериализовался там, где был, и вновь материализовался внутри робота. В то же время взял под контроль его моторные и мозговые функции.

Я заставил его оставить свою работу и приказал идти в грузовой отсек, где были спрятаны остатки моих запасов. Другой робот ничего не заметил. Я предположил, что они получают приказы не друг от друга, а от кого-то выше. В данный момент выше был я.

Мы покинули корабль и очутились среди неразберихи ремонтных цехов. Ничего кроме кораблей и роботов, а я был уже сыт по горло и теми, и другими.

Мне требовалось какое-нибудь укромное место, чтоб отдохнуть и спланировать свои набеги на существ этой планеты, кто бы они ни были. Я торопливо порывлся в мозгах робота и узнал, что мы находимся на окраине большого города. Не систематизируя всю информацию, которую получил, я направил робота к открытому полю, которое окружало город.

Внутри робота было тесно и неудобно, хоть я и не существовал в виде твердой материи. И приходилось управлять вслепую. Мне не удалось приспособить свое зрение к зрению робота, и я вынужден был действовать через его другие далеко не совершенные органы чувств.

Последний проход, который мы миновали, выходил в открытое пространство. Робот покатился по нему...и остановился. Я не видел, что перед нами, но догадался, что это одно из высших существ этой планеты. Из тех, что делают летающие тарелки. Без колебаний я приказал роботу атаковать.

Он не подчинился.

Его отказ не был неожиданностью. С их стороны было бы полнейшим безумием создавать роботов без установки в них каких-либо предохранительных приспособлений. Это означало, однако, что следующий шаг зависит от меня. И я его сделал.

Я дематериализовался из робота и возник перед своим противником. В среднем мне нужно несколько микросекунд, чтобы оценить врага и отыскать его слабости, но сейчас потребовалось больше. Впервые я видел не-

что такое, что с одного взгляда сумело уничтожить мою уверенность в собственной способности выживания.

И не было никаких слабостей.

То, что я сделал потом, нельзя назвать трусостью, это был просто-напросто инстинкт выживания, реакция нервной системы на запредельную встряску. Я дематериализовался с того места, где стоял, и вновь возник далеко в открытом поле. Дважды повторял я процесс, пока город не скрылся за горизонтом. Существо не погналось за мной, хотя легко могло бы это сделать, если б захотело.

Я знаю свою силу. На Земле она порождает легенды — мрачные, почти неправдоподобные истории об оборотнях и вампирах. Этакая смесь реальности и вымысла, дабы вселить страх в умы и сердца людей. Мне и другим, таким как я, сомнения в нашем существовании определенно выгодны. Жертву, парализованную страхом, слишком потрясенную и деморализованную, чтоб закричать, легче подчинить.

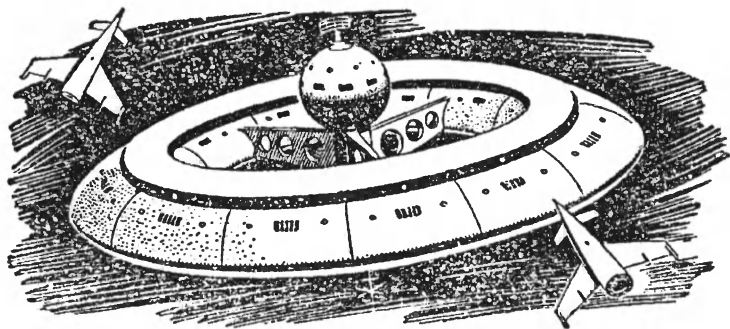
Но сила, в которой я был так уверен, здесь ничего не значит. Сжавшись за большим валуном, единственным источником тени на этой высохшей равнине, я вдруг осознал, что существа, которые правят этой планетой, знали обо мне с самого начала, когда я полагал, что надежно спрятался. Думаю, это их забавляло.

Я не могу вернуться в город и найти фермера. Он — их добыча. А мои возможности не безграничны. Я не могу телепортироваться с этой планеты. Несколько капель жидкости, оставленных в контейнере с печатью

Красного Креста на нем — моя последняя связь с Землей.

Я родился, зная факты своей жизни. Тысячу лет я добывал себе пищу где и как мог. Но эти существа иные, и не только по химическому составу тел. Они тверже, чем тефлон, и в их жилах течет фтористоводородная кислота. Да, я убивал, но убивал ради еды, а эти существа...они убивают ради удовольствия. И их внешний вид в точности соответствует их характеру. Мне следовало знать.

Но есть один спасительный выход, о котором они забыли, и я им воспользуюсь. Когда они придут за мной, то меня не найдут. Самоуничтожение предпочтительнее, чем вновь встретиться с этими ужасами лицом к лицу.



Заместитель

I

— Ты же у нас так хорошо понимаешь чувства других людей, — язвительно сказала Лаура. — Даже начальства, особенно, когда оно увольняет тебя. — Она бросила пудреницу в сумочку и поднялась. — Значит, тебе не составит труда понять мои. — Смерив его презрительным взглядом, она повесила сумку на плечо и быстро пошла прочь.

Хэл Тэлбот угрюмо уставился в свою выпивку. Хуже всего, что он и в самом деле прекрасно понимал, что она чувствует. Несмотря на всеобщее убеждение, эмпатия — ужасная помеха.¹ У него этого добра в избытке, а он не может удержаться ни на одной, даже самой захудалой работе.

¹ Эмпатия (в переводе с греческого «сопереживание») — это способность человека постигать внутренний мир другого субъекта и сопереживать его проблемам. Также это чувство может проявляться умением воспринимать эмоциональное состояние, страхи и тревоги других людей, осознавая, что к нему эти явления не имеют никакого отношения. В фантастических произведениях способность к эмпатии часто считается экстрасенсорной и доступной лишь некоторым людям. Такая эмпатия больше похожа на эмоциональную телепатию и может включать в себя способность воспринимать эмоциональные состояния «напрямую», даже без контакта с человеком, способность транслировать эмоциональные состояния и многое другое. — Прим.пер.

Он поднял стакан и увидел сквозь него мужчину, совершенно незнакомого, который с легкой улыбкой выжидающе стоял возле кабинки. Ну его к черту, подумал Тэлбот. Он допил пиво и поставил опустевший стакан на стол.

— Не возражаете, если я присяду? — спросил незнакомец.

Тэлбот окинул его внимательным взглядом. Тот был хорошо одет — даже слишком хорошо — и во всех других отношениях соответствовал распространенному представлению о том, каким должен быть большой начальник: учтивый и такой абсолютно уверенный в себе. Но так ли это на самом деле?

— Валяйте, — буркнул Тэлбот. Мужчина сел напротив и заказал выпивку им обоим. Тэлбот не возражал. Он был в состоянии заплатить за себя сам, но остро сознавал, что его истощающихся средств надолго не хватит.

— Я случайно услышал ваш разговор, — начал незнакомец.

— Мы всегда ссоримся на людях, — отозвался Тэлбот с горькой иронией. — Это, знаете ли, придает делу некую законченность.

Мужчина с минуту пристально вглядывался в него, сосредоточенно сдвинув брови.

— А вы уверены, что все закончено?

— Вы же слышали, что она сказала. Я не могу удержаться ни на одной работе.

— Как раз это я и имел в виду. Вы производите впечатление человека толкового. Любопытно, в чем причина.

Тэлбот бросил острый взгляд на своего собеседника. Он был приблизительно одного сложения с Тэлботом, только лет на пять-шесть постарше.

— Не хотел вас обидеть, — поспешил заверить его мужчина. Он порылся в кармане и протянул визитную карточку.

Тэлбот взял ее. На одной стороне большими черными буквами были начертаны всего два слова: «Космические перевозки». Вместо перекладки у буквы «П» — космический корабль. На другой стороне имя: Эван Солери, вице-президент научно-исследовательского отдела. Тэлбот повертел карточку в руке.

Мужчина улыбнулся.

— Зовите меня просто Эван.

— Ладно, Эван. Вы собираетесь предложить мне работу? — Тэлбот откинулся на спинку стула. Все возвращается на круги своя.

— Возможно. Но вначале...вы не против рассказать мне, почему вас отовсюду увольняют?

— Не против, — ответил Тэлбот. Он привык к нескромным и глупым вопросам. Привык к нерегулярным случайным заработкам и разного рода осложнениям, которые, в конце концов, разрешаются. Когда-нибудь он, вполне возможно, попадет в переplet, из которого никакая эмпатия его не выручит, но пока бог милует, и незачем изводить себя раньше времени.

— Хотите знать, почему меня увольняют? — спросил он, потом подтянул к себе стакан с пивом и хмуро уставился в него. — Что ж, я расскажу вам. Встречаю я кого-нибудь вроде вас. Мы болтаем, слово за слово, и вот он уже предлагает мне работу. Я соглашаюсь. Поначалу

все прекрасно. Я всегда точно знаю, чего он хочет. Чуть ли не на следующий день получаю прибавку к зарплате. И вот однажды заходит его начальник с каким-нибудь срочным делом. Дело поручается мне, и не успеет никто понять, что происходит, как его босс уже полагается на меня, а не на него. И что ему остается делать? Он находит какой-нибудь предлог и увольняет меня.

Эван Солери кивнул.

— И вы не возражаете?

— Естественно, меня это злит, но я прекрасно его понимаю. Человек пахал как каторжный ради этой должности, и тут появляюсь я и угрожаю сместить его. Дело в том, что у меня нет никакой специальной квалификации.

— За исключением эмпатии.

— Ее, родимой, — согласился Тэлбот. Он сделал длинный глоток и поставил стакан. — Забавно. Я хорошо лажу с людьми, но индекс приспособляемости у меня не особенно высокий.

— Я думал об этом, — заметил Солери. — Вы не против показать мне свою трудовую карту?

— Конечно. Шаг номер один, — отозвался Тэлбот. — Когда мне приступить? — Он передал карточку и заодно махнул официанту вновь наполнить стаканы.

Солери, нахмурившись, изучал карточку.

— Вижу, вы уже семь лет не проходили тестирование. Почему отказались от переаттестации?

— Она стоит денег, — ответил Тэлбот. — В любом случае, после двадцати четырех способности почти не меняются.

— Обычно, так и есть, — согласился Солери, возвращая карточку.

— Так когда приступить? — вновь поинтересовался Тэлбот. — И в целях экономии сил и времени, не могли бы они сразу выписать мне и уведомление об увольнении? Спокойно можно датировать его двумя месяцами позднее. Дольше этого срока я, обычно, не задерживаюсь.

— Возможно, вы будете удивлены, — улыбнулся Солери. — У меня такое чувство, что из вас может получиться хороший администратор. До сих пор ваши способности не использовались в полную силу.

Тэлбот задумчиво разглядывал своего собеседника. Любопытное дело, но у него было такое же ощущение...если бы когда-нибудь удалось пробиться наверх. Одних способностей в этом деле недостаточно. За тот срок, что ему до сих пор удавалось продержаться на одном месте, он просто не успевал раскрыть все свои возможности.

— Что за работу я должен буду выполнять? — спросил он.

— Заинтересовались? — обронил Солери. — Вы что-нибудь слышали о совершенном ракетном двигателе?

— Само собой. Кто не слышал? — Тэлбот допил пиво. — Но это не по моей части. Я работаю исключительно в сфере делового администрирования.

— Не торопитесь с выводами, — мягко осадил его Солери. — А о Фреде Фрескуре вы тоже слышали?

— Известный изобретатель?

— Совершенно верно. — Солери отодвинул свой стакан в сторону. — Как вам известно, современные кос-

мические ракеты оставляют желать много лучшего. Они облетают вокруг Солнечной системы, и только. Да и это делают не слишком успешно. Как бы то ни было, существует теоретическое доказательство того, что совершенный ракетный двигатель может быть создан. Мы работаем над этим последние шесть лет.

— А почему вы пришли ко мне? — удивился Тэлбот. — Я ничем не могу помочь.

— Не будьте так уверены. Нам требуется ваша эмпатия.

— Она в вашем распоряжении, — отозвался Тэлбот. Смотрите: на карточке указан коэффициент 1.5, но сейчас он, возможно, чуть больше, скажем, 1.4. Коэффициент колеблется. Да вы же не хуже меня знаете стандартную кривую.

— Стандартная кривая не всегда отражает фактическое положение дел. Именно это я и хотел бы обсудить.

Тэлбот уже готов был согласиться на этот разговор, но вдруг ощутил сильные волны паники, исходящие от собеседника. Паники или тревоги...или того и другого. Нет уж, хватит с него и своих. Мало того, что он лишился очередной работы, так еще и девушка его бросила.

— Я не в настроении обсуждать это, — признался он, — да и вы ведь ждете женщину.

Солери вопросительно вскинул брови и улыбнулся.

— Вот видите? Я же говорил, что вы недооцениваете силу своей эмпатии.

— Она тут совсем ни при чем. Вы то и дело поглядываете в сторону двери.

— Не думаю, что все настолько просто. Почему бы вам не подождать? Рэнди будет с минуты на минуту.

Тэлбот покачал головой.

— Невозможно предугадать, что выкинет Лаура после нашей ссоры, куда отправится. Только не домой, это уж точно.

— Может, все-таки передумаете?

— Какой смысл? — возразил Тэлбот. — Сегодня вы тестирование все равно не проведете. А только тестирование даст нам реальную информацию. Знаю, что вы собираетесь предложить: чтобы я пришел завтра утром. Прекрасно. Сделаем это завтра утром.

Солери снова улыбнулся.

— Я говорил, что вы, возможно, именно тот, кто мне нужен. Теперь я в этом уверен. Придете завтра пораньше, скажем, к семи тридцати?

— М-да, рановато, — заметил Тэлбот.

— На то есть причина, — заверил его Солери.

— Не сомневаюсь.

Солери взял свою визитку и нацарапал на ней подробные указания.

— Вот, — сказал он, — войдете здесь. Просто входите. В такой ранний час там не будет никого, кроме меня.

— Хорошо. — Тэлбот сунул визитку в карман и прошел к будке видеотелефона. Дозвониться удалось не сразу, но когда удалось, ответил ее отец.

Его предположение оказалось верным. Тэлбот вышел из будки и ненадолго задержался у барной стойки, чтобы выпить. Глаза его проследили за женщиной, которая только что вошла в кафе. У нее были глубокие карие глаза, белокурые волосы и много чего еще, что делало ее не просто красивой, но эффектной. Ему нравились эффектные женщины.

Она прошла мимо и остановилась у кабинки, которую занимал Солери. Это, явно, была Рэнди. На мгновение Тэлбот даже пожалел о своем решении отправиться на поиски Лауры, но лишь на мгновение. Здравый смысл подсказывал ему, что у него нет ни малейшего шанса отбить такую женщину у вице-президента «Космических перевозок». Компания, между прочим, крупнейшая из ныне существующих.

И все же приятно было сознавать, что такая важная птица как Солери искал встречи с ним. Он прокрутил эту мысль в голове. Она, несомненно, верна. Солери пришел, чтобы встретиться с ним. Тэлбот знал это, как знал многое другое — неосознанно, исключительно на уровне ощущений и способности поставить себя на место другого.

К тому времени, когда мысль прошла полный круг у него в голове, Рэнди и Солери испарились. Осталась или Лаура...или ничего.

Он отправился на поиски. Ее не оказалось ни в одном из баров, которые она обычно посещала. Ее не было нигде. Нет сомнений, что в этот раз она разозлилась ни на шутку и будет дуться еще долго, даже если узнает, какая удача неожиданно свалилась на него. Она хочет, чтобы они поженились, и не может простить ему его нерешительности.

Пришлось немало помотаться по городу, прежде чем он окончательно убедился, что не найдет ее с тем, что осталось от его времени, денег и питейных возможностей. Он отправился домой, и мысли о Лауре были вытеснены размышлениями о недавней встрече в кафе.

Определенно, она не была случайностью. Вице-президент искал его. Но зачем? И как он узнал, где искать? Тэлбот напрягал мозги в поисках ответа, но был сейчас не в состоянии основательно сосредоточиться на этой проблеме. Все его усилия уходили на то, чтобы не пропускать нужные повороты.

Одно он знал наверняка: утром ему будет, о чем спросить Солери.

II

Тэлбот одевался как зомби. Было чертовски рано, и голова у него гудела. Если не считать физического дискомфорта, он был даже рад похмелью, которое делает его более чувствительным. Ему понадобится эта чувствительность, когда он будет разговаривать с Солери. У того у самого коэффициент просто феноменальный, где-то 0.95. И чем больше Тэлбот думал об этом, тем сильнее убеждался, что он не меньше 0.95. Прошлым вечером вице-президент продемонстрировал необыкновенную проницательность.

Тэлбот выдвинул вешалку из стенного шкафа и автоматически выбрал легкий консервативный костюм. Солери, наверняка, ждет, что он оденется официально. Плевать ему на мнение Солери, но для него дело чести — точно соответствовать любой ситуации.

Он включил кофемашину и сделал себе чашку крепкого черного кофе. Потом, подумав, набрал еще чашку и выпил залпом обе. Внимательно поглядев на себя в зеркало, Тэлбот остался доволен: просто идеальное во-

площение успешного администратора. Не хватает одного — успеха.

Он сдержал порыв позвонить Лауре. Вряд ли она ответит ему в полвосьмого утра. Да и позже тоже вряд ли. Может, он позвонит ей через недельку, *после* того, как получит работу в «Космических перевозках».

Тэлбот спустился и поймал аэротакси, которое доставило его в дальний конец города. Он сошел и в третий или четвертый раз перечитал инструкции Солери, написанные на карточке. Вход он обнаружил без труда и вошел. В приемной, где, обычно, должен сидеть секретарь, сейчас никого не было. Но это не имело значения, ибо Солери расчистил для него путь.

Он спустился на три лестничных пролета, прошел по коридору, завернул за угол и оказался перед кабинетом Солери. С его везением он бы не удивился, если б обнаружил, что явился слишком рано, но нет, в кабинете явно кто-то был. Поборов беспокойство, он вошел.

Вице-президент улыбнулся и вышел из-за стола, со смехом протянул руку. Смех был одобрителный. Тэлбот явственно ощутил это одобрение.

— Бог ты мой, — воскликнул Солери. — Если б мы были похожи, то были бы близнецами.

Тэлбот внимательно вглядывался в своего нового знакомого, пересматривая и добавляя к своему первоначальному впечатлению о нем. Они были почти одного роста и схожего телосложения. Более того, сейчас на них были одинаковые костюмы и туфли, а галстуки и рубашки если чем и отличались, то потребовался бы специалист, чтобы определить это. Вот это эмпатия! У Солери она, явно, есть.

Но на самом деле они были совсем не похожи. Волосы у Солери черные, а у Тэлбота каштановые, глаза у Солери темные, у Тэлбота серые. Со спины и в шляпах они были неразличимы, но лицом к лицу никто не принял бы одного за другого.

— Впечатляющий трюк, — усмехнулся Солери. — Если вы таким образом пытались убедить меня, что вы хороши, расслабьтесь. Я в этом не сомневаюсь.

— Я не пытаюсь ни в чем вас убедить, — возразил Тэлбот.

Солери бросил на него пронизательный взгляд.

— Пожалуй, нет, — проговорил он. — Это входит, как сказать, в комплект.

Тэлбот заморгал.

— Хотите сказать, это моя эмпатия? Уровень один и четыре или один и пять не *настолько* хорош. У вас у самого показатель, должно быть, ноль девяносто пять.

— А откуда вы знаете? — спросил Солери. — Я вам этого не говорил.

— Но ведь... — начал Тэлбот и смолк. И в самом деле, *откуда?* Одно дело думать, что ты знаешь, и совсем другое всегда оказываться правым. Происходило нечто странное.

Замеры эмпатии начались в отрочестве. До этого тело находилось в состоянии непрерывного изменения. Оно еще строилось, развивалось, исследовало. Не было опыта, на котором можно было бы основывать твердые убеждения.

Юношей он, главным образом, ощущал самого себя. Едва ли он понимал, почему думает или чувствует так или иначе, и у него не было времени вникать в чужие

эмоции. Но когда он повзрослел, и собственные проблемы разрешились, его отзывчивость возросла. Он научился лучше предугадывать и разделять чувства других. Не просто реагировать на них, но ощущать их, как свои собственные.

С возрастом способность отождествлять себя с другими продолжила расти, поначалу быстро, потом помедленнее. Построенная в виде графика функции (возраст по аргументу отзывчивость) кривая напоминала гиперболу, стремящуюся к асимптоте.

Солери улыбнулся.

— Вижу, вы сами это поняли. Мы тоже не считаем вас обычным. Тестирование решит дело.

— Тестирование подождет. Кто это «мы»?

— Я и Рэнди, мой секретарь.

Тэлбот вздохнул про себя. Он не винил парня. Будь у него такой секретарь, он бы тоже не проводил много времени в кабинете. Как Солери и Рэнди, явно, поступают. Наверняка, Солери утверждал бы, что вчерашняя встреча была чисто деловой, как обычно.

— Еще одно, — сказал он. — Как вы узнали, что я буду в том баре?

Солери с комичным смирением покачал головой.

— От вас ничего не ускользнет. Если совсем уж начистоту, именно поэтому вы нам и нужны. Что ж, признаюсь, что мы несколько раз за последние дни заходили к вам домой, но вас не застали. Поэтому пришлось подключить заводскую службу безопасности. Это выходит за пределы их компетенции, но они изучили ваши привычки довольно быстро.

— Мне не нравится, когда за мной шпионят, — запротестовал Тэлбот. — Я даже не знаю, откуда вы вообще про меня узнали.

— Ну, это просто, — отозвался Тэлбот. — Несколько лет назад вы подавали заявление о приеме к нам на работу. Недавно я его просматривал. Я математик — любитель, но очень неплохой. Я решил, что если правильно произвести всевозможные замеры эмпатии, вы можете оказаться даже лучше, чем сами считаете. Через короткие участки кривой, как вы знаете, кубическое или другое уравнение может напоминать гиперболу. Как только придет Рэнди, мы все выясним.

Тэлбот кивнул. Похоже на правду. К тому же, это помогло понять, почему ему так не везет. Люди боятся, что не смогут с ним конкурировать. Эта мысль придавала ему уверенности, и он легко пришел к следующему заключению.

— Но ваши побуждения, отнюдь, не альтруистического порядка, — сказал он. — Мой показатель может быть даже ноль девять, лучше вашего, лучше, чем у всего руководства, но вы же не имеете понятия, есть ли у меня какие знания, какие-нибудь соображения в голове. — Он помолчал, четко формулируя мысль. — Я нужен вам для чего-то другого. У вас какие-то неприятности.

— Нам, возможно, даже не требуется тестирование. Но мы все равно его проведем. Да, у нас неприятности. Не желаете попробовать сказать мне, в чем они заключаются?

Тэлбот не столько думал, сколько входил в соприкосновение с личностью Солери. Он узнал, что атомная энергия огромна, и с ее помощью можно получить лю-

бую температуру. И чем горячее выхлоп, при всех остальных равных факторах, тем быстрее ракета.

— Техническая проблема в обшивке, — сказал он. — Вам требуется что-то, что не расплавится и не разрушится от выхлопа.

— Правильно, — подтвердил Солери. — Ни металл, ни керамика не подойдут при тех температурах, с которыми мы работаем. Мы провели некоторые математические расчеты, которые указывают, что решение *есть*. Металл плюс определенные соотношения энергии могут решить дело. Но технические аспекты мы обсудим потом. Пока достаточно просто сузить его до вопроса проб и ошибок. Остальное будет относительно легко: какой-нибудь миллион экспериментов, и мы будем у цели. Мы наняли лучшие мозги в этой области и, можете быть уверены, не жалею ни времени, ни денег. Только никакого прогресса нет. Совершенный ракетный двигатель должен летать приблизительно со скоростью света, но мы нисколько не приблизились к этому результату.

Тэлбот прислонился к столу.

— Конкуренция? — задумчиво проговорил он.

Солери страдальчески улыбнулся.

— Возможно. Мы крупная компания, но не единственная в этой области. Трудность заключается в том, что нам не удастся определить, что конкретно не так. Если б удалось, служба безопасности нашла бы виновного или виновных и незамедлительно устранила препятствие. А происходит следующее: во время дорогостоящих экспериментов какая-нибудь одна незначительная деталь оказывается неточной или неправиль-

ной, и весь эксперимент летит к чертям. В сложные расчеты закрадывается одна малюсенькая ошибочка, вроде сдвинутой на одну тысячную запятой, и уходит месяц на то, чтобы устранить дефект. Но кто за этим стоит? Кто из начальства или простых работников саботирует нас? Вот что мы пытаемся обнаружить.

— А вам никогда не приходило в голову, что идеальный ракетный двигатель, возможно, иллюзия? Может, его просто невозможно создать.

— У нас есть Фрескура, который говорит иначе. Ракетостроение — труд всей его жизни. Другие эксперты в этой области согласны с ним, хотя не всегда могут уследить за ходом его теоретических объяснений.

— Не стану с ними спорить, — сказал Тэлбот. Он бросил беспокойный взгляд на дверь кабинета. Сквозняком ее чуть приоткрыло. — Теперь понятно, почему вы просили меня прийти пораньше. Чтобы меня никто не видел?

— Совершенно верно, — кивнул Солери. — Я хотел объяснить ситуацию, и чтобы вы ушли до того, как сюда придет утренняя смена. Тестирование мы проведем за пределами завода. Когда вы вернетесь, вас примут на работу в обычном порядке через отдел кадров. Таким образом, очевидной связи со мной не будет. Вы просто получите должность в цехе. Она будет достаточно высокой, чтобы вы могли со всеми познакомиться, но не на самом верху, дабы не препятствовать свободному общению.

— Не уверен, что меня это привлекает, — возразил Тэлбот. — Если я так хорош, как вы считаете, почему должен соглашаться на такую работу?

— Это временно; поймите же. С вашим уровнем эмпатии вы сможете обнаружить источник наших неприятностей, не возбуждая подозрений. А после этого займете достойное вас место. И оклад будет установлен в соответствии с результатами тестирования с самого начала, вне зависимости от вашей должности. Ну, как вам такое предложение?

— Честное, — ответил Тэлбот. — И вполне щедрое. Шпионить за кем-то ему нравилось не больше, чем когда шпионят за ним, но он послушает.

— Рэнди вот-вот подойдет, — сказал Солери. — Дайте-ка мне еще раз взглянуть на вашу трудовую карту.

Тэлбот полез за своим портмоне. Пластиковый футляр, в котором лежала карточка, было не так легко вынуть. Он открыл его и передал портмоне Солери.

Солери с интересом изучал карточку. Он сделал набросок на бумаге, отметив точки ряда тестов и соединив их от руки в кривую. Он так увлекся этим делом, что не заметил, как дверь кабинета приоткрылась на ширину ладони.

Тэлбот бы тоже не заметил, если бы именно в этот момент не повернулся, чтобы лучше разглядеть набросок, и увидел в проеме руку. Рука бросила какой-то маленький предмет на пол и тут же исчезла. Дверь закрылась.

Реакции Тэлбота были хорошими, но недостаточно. Он подтолкнул локоть Солери.

— Что это? — с тревогой спросил он, указывая на предмет.

Он был круглым и темным, трудноразличимым на полу. Солери потребовалась секунда, чтобы увидеть его...роковая секунда.

— Ложись, — закричал он и толкнул Тэлбота за стол.

От этого движения сам Солери потерял равновесие и упал не в ту сторону. Он сделал лихорадочную попытку заползти под прикрытие стола, но только рука, все еще сжимающая портмоне, добралась до спасительного убежища.

Какой-то хаотичный звук эхом прокатился где-то рядом с Тэлботом. Он никогда не слышал ничего подобного. Времени удивиться, откуда он пришел, у него не было, ибо за ним последовал другой, еще громче.

Инстинктивно он закрыл глаза, когда ослепительная стена огня захлестнула помещение. Она сопровождалась мощнейшим тепловым взрывом, который заглушил все звуки. Как будто взяли кусочек внутренней части Солнца — не центра, но где-нибудь между ним и видимой внешней стороной — завернули в какой-то невообразимый изоляционный материал, перенесли в кабинет и сорвали оболочку в долю секунды. В ограниченном пространстве взрыв был даже еще страшнее.

Поначалу стол защищал Тэлбота. В невыносимом жаре краска и картины на стенах сгорели дотла, стулья исчезли, а огнеупорный пол вздулся, покрылся пузырями и начал испаряться. К тому времени, когда стол из толстой стали и термопластика обрушился горкой пепла рядом с Тэлботом, взрывная волна по большей части улеглась, и остался только огонь.

Клубы пара повалили с потолка, когда включилась система противопожарной безопасности. Она плохо ра-

ботала, потому что большая часть ее расплавилась от взрыва. Тем не менее, вода текла и превращалась в пар.

Тэлбот попытался выбраться оттуда, но сильно обгорел. Пар и дым жгли легкие, и секция потолка обвалилась ему на ноги, пригвоздив к полу. Он видел руку — все, что осталось от Солери, — все еще сжимающую портмоне, но потом ему стало нечем дышать, и он уже больше ничего не видел и не чувствовал.

III

Какая-то смутная, стройная фигура неопределенно покачивалась перед ним. Он надеялся, что это медсестра, но видел лишь расплывчатое белое пятно, плывущее к двери.

— Можете войти, мисс Фарелл, — сказала она.

Мисс Фарелл вошла. Тэлботу она была больше известна как Рэнди, и вблизи оказалась еще красивее, чем когда он впервые увидел ее. В глазах у него теперь немного прояснилось.

— Только несколько минут, не больше, — предупредила сестра.

Рэнди присела возле него и легонько дотронулась до лица. Он почувствовал мягкое прикосновение пальцев сквозь повязку.

— Не надо ничего говорить, — произнесла она. — Я скажу все, что нужно, и это не займет много времени.

Он признательно заморгал. Не вполне удовлетворительная форма общения, но ее близость успокаивала его.

— Мы не выяснили, как та термальная капсула попала туда, — продолжала Рэнди. — Однако, ясно, что она была мощной. Несмотря на крайне маленький размер, температура у нее была не меньше полумиллиона градусов. После того, как ты достаточно поправишься, чтобы свободно разговаривать, мы попытаемся восстановить, что произошло.

Он слегка кивнул, и от этого движения боль прокатилась по всему телу.

— Ну и хватит об этом, — сказала Рэнди. — Ты поправишься. Даже шрамов не останется. Тебе повезло, ты это знаешь?

Он знал, как знал и то, что это было не только везение. Солери спас его ценой собственной жизни.

А потом она сказала нечто немыслимое.

— Все, что мы нашли от другого бедняги, это его руку, все еще сжимающую портмоне. Она обгорела, но уцелела. Я отдала ее одному из наших математиков, и он вычертил две кривые, которые, возможно, совпадут. Ты был прав насчет его феноменальных способностей. Какая жалость, что он погиб.

Потрясенный Тэлбот закрыл глаза в безмолвном протесте. Она совершает ошибку, безумную абсолютно непостижимую ошибку. Он попытался сказать ей, но в горле было лишь какое-то бульканье.

— Не хлопай на меня глазами, — шутливо укорила она его. — Это правда. Самый низкий зарегистрированный коэффициент эмпатии ноль восемь, правильно? А у того человека было ноль пять. Математик не уверен, но *полагает*, что, может быть, и ниже.

Она красивым жестом убрала волосы с глаз.

— Пожалуй, мне не стоило никому об этом рассказывать. Невозможно поверить что показатель, который указывает кривая, реальный. В конце концов, человеческая вера не безгранична.

И вновь он попытался сказать ей, что погиб Солери. Солери! Но повязка была слишком тугой, а его слабость — слишком подавляющей.

Но как она могла так ошибиться? Да, у них с Солери были одинаковые костюмы, и покойник сжимал в руке его портмоне. Но женщина, которая была близка с Солери, которая видела его каждый день, наверняка знала бы...

Она наклонилась и легко коснулась губами его глаз.

— Не волнуйся, — сказала она. — Я избавилась от ост-танков...и занесла его в платежную ведомость. В качестве временного назначенца, отчитывающегося только перед тобой. Через шесть месяцев мы устроим так, будто он погиб во время несчастного случая.

Глаза! Она ведь достаточно хорошо знала Солери, чтобы помнить, что глаза у погибшего были карие, а не серые. Женщины никогда не ошибаются в таких вещах. Он отчаянно заморгал, пытаясь привлечь ее внимание к своим глазам.

— Почему через шесть месяцев? — улыбнулась Рэнди, неверно истолковав его усилия. — Да потому что я пек-кусь об интересах компании. В противном случае нам пришлось бы выплачивать полное страховое пособие. А если он будет в платежной ведомости через шесть месяцев, страховой компании придется взять ответственность на себя. Его жалованье за полгода составит гораздо меньшую сумму, чем пособие по случаю смерти. Он

умер, и его уже ничто не вернет, так что мы вполне можем сэкономить деньги.

Схема неплохая, да только он не Солери, он — тот самый «бедняга», которого она считает погибшим. Тэлбот в расстройстве застонал, и этот стон глухим протестом вырвался из его истерзанного и обожженного горла.

Тут же вновь появилась медсестра.

— Это все, мисс Фарелл. Он будет спать спокойнее, зная, что произошло, но, думаю, вы рассказали ему достаточно.

Рэнди наклонилась к нему.

— Все будет хорошо, — прошептала она. — Выздоравливай.

А потом сестра нашла незабинтованный участок у него на правом плече, воткнула иглу, и он больше уже ничего не чувствовал и не слышал.

Так продолжалось последующие несколько дней. Он периодически приходил в себя, потом снова погружался в сон, очень смутно и как-то словно бы издалека воспринимая происходящее. Время от времени он чувствовал себя крепче, но у сестры был наготове шприц, и она всегда использовала его. Они, явно, вознамерились позаботиться о том, чтобы он не напрягался преждевременно.

Наконец, настал день, когда сестры рядом не оказалось. Очевидно, было решено, что он уже готов вновь присоединиться к живым. Тэлбот лежал, не шевелясь, и глядел на свои сложенные руки. Правая рука была забинтована, левая — нет. Он поднес обе руки к лицу. Повязка стала тоньше.

Рано или поздно, сказал он себе, повязки снимут, и что тогда? Тогда правда станет очевидна всем. В незавидное, однако, положение он попал. Он пришел в кабинет Солери в такой ранний час, что его никто не видел. Только Солери мог поручиться за честность его намерений, а Солери мертв. Рэнди сделала только хуже своей глупой попыткой замолчать дело. Он здорово влип и понятия не имеет, что из всего этого получится.

Тэлбот осторожно сел. Он принял решение. Ему надо удрать из больницы. Он понимал, что это глупо, но остановить себя не мог. Свесив ноги с края кровати, с облегчением обнаружил, что может стоять. Пару раз опасно покачнувшись, он все же выпрямился.

На другом краю комнаты был стенной шкаф. Тэлбот, пошатываясь, прошел к нему и распахнул дверцу. Внутри висел больничный халат, но никакой одежды. Опершись о косяк, он поймал свое отражение в зеркале на внутренней стороне дверцы. Лоб покрылся испариной, а глаза мрачно поблескивали на белом фоне. Повязку надо снять.

Было больно, но не так ужасно, как он боялся. Он отыскал край пластыря и отлепил. Повязка снялась вся целиком. Едва поджившая чувствительная кожа горела, соприкасаясь с воздухом. Жгло ужасно, но он почти не замечал боли.

В оцепенении он смотрел на свое отражение.

Теперь стало понятно, что Рэнди не захотела сказать ему, ибо сама этому не верила. Коэффициент эмпатии человека, которого она считала мертвым, был не ноль пять. Он был гораздо ниже.

Он был нулевым.

Как и его личность.

Лицо, глядящее на него из зеркала, не было лицом Хэла Тэлбота. Это был Эван Солери. Эван Солери вплоть до карих глаз и ежика черных волос, которые начали отрастать на его обожженном черепе.

Тэлбот — или Солери — вернулся на кровать. Он лежал очень тихо, напряженно прокручивая в голове сцену в кабинете. Он *думал*, что было два звука, один из них какой-то странный за секунду до термального взрыва. Но первый был вовсе не звук. Теперь он это понял. То была мысленная реакция Солери на приближение смерти. Никто больше не смог бы услышать ее...никто, кроме человека, коэффициент эмпатии которого равен нулю. Кризис выявил его скрытые способности. Он отозвался воссозданием в себе личности за долю секунды до ее исчезновения.

И у него прекрасно получилось, но что же дальше?

Он думал о побеге, но теперь это невозможно. На ближайшее будущее он — *Эван Солери*. Можно было бы попробовать опровергнуть данный факт, но это дело весьма опасное. Могут подумать, что он намеренно изменил себе лицо хирургическим путем, с самого начала задумав занять место Солери.

Кроме того...в общем, ему нравился Солери. Не задумавшись ни на секунду, он отдал свою жизнь за мало-знакомому человеку. Вполне возможно, тот, кто бросил бомбу, намеревался убить Тэлбота, и он кое-что должен этому таинственному убийце.

Черты его ожесточились. В качестве Солери он в лучшем из возможных положений, чтобы выследить врага. Солери был влиятелен, богат и возглавлял науч-

но-исследовательский отдел. Начать лучше всего отсюда, где и заварилась вся эта каша.

Тэлбот-Солери позвонил, вызывая медсестру. Довольно с него бездействия. У него не было определенных планов, но он станет решать проблемы по мере их поступления. Вошла сестра и воззрилась на него в оценении.

— Вам нельзя вставать, — сказала она. — И полным безумием с вашей стороны было снять повязку. Давай-ка я вас снова забинтую.

Он вперил в нее грозный взгляд, и она не стала приближаться.

— Приведите мисс Фарелл, — велел он. — Скажите, что я должен увидеть ее немедленно.

— Доктор дал строгие указания, чтобы вас не беспокоили, — неуверенно возразила сестра. Она побледнела, когда он пригвоздил ее взглядом, ибо в глазах у него был опасный блеск.

— Приведите ее, — потребовал он.

Когда Рэнди вошла в палату, то в первый момент на лице ее отразилось потрясение. Она, похоже, изумилась его скорому выздоровлению.

— Чудо медицины, — сухо заметил он. — Рэнди, я хочу просмотреть личные дела всего отдела. Пожалуйста, принеси их мне сюда.

— Все? — Она удушено взглянула на него. — Ты же только на прошлой неделе просматривал технический персонал.

— Неважно, — ответил он. — У меня появились кое-какие идеи, которые я хочу проверить. — Это, разумеется, было правдой, но, главным образом, он хотел удо-

стовериться, что не проколется на ком-то, кого должен знать в лицо. Естественно, он выкрутится. Всегда можно сказать, что у него провалы в памяти после взрыва. Но подобное заявление может пробудить подозрения, а это ему совсем ни к чему.

— Кроме того, принеси и офисный персонал, — добавил он. Есть один человек, о котором он должен узнать как можно больше. Далеко не все будет в личном деле, но он побеспокоится о неясностях потом.

Рэнди, наверняка, сочла его просьбу глупой, но подчинилась. Вскоре личные дела были доставлены ему на больничной тележке. Вот что значит быть большой «шишкой» в крупной компании. Все под рукой. Даже больница находится на территории завода.

Но имелись также и недостатки. Компания была настолько большой, что изучить предстояло много. Однако надо же с чего-то начать. Рэнди, несомненно, находила некоторые его просьбы странными, но приносила то, что он просил. Пусть не эйдетическая, но память у него была хорошей. Он начал усердно впитывать информацию. Имена, лица, факты и диаграммы прочно отпечатывались у него в голове.

Процесс был длительным, мучительным. Порой он уже и сам не знал, кто же он на самом деле — Тэлбот или Солери? Ему даже пришла мысль, что он, возможно, так навсегда и останется внутри личности, которую вольно или невольно узурпировал.

Не было никаких данных о том, что может с ним произойти. Совсем никаких.

IV

В день выписки кожа у него все еще была тонкой и чувствительной, но ожоги зажили. Он чувствовал слабость, но это неудивительно, учитывая, сколько времени он провел в постели. Отдел худо-бедно справлялся без него, а когда возникали какие-то затруднения, он передавал краткие распоряжения через Рэнди. Она была его буфером. Он не хотел принимать участие в руководстве заводом, пока не получит лучшее представление о том, что там происходит.

Он много узнал, но оставались технические детали, в которых ему наверняка удастся быстрее разобраться на месте. Врач хотел отправить с ним медсестру, но Тэлбот отказался, в конце концов согласившись, чтобы его сопровождала Рэнди. Возможно, он неоправданно рисковал, но был убежден, что сумеет с ней поладить.

Было темно, когда они покинули заводскую больницу и на лифте поднялись на крышу. Он опирался на Рэнди чуть больше, чем требовалось. Это было приятно и волнующе. Тем не менее, он оставался настороже.

Рэнди была не просто секретаршей, о чем поведало ему ее личное дело. Солери так стремился выяснить, кто саботирует проект, что нанял первоклассного психолога и определил ее на такое место, где она могла работать, не вызывая подозрений. Этим психологом и была Рэнди. Ее не так-то легко будет провести, и это, в некотором смысле, было вызовом. Если удастся убедить ее, то и все остальные поверят.

Аэротакси ожидало их. Он очень тесно прижимался к ней, когда она помогала ему забраться внутрь. Тэлбот

был почти уверен, что его эмпатия скажет ему что-нибудь, и она сказала. Глаза девушки потемнели, и ее явно взволновала его близость. Он устроился в такси и закрыл глаза.

Водитель обернулся и спросил:

— Куда едем?

Тэлбот притворился, что не слышал. Водитель повторил вопрос, и Рэнди назвала ему адрес. Сама по себе информация мало что ему поведала, но его восприимчивость заполнила недостающие детали. Она бывала у него на квартире много раз и задерживалась допоздна.

В дороге они почти не разговаривали. Такси с ровным гудением летело над огнями ночного города. Ему сделалось не по себе. Она тоже ощущала в нем некую сдержанность. Он пожалел о своем решении взять ее с собой и вознамерился отправить домой при первой возможности.

Они приземлились на крыше высокого жилого здания. Рэнди заплатила водителю и сказала, что ждать не надо. Все предельно ясно.

— Я нормально себя чувствую, — заверил он ее, когда она помогала ему выйти. — Просто тогда на секунду голова закружилась.

— Знаю, — отозвалась Рэнди, — Но тебе не удастся отделаться от меня. Я собираюсь удостовериться, что с тобой все в порядке.

Апартаменты Солери располагались на двенадцатом этаже. Квартира была просторной, усовершенствованной и обставлена с изысканным вкусом. Тэлбот одобрял вкус Солери — во многих отношениях. Он сел и огляделся.

— Рад, что вернулся? — спросила Рэнди.

Он кивнул.

— Сиди и отдыхай. Я сварганю обед. Что-нибудь особенное?

— Нет, ничего. На твой выбор.

Рэнди коснулась его руки, проходя на кухню. Лучше б она этого не делала. Ему и без того ох как нелегко.

Вскоре она вернулась.

— Через несколько минут поедем чего-нибудь легкого и питательного.

Она прошла к автоответчику и стала проверять звонки, которые поступили в отсутствии Солери. Ему пришлось напомнить себе, что это было отсутствие. Официально Солери не умер.

Тэлбот неотрывно наблюдал за ней. Лучше б ее глаза не были такими восхитительными.

— Что-нибудь важное? — через силу спросил Тэлбот.

— Сообщение от Эндрю Тафта. Я сказала ему, что ты ранен, но не сильно. Он хочет, чтоб ты навестил его на следующей неделе.

Эндрю Тафт — президент «Космических перевозок». Это всем известно. Но в бумагах Тэлбот не нашел никаких подсказок в отношении продолжительности и степени их дружбы. Быть может, Солери знал Тафта с детства. Ему не хотелось подвергать свою «приемную» личность такому суровому испытанию прежде, чем у него будет больше фактов.

— Извинись за меня, — попросил он.

Рэнди вопросительно взглянула на него.

— Ты считаешь, тебе стоит? Элеонор будет там. Она слышала о несчастном случае и летит с Марса.

Ему следовало бы знать, что подобные осложнения неизбежны. Солери был влиятельным и привлекательным мужчиной, и в его жизни были женщины. Просто еще одна неожиданная ловушка, очередной вызов его осмотрительности. Он поморщился.

— Элеонор — милая девушка, но она ничего для меня не значит.

— Вот как? — Губы Рэнди сжались. — Поэтому ты собираешься жениться на ней?

В этот момент он ненавидел Солери, и к черту эмпатию. Ужасно хотелось перестать притворяться, но он прекрасно понимал, что этого делать нельзя, и оставалось полагаться лишь на свою необычайную чувствительность. Поэтому он сказал Рэнди то, что она *желала* услышать.

— Ну, ты же знаешь, как это бывает, — льстиво проговорил Тэлбот. — Я должен построить этот двигатель. Он стоит намного больше, чем мы ожидали. Кому-то надо вести политическую игру в интересах компании.

Она, похоже, несколько смягчилась.

— Можешь мне не рассказывать. Я досконально изучала психологию бизнеса. — Она быстро прошла мимо него. — Обед готов. Тебе надо восстанавливать силы... в интересах компании.

Он предпочел бы молчание, но Рэнди настояла, что будет говорить за обоих. Не обсуждалось ничего важного, но разговор дал ему возможность сломать ее оборону и узнать девушку получше.

После обеда они сидели за выпивкой и разговаривали. Его эмпатия, по большей части, была связана сложной задачей просто копировать Солери. Беседа шла не о

том, о чем ему хотелось бы, но, по крайней мере, удалось увести разговор от Элеонор. Рэнди, судя по всему, была этому только рада. После той первой вспышки обиды она была вполне готова забыть о существовании соперницы.

Рэнди бросила взгляд на часы и заметила:

— Пора в постель.

Момент был неловкий. Тэлбот начал подниматься, избегая ее глаз.

— Пожалуй, — пробормотал он, позволяя ей помочь ему, взволнованный этой близостью.

Больше он ничего не мог сделать. Она была безумно красива и привлекательна, и он желал ее для себя, но девушка отчаянно и безнадежно влюблена в Солери. Нельзя было позволить ей узнать.

— Рэнди, — мягко прошептал он, когда она прильнула к нему. Лаура вдруг показалась нереальной и очень далекой, и лучше бы ему никогда не слышать об Элеонор.

Позже он проснулся и обнаружил, что Рэнди лежит рядом, тихая и напряженная. Она не спала. Не на шутку встревоженный, он гадал, не мог ли чем-то выдать себя.

— Что-то случилось? — спросил он.

— Ничего.

— Ничего? Поэтому ты не спишь?

— Ну, я просто думала, — отозвалась Рэнди. — О том, что увидела, когда вбежала в офис сразу после взрыва. Дым был очень густой, и ты лежал за тем, что осталось от стола. Я даже не сразу поняла, кто из вас умер.

— И как же ты все-таки поняла? — спросил Тэлбот. Я сильно обгорел. Мое лицо —

— У тебя карие глаза, — ответила она. — Карие. В любом случае, я просто знала. Ты *не мог* умереть.

— Постарайся забыть об этом, — сказал он. — Тот кошмар закончился. Я жив.

— Как и Элеонор.

Он вздохнул, вновь пожалев, что не может все рассказать. Но Солери никогда бы не стал закрывать глаза на ту далекую от романтики реальность, которая стояла между ними.

— Ты всегда знала о ней.

— Да. — Она придвинулась поближе к нему. — И я согласна на эти короткие мгновения счастья.

Так-то лучше. Он нежно погладил ее.

— Все в порядке, — успокаивающе сказал он. — Между нами ничего не изменилось.

— Я знаю, дорогой, — промурлыкала она. Ему показалось, он слышал ее смех, прежде чем она уснула.

В конце концов, уснул и он.

V

Следующие несколько дней Тэлбот был занят под завязку. Какие тайные побуждения владели Солери, и как бы он реагировал в той или иной ситуации? Какими в точности были его отношения с людьми, с которыми Тэлботу предстоит встречаться каждый день? К счастью, на автоответчике скопилось масса звонков и сообщений. Он прокручивал их снова и снова. Он подписался на бюро газетно-журнальных вырезок и составил довольно полный отчет о светской жизни Солери.

Имелись и другие полезные источники. Он просматривал записи собраний «Космических перевозок». Он изучал финансовую документацию, дабы пролить дополнительный свет на жизнь, которую узурпировал. Фотографии, письма — даже квартира — добавляли к его растущему знанию.

Почерк трудности не представлял. Он нашел подпись Солери и скопировал ее со второго раза. Скоро ему даже не приходилось стараться, ибо это стало его второй натурой — подделывать подпись Солери на письмах и документах. Манеры тоже давались легко. Особенности походки, быстрая задумчивая улыбка, которая появлялась время от времени, одежда, которую он носил и как носил — все эти отличительные признаки он копировал без особых сознательных усилий. Он был настолько Солери, насколько мог им быть другой человек.

Он отдыхал и восстанавливал силы, старательно оттачивая себя до тех пор, пока не был готов. Рэнди часто звонила, держа его в курсе того, что происходит на заводе, но в квартире больше не появлялась. Он был бы рад ее присутствию, но приехать не просил. Это означало бы подвергать себя опасному, излишнему риску.

Наконец, он вернулся на работу, бодро кивнув секретарю в приемной, когда свернул налево от лестницы. В его личном кабинете не осталось и следа от разрушений. Он был полностью отремонтирован и приобрел свой прежний вид.

Сразу же вошла Рэнди, невозмутимая и прекрасная.

— Я сказала Фрескуре, что ты хотел бы увидеться с ним, — проинформировала она. — Он будет в своей лаборатории до полудня.

Фрескура, известный ученый-изобретатель! На этой встрече ему придется быть крайне осторожным. Он не мог знать, какой технической информацией ученый поделился с Солери.

— Я увижусь с ним, но планировал сделать это попозже, — возразил Тэлбот. — Это была неправда, но он не мог довериться ей целиком.

— Извини, — ответила она с притворным смирением. — Я старалась предвосхитить твои желания.

Тэлбот знал, что она ужасно зла на него из-за Элеонор. Придется ему найти какой-нибудь способ ослабить напряжение. Но в эту минуту перед ним вырисовывались трудности более срочного порядка. Ситуация требовала суровой твердости.

— Хватит этой игры в секретаршу, — прорычал он. — Ты психолог. Твоя работа — выяснить, кто занимается умышленным саботажем на заводе. Что говорит служба безопасности о термальной бомбе?

Она открыто встретила его взгляд.

— Ничего. Любой мог попасть в вестибюль.

— Значит, нам придется взяться с другого конца, — сказал Тэлбот.

Рэнди положила пачку бумаг ему на стол. Он понял, что это документы, не имеющие особой важности.

— Сказать Фрескуре, что ты не придешь? — спросила она.

— Я увижусь с ним, — отрезал он.

Девушка как-то странно посмотрела на него и повернулась, чтобы идти.

— Рэнди.

— Да?

Тэлбот не знал точно, что сказать, но все же решил попробовать достучаться до нее.

— Я по-прежнему хочу разобраться, почему мы не продвигаемся с созданием двигателя. Но теперь это больше, чем просто саботаж. Погиб человек — человек, которого я считал другом, хоть и недостаточно хорошо знал его. Мы должны найти виновного. Это первостепенно. Ты понимаешь?

Ее чудные карие глаза смотрели твердо. Секунду спустя она отвернулась.

— Понимаю.

— Имей это в виду, — бросил он ей вслед и поднялся, чтобы идти повидаться с Фрескурой.

Фред Фрескура оказался крупным мужчиной с большим количеством растительности на лице, чем на голове. Он был почти лыс, но брови и усы густые и черные. Его окружала аура сосредоточенности и детской радости от своей работы. Ни одно из этих впечатлений, решил Тэлбот, не являлось точным.

Изобретатель смял листок с расчетами, когда Тэлбот вошел, и встал из-за стола.

— Рад тебя видеть, — проворчал он. — Мы уж испугались, что ты сгорел заживо в том аду.

— Да, это было похоже на ад, — отозвался Тэлбот. — Но я уцелел.

— Вижу, — сказал Фрескура. — Я хотел зайти к тебе в больницу, но Рэнди меня не пустила. Она три дня дежурила в коридоре перед твоей палатой.

— Она прекрасно заботится обо мне, — признал Тэлбот. Он взглянул на стол и внезапно побледнел.

Фрескура успокаивающе засмеялся.

— Не бойся. Эти капсулы безвредны, или *меня* бы здесь не было. — Он взял несколько маленьких черных цилиндриков в руку и небрежно побренчал ими. — Я просто пытался воспроизвести картину. Какого размера была термальная капсула, которую ты видел?

Тэлбот с опаской потрогал цилиндры. Они были черные, матовые и загадочно непроницаемые.

— Думаю, такого, — сказал он. — Или такого.

Фрескура отложил пять капсул, а две оставшиеся покатал в руке.

— Боюсь, это мало что дает, — наконец, отозвался он. — Видишь ли, зависит от того, какой толщины была оболочка, а об этом мы можем только догадываться. Скажем, температура была более ста тысяч градусов.

Температура не интересовала Тэлбота. Какая ему разница, сколько градусов его чуть не зажарили живьем.

— Почему мы не используем такой материал как в этих капсулах? — спросил он. — Из него должна получиться хорошая обшивка.

Брови Фрескуры, казалось, сделались еще кустистее.

— Ты всерьез предлагаешь мне начать мои эксперименты с начала? Четыре года назад я сказал тебе, что мы не можем это использовать, а ты сейчас ведешь себя так, будто это что-то новое.

Тэлбот понял, что попал впросак, и пожалел, что не уделил больше времени техническим аспектам. Он старался вникать во все, но неудачи были не так тщательно задокументированы, как победы.

— Это всего лишь мысль, — возразил он в надежде, что его слова сойдут за обычное упрямство. — Может, мы что-то проглядели.

— А может *ничего*, — прорычал Фрескура. — Самая тонкая оболочка, которую мы можем сделать, продержится при ста тысячах градусов десять минут. Если мы сделаем ее в два дюйма толщиной, она продержится двадцать пять минут четырнадцать секунд. Построенное из этого материала судно, от которого нам был бы какой-то прок, составит четверть мили в диаметре в самой широкой своей секции. Это практично?

— Может, стоило бы поработать над этим еще, — гнул свое Тэлбот, — вдруг появятся какие-то новые идеи. — Слава богу, он не совершил серьезной оплошности — и кое-что узнал, хотя следовало бы узнать это раньше. Термальные бомбы изготавливают на заводе. Он вскинул глаза. — А когда техники пришли в то утро?

— Я это проверил, — сообщил Фрескура, — как и служба безопасности. По меньшей мере, пятьдесят человек попросили прийти раньше начала их смены. Несколько пришли по собственному почину. Но никто из них не приближался к твоему кабинету.

Это озадачивало, но позволяло сделать важный вывод: Солери проработал здесь не один год, и ни разу никто не покушался на его жизнь, *пока он не привел его, Тэлбота*. Солери ясно дал понять, что Рэнди знала. Но кто еще?

С кем еще, кроме Рэнди, говорил Солери? Спросить он не мог, но это было жизненно важно. Кто бы это ни был, он старательно изготовил бомбу в лаборатории, рассчитав время по толщине оболочки. Этот кто-то су-

нул капсулу в карман и пошел к кабинету Солери. Когда оставалось каких-то несколько секунд, он вкатил ее через дверь, дав себе достаточно времени, чтобы убежать. Но кто это был? Тэлбот представления не имел.

Он еще пару минут обсуждал термальную бомбу, потом переключился на успехи в создании двигателя. Он слушал Фрескуру, который явно сел на своего любимого конька. Скоро, если только не удастся отвертеться от приглашения, ему придется отвечать на куда более конкретные вопросы Тафта.

Продолжая обсуждать высокие температуры и звездную ядерную химию, они пришли в главный экспериментальный цех. Это дало Тэлботу возможность встретиться с людьми, с которыми, как предполагалось, он работал несколько лет. По фотографии и статистическим данным, даже очень подробным и логически изложенным, трудно судить о самом человеке. Он проделал похвальную работу, имитируя Солери в разговоре с ними. Он прошел долгий путь к слиянию с личностью покойного, но всегда существует непредсказуемый риск сказать или сделать что-нибудь не то.

Фрескура выжидающе остановился возле ограждения большой строительной площадки.

— Это последнее, — сказал он приглушенным голосом.

Тэлбот критически взглянул на работу. Он все еще пребывал в неведении относительно ее технических подробностей.

— Этот тот проект, над которым мы работали до несчастного случая? — спросил он.

— Не совсем, — ответил Фрескура. — О теории я уже раньше упоминал, но практическое применение новое.

Тэлбот испытал облегчение. Значит, не предполагается, что он много знает об этом.

— Расскажи мне еще раз, — попросил он. — С тех пор много чего произошло.

Фрескура как-то странно взглянул на него, и Тэлбот пожалел о своей просьбе.

— Странно, что ты не помнишь, — сказал ученый. — Ну, что ж, это выходит за рамки основного направления наших экспериментов, но я подумал, что мы могли бы добиться некоторых конструктивных результатов. Мы сделали турбину из несходных металлов послойно, наложив их один на другой. Когда турбина разогревается, мы получаем эффект термопара. Образуется электрический заряд. Заряд с внутренней стороны турбины отталкивает молекулы выхлопных газов так, что они не соприкасаются с внутренней поверхностью. Это сокращает как нагревание, так и эрозию.

Тэлбот потер голову.

— Да, я вспомнил. Установка готова к работе?

— Готова, — угрюмо буркнул Фрескура. — Но не стой там, если не хочешь еще одного несчастного случая.

Тэлбот поспешно отошел в сторону. Он продвигался вслепую, допуская промах за промахом. Человек — это гораздо больше чем внешность и личностные характеристики. В его конкретном случае не хватало знаний, не теоретической информации, но глубоких, основательных деталей, которые можно было узнать, только работая бок о бок с человеком, за которого он себя выдавал.

Пока ничего серьезного не произошло, но ему следует быть осмотрительнее.

Фрескура повернул переключатель, и внутри сооружения послышался гул. Крошечное, еле заметное пламя вырвалось в шаге от того места, где стоял Тэлбот. Гул возрос до пронзительного свиста и быстро ушел за пределы слышимости. Пламя исчезло, но Тэлбот по-прежнему ощущал жар.

Фрескура взял гаечный ключ и бросил его в струю выхлопов. Инструмент исчез, и огромный изогнутый останов в сотне футах внезапно покрылся тонким слоем расплавленного металла. Фрескура ухмыльнулся.

— Это надо видеть, — сказал он и посмотрел в окуляр на конструкции, что-то отрегулировал и, удовлетворенный, повернулся к Тэлботу.

— Взгляни.

Тэлбот прильнул к окуляру. Глаза его постепенно привыкали к интенсивному свету, который проходил сквозь толстые фильтры. Он увидел внутреннюю часть ракетного двигателя. Действительно, выхлопные газы не касались стенок двигателя, ибо вдоль них шла статическая прослойка в дюйм толщиной, сквозь которую, казалось, ничто не проникало.

Когда он попытался получше разглядеть, что происходит, конструкция вновь завибрировала, сотрясая основание. Но металл выдержал. Пронзительный свист снизился до гула, а потом звук совсем исчез.

Тэлбот заморгал и выпрямился. Фрескура бегло записывал показания с приборов на модели. Он сделал несколько быстрых подсчетов.

— Испытание соответствует скорости ракеты тридцать тысяч миль в секунду, — сообщил он.

Это было далеко от того, к чему они стремились, но в пятнадцать раз лучше прежних достижений.

— Не плохо, — осторожно заметил Тэлбот. — Одна шестая скорости света. Двадцать пять лет до ближайшей звезды.

Фрескура надулся.

— Бери все тридцать, — проворчал он. — Им придется набирать и снижать скорость. Тридцать до звезды и тридцать обратно. Шестьдесят лет на путешествие туда и обратно, не считая времени на исследования.

— Понимаю, — отозвался Тэлбот. — Но если взять молодой экипаж — парней лет двадцати двух, двадцати трех — то вполне возможно отправить корабль к ближайшей звезде и рассчитывать на его возвращение.

— Им будет по восемьдесят, когда они вернутся, — возразил Фрескура. — Никого из их друзей уже не будет в живых.

— Наверняка найдутся такие, кто согласится — если вознаграждение будет достаточно высоким.

— Без сомнения, — сказал Фрескура. — Но есть одна деталь, которая препятствует этому — построить ракетный двигатель, который протянет дольше, чем несколько секунд.

— Ты уже достиг многого, — возразил Тэлбот.

— Это? — Фред Фрескура рассмеялся. — Что толку-то? Ты же видел, что произошло.

— Видел. Ты отключил двигатель.

Фрескура бросил на него недовольный взгляд.

— Это автоматика отключила подачу топлива. Ну как ты не понимаешь? Внутренний заряд отталкивает вещество, но *не может остановить излучение*. Излучение нагревает двигатель. Когда он нагревается выше определенной температуры, заряд термопары снижается, усиливая передачу тепла на двигатель. Как только заряд исчезает, двигатель тут же разваливается.

Тэлбот нахмурился.

— И нет никакого способа обойти это?

— По крайней мере, я такого не знаю. Разумеется, я буду пытаться. Еще сотня миллионов долларов, и мы сможем кое-что подтянуть и усовершенствовать, хотя это весьма далеко от того, к чему мы стремимся.

Тэлбот в восхищении покачал головой. Фрескура с такой легкостью бросается огромными суммами.

— Не сдавайся, — сказал он. — Мы должны справиться с этой задачей, иначе нам конец.

— Победа будет за нами, — оптимистично провозгласил Фрескура.

К сожалению, у Тэлбота такой уверенности не было.

— Экономь, где возможно, — предостерег он.

— В исследованиях нет такого понятия как экономия, — заявил Фрескура.

— Лучше бы было. Наши финансы на исходе. Финансовый отдел начинает задавать вопросы. Скоро нам придется предстать перед советом директоров.

— Догадываюсь. Несчастный случай обошелся в кругленькую сумму. — Фрескура прислонился к своему детищу, с бессознательной нежностью поглаживая его. — Если понадобится моя помощь, дай знать. Я добавлю свой вес к твоему.

— Непременно, — заверил его Тэлбот и зашагал прочь.

Беда с Фрескурой в том, что он ученый-теоретик, совершенно безразличный к цене. Проходя по заводу, он видел бесчисленные примеры бессмысленных трат. Было чересчур много дублирования, и штат непомерно раздут. Но хотя он, без сомнения, мог сократить траты при помощи эффективного управления, главная проблема заключалась не в этом.

Он должен обнаружить и разоблачить человека, который не остановился перед хладнокровным убийством. Это не мог быть Солери, иначе тот не стал бы привлекать Тэлбота себе в помощь. К тому же, не мог же он сам себя убить. И не Рэнди. Неприятности начались задолго до того, как ее наняли.

И не Фрескура, потому что он не только инициировал проект, но и проталкивал его со всем имеющимся у него влиянием.

С Тафтом пока было неясно, но он — президент компании, и как-то не верилось, что такой человек стал бы устраивать преступный сговор против своих же интересов.

Тем не менее, Тэлбот принял решение. Его крайняя восприимчивость — самое ценное оружие. Он намерен узнать, как далеко она может завести его. Закончив обход завода, он вернулся к себе в кабинет.

Он вызвал Рэнди и тут же поднял проблему Тафта.

— Я до сих пор не ответил на его приглашение, — сказал он ей.

Взгляд ее омрачился.

— Знаю. Я уведомяю руководителей отдела; что тебя не будет на заводе несколько дней — начиная со среды.

— Я буду здесь, — заявил он. — Хочу, чтоб ты придумала причину, почему я не смогу прийти. Только убедительную. Я доверяю твоему знанию светских тонкостей.

— Ты не можешь не пойти, — возразила Рэнди. — Видел последний отчет финансового отдела?

— Видел. Очень скоро нам понадобятся новые денежные вливания.

— Нельзя отказываться от приглашения президента, когда тебе может понадобиться его помощь.

— Приходится, когда на карту поставлены более важные проблемы. Должен же я откуда-то начать. Почему бы не с самого верха?

— Это опасно, — предостерегла она.

— Я об этом не думаю.

— А следовало бы. Если только...у тебя есть подушка?

— В некотором роде, — ответил он. Кто-то жаждет провала этого проекта, причем настолько сильно, что готов убить любого, кто встанет у него на пути. Прекрасно, пусть проект приблизится к провалу, и если будет совершена попытка вмешаться —

— Ты босс, тебе виднее, — пожала плечами Рэнди. — Надеюсь, это сработает.

— Сработает.

До конца дня он с головой ушел в работу. Факты и цифры впитывались его мозгом и выходили оттуда сносным копированием того, что знал Солери.

Он закончил поздно. Большинство кабинетных работников уже разошлись по домам. Несколько техников

трудились в мастерской. До предела измотанный, Тэлбот взял аэротакси и двадцатью секундами спустя уже открывал двери своей квартиры. Ему показалось, в доме кто-то есть. Впрочем, наверняка у Солери время от времени бывают гости. Бояться нечего. Он вошел

Ему навстречу вышла Рэнди.

— Привет, дорогой, — промурлыкала она.

VI

Фрескура торопливо поднялся, когда услышал знакомый голос Тафта в кабинете Рэнди.

— Я пойду, — сказал он, складывая лист бумаги, который Тэлбот только что подписал.

— Будь поблизости, — посоветовал Тэлбот. — Уверен, он захочет увидаться с тобой. — Он не думал, что Тафт придет так скоро, но его это вполне устраивало. И в равной степени был признателен за присутствие Фрескуры, ибо не сомневался, что это спровоцирует интересные реакции. Но его постигло разочарование.

Фрескура подергал себя за ус.

— Я зашел, чтобы кое о чем попросить Рэнди. Пойду поговорю с ней. Если Тафт захочет меня видеть, пусть приходит в лабораторию.

— Дело твое, — отозвался Тэлбот.

Фрескура удалился. Тэлбот услышал, как тот коротко переговорил с Тафтом в кабинете Рэнди, прежде чем Тафт вошел.

Эндрю Тафт в жизни сильно отличался от того художавого седовласого джентльмена, который был так хорошо знаком публике по новостным передачам. Он был

высокий, да, но гораздо более грузный, чем казался на экране. Выдающиеся личности имеют определенные прерогативы, и телевизионщики строго следят за тем, чтобы освещение обходилось с ними добрее.

— Сожалею насчет вечеринки, — сказал Тафт, входя.
— Я прилетел попытаться убедить тебя передумать.

Тэлбот пожал президенту руку, воспользовавшись самым осторожным подходом Солери.

— Ты же знаешь, как бывает, — ответил он, вроде как извиняясь, — накопилось столько дел, пока я валялся в больнице. Теперь вот приходится разгребать.

— Я беспокоился о тебе, — сказал Тафт. — И Элеонор тоже. — Он быстро вскинул глаза. — Твой упорный отказ от светских приглашений не имеет отношения к ней, не так ли?

— Нет, — заверил его Тэлбот. — Просто Южная Африка хоть и чудное место, но довольно далеко, а я тут и в самом деле зашиваюсь.

— Чепуха. Ты можешь долететь туда за несколько часов, — возразил Тафт.

— Восемь, — напомнил ему Тэлбот. — Транспортная служба в той части земного шара оставляет желать лучшего.

— Ты мог бы сократить время вдвое, если бы заказал прямой чартерный рейс, — заметил Тафт. — Полагаю, перелет утомил бы тебя, но переутомление на работе тоже крайне неблагоприятно сказывается на здоровье. Ты должен позвонить Элеонор. Ты же знаешь, она первая звонить не станет.

Тэлбот рискнул пойти на решительный шаг.

— Я позвоню ей прямо сейчас, — предложил он.

— Нет, подожди, пока я уйду, — поспешно выпалил Тафт. — Не хочу, чтобы она знала, что я приходил увидеться с тобой.

— Значит, сегодня вечером, — предложил Тэлбот.

— Да, так будет лучше, — согласился Эндрю Тафт. Он поболтал о том о сем. Тэлбот понял, что отношения Солери с семьей Элеонор, хотя и сердечные, в сущности, были довольно поверхностными, за исключением, возможно, самой Элеонор. Ему надо быть осторожным, чтобы нигде не споткнуться.

— Что за всем этим стоит? — спросил, наконец, Тафт. — Я же знаю тебя. Ты работаешь как вол, но умеешь и расслабляться. Ты не из тех, кто отвергает приглашение только потому что занят.

Он судил об этом человеке правильно. Тафт проницателен и всегда готов защищать свои интересы, будь то дочь или компания.

— Буду откровенен, — с тяжелым вздохом сказал Тэлбот. — Боюсь, мы не построим совершенный ракетный двигатель...или хотя бы что-то близкое к этому.

— В своем последнем докладе ты говорил совсем другое.

— Официальный оптимизм.

— У Фрескуры иная позиция. Я говорил с ним в кабинете Рэнди, и он полон энтузиазма.

— Фрескура будет отстаивать свою работу до последнего цента из денег акционеров.

— Не забывай, что часть этих денег принадлежит ему. У него тоже есть доля в компании. В сущности, его вклады превышают твои.

— Знаю. Но мы истратили сумму в шесть раз больше, чем изначально рассчитывали, а конца еще даже не видно. Я пока еще ничего не решил, но в последнее время меня терзают сомнения. Не лучше ли нам совсем отказаться от этого направления исследований? Возможно, это самый разумный путь.

Тафт в ужасе воззрился на него.

— Ты, должно быть, рехнулся. А что нам тогда делать с этим заводом? Закрыть?

— Вовсе необязательно. Мы можем сдать в аренду исследовательское оборудование другим компаниям. Можем запустить какие-нибудь краткосрочные проекты, которые *будут* окупаться.

Тафт поднялся и нервно зашагал туда-сюда.

— Значит, ты за то, чтобы отказаться от создания совершенного ракетного двигателя?

— Я этого не говорил. Просто сказал, что думал об этом. Конечно, альтернативой было бы сократить масштаб наших работ. Урезать его до нескольких человек — что-нибудь, что мы можем себе позволить.

— Не знаю, — в смятении пробормотал Тафт. — Фрескуре это не понравится.

— Это еще один вопрос, который я хотел с тобой обсудить, — сказал Тэлбот. — Фрескура — большой ученый, слишком блестящий ум, чтобы растрачивать его на проект, не имеющий шанса на успех. Мы должны поручить ему что-то, более достойное его таланта.

Тафт сел.

— По сути, ты говоришь, что там следует забыть о полете к звездам.

— Не совсем так. Я думаю, эту идею стоит рассмотреть в надлежащем аспекте. Дальнейшие разработки, возможно, позволят нам возродить ее. — Тэлбот был несколько озадачен. Реакция Тафта удивила его, а впрочем, он не мог точно сказать, чего ожидал.

— Ты что, не понимаешь, что это значит? — спросил Тафт, при этом лицо его засияло. — Если мы создадим двигатель в наших цехах, он будет *нашим*. Мы не станем выдавать на него лицензию другим. Все межзвездные перевозки будут осуществляться на наших кораблях. Только на наших. *Монополия*.

— Монополия — это хорошо, — отозвался Тэлбот. — Банкротство — нет. А нам его не избежать, если мы не урежем расходы.

— До банкротства «Космическим перевозкам» еще довольно далеко, — резко возразил Тафт.

Тэлбот был потрясен, услышав это завуалированное признание. Судя по имеющимся у него сведениям финансовое состояние компании неплохое. Однако, Тафту с его колокольни виднее. Если он говорит, пусть даже в частной беседе, что крах, может, не так скоро, но все же неизбежен, логично предположить, что он испытывает серьезные сомнения в отношении стабильности корпорации.

Поразительный факт открылся во всей своей голой неприглядности. Крупнейшая компания в солнечной системе, отнюдь, не так надежна. И именно безрассудные траты, которые направлял Солери, привели их на грань разорения. По крайней мере, он обнаружил один мотив. Кто-то, зная правду, вознамерился сокрушить «Космические перевозки».

Но не успел он собраться с мыслями, как их неожиданно прервали. Дверь открылась, и вошел Фрескура, мрачный как туча.

— Поскольку это собрание акционеров, я подумал, что составлю кворум, — сказал он.

Об этом Тэлбот знал. Тафт являлся крупнейшим частным акционером, имея что-то около пятидесяти процентов всех акций компании. Фрескура держал меньший процент, хотя несколько больше, чем Солери. Вместе эти трое представляли фактическое рабочее большинство. Именно их объединенные голоса и поддерживали проект с самого начала.

— Я не собирался подслушивать, — проворчал Фрескура. — Просто Рэнди нажала не ту кнопку, и я услышал часть разговора. Он меня встревожил, поэтому я вошел.

— Мы обсуждаем политику, — примирительно сказал Тафт. — Ничего еще не решено, ты же понимаешь.

— Понимаю, — ответил Фрескура жестким тоном. — А еще я понимаю, что этот человек опасен. Он не Солери.

Уверенность, которую Тэлбот мало помалу начал обретать, в один миг рухнула. Он сидел, не шевелясь, чувствуя, как железные тиски страха сжимают сердце.

Тафт перевел взгляд с Тэлбота на Фрескуру.

— Ты, должно быть, шутишь? Я в состоянии узнать своего вице-президента и жениха моей дочери.

— В обычных обстоятельствах да, но этот человек — умный самозванец, — заявил Фрескура. — Он хочет заморозить проект. *Настоящего* Солери эта мысль привела бы в ужас.

— Не думаю, что это так важно. Каждый может изменить свое мнение. Это не доказательство.

— Доказательство сейчас будет, — заверил Фрескура. Он казался очень уверенным в себе. — Я начал подозревать его, когда он стал задавать вопросы, которые Солери не было нужды спрашивать.

— И все равно это не доказательство. — Но Тафт заколебался. Он повернулся и неуверенно воззрился на Тэлбота.

— Ты же не ждешь, что я буду защищаться от подобного обвинения, — сказал он и, тут же поняв, что это прозвучало неубедительно, постарался исправить. — Пожар в моем офисе был не пустяковый. Правда, что я могу страдать от легкой потери памяти. Виной тому разрыв нескольких мелких сосудов головного мозга. Но это не означает, что я соображаю хуже, чем раньше.

Возможность побега исключается. По приказу Фрескуры служба безопасности перекроет все выходы в здании. А потом его обвинят в саботаже и убийстве.

Придется высидеть до конца. Если его разоблачат, единственный шанс — заявить, что какое-то время он действительно считал себя Солери. Его подвергнут психическому обследованию, но тесты на проверку памяти неточны, и у него будет неплохой шанс заставить их поверить, что он говорит правду.

— Никто не сомневается в твоих умственных способностях, — сказал Тафт. — Но есть некоторое сомнения относительно того, кто ты. Ты Эван Солери?

— Что я могу на это ответить? — отозвался Тэлбот. — А ты Эндрю Тафт?

— Это не оправдание, — заявил Фрескура со спокойной уверенностью. — Не составит труда установить твою личность. — Он резко повернулся. — Входи, Рэнди.

Дверь открылась, и в кабинет вошла Рэнди. Тэлбот был уверен, что она слушала весь разговор. Он никогда не сомневался в ее преданности, но если Фрескура убедил ее, что он преданности недостоин —

Фрескура забрал у нее папку. Тэлбот понимал, что сейчас будет, но странным образом испытал облегчение. По крайней мере, Рэнди ни при чем.

— Можешь идти, — резко бросил ей Фрескура. Тэлбот знал, что девушка продолжит подслушивать за дверью и порадовался, что не увидит ее лица.

— Его правая рука сильно обгорела, — между тем говорил Фрескура. — На нее пересадили новую кожу. С ее помощью мы ничего не можем доказать.

— Отпечатки пальцев? — догадался Тафт. — Старый метод идентификации, но я часто задавался вопросом, почему он приобрел дурную славу.

— Из-за распространения пересадок кожи, — пояснил Фрескура. — Но для определенных целей это по-прежнему самый точный метод. — Он улыбнулся. — В истории болезни говорится, что левая рука не пострадала. На ней пересадки не было. Отпечатки на этой руке покажут нам, кто он есть на самом деле.

Он потряс папкой перед Тэлботом.

— Этот человек подписал разрешение незадолго до твоего прихода. Когда я услышал, что он тебе сказал, мои подозрения подтвердились. Я послал Рэнди в

службу безопасности за сравнительными отпечатками. Здесь результаты.

Фрескура открыл папку и посмотрел на три отпечатанных страницы, лежащие в ней. Вдруг он застыл как соляной столб и в оцепенении уставился на бумаги, пока те, в конце концов, не выскользнули из его ослабевших пальцев и, порхая, полетели на пол. Лицо его сделалось мертвенно-бледным, и он обессилено опустился на стул.

— Ну, что там? — в нетерпении спросил Тафт. — Бог мой, что вообще тут происходит? — Он подобрал листки и молча прочел их, затем передал Тэлботу. — Прости, — пробормотал он. — Я искренне сожалею. Мне не следовало сомневаться в тебе. Ни на один миг.

У Тэлбота перед глазами поплыло, когда он прочел объяснительное примечание от службы безопасности: «Сравнение отпечатков с теми, которые находятся в нашем досье, показывает, что это разрешение подписал Эван Солери. Отпечатки левой руки полностью совпадают. Отпечатки пальцев правой руки указывают на пересадку кожи, поэтому идентификация по ним невозможна».

Эмпатия спасла его. Она свела различия между двумя личностями на нет. Она сделала его не только похожим как две капли воды на человека, которого он замещал. Он теперь Солери вплоть до отпечатков пальцев. Перемена произошла не сразу; возможно, потребовалась неделя, чтобы достичь совершенства. И вот теперь он целиком и полностью Солери. Оставалось лишь надеяться, что это временно, что он заперт в чужом теле не навсегда.

— Есть и другие тесты, — сказал он Фрескуре. — Я пройду их все, включая коэффициент эмпатии.

Фрескура вяло шевельнулся.

— Он будет ноль девяносто пять, — пробормотал ученый.

— Не подначивай его, — резко проговорил Тафт. — Он совершил ошибку, это правда. Несправедливо обвинил тебя. Но тебе не стоит забывать, что ты критиковал проект, которому он посвятил свою жизнь. Он подавлен, поэтому его вполне можно понять.

Глаза Фрескуры блуждали по потолку.

— Я не мог позволить тебе остановить меня, — прошептал он.

Тафт ободряюще сжал его плечо.

— Ничто нас не остановит. Мы полетим к звездам, чего бы это ни стоило. Однако, ты переутомился. Я пришлю к тебе врача. Он лучший, хоть и строг в некоторых вещах. Он приведет тебя снова в норму.

Тафт повернулся к Тэлботу.

— Что касается тебя, мне не нравятся провалы в памяти, даже в мелочах. Хочу, чтоб ты пообещал мне, что встретишься с моим доктором после того, как он закончит с Фрескурой.

— Буду рад, — ответил Тэлбот без враждебности. — Я и сам гадал, что делать.

Тафт опять обратился к Фрескуре. Каким-то чудом тот уже овладел собой и был бодр и полон сил. Тафт окинул его одобрительным взглядом.

— Так-то лучше. Отправляйся домой и отдохни. Сегодня больше не работай.

— Ты прав, — согласился Фрескура. — Так я и сделаю. Только загляну в лабораторию и скажу ребятам, что меня пару дней не будет.

— Эван скажет им. Мы вызовем такси и отправим тебя. Ни о чем не беспокойся. Проект будет продолжен.

Они подождали, пока Фрескура улетел в аэротакси. Тафт поднялся и озадаченно покачал головой.

— Ну, я тоже пойду. Не забудь про вечерний звонок.

— Не забуду. Я непременно позвоню ей.

— Хорошо. — Тафт вытер лоб. — Вот так заварушка. У нас тут разное случается время от времени, но такого я еще не видел. — Все еще качая головой, он удалился.

Тэлбот откинулся на спинку стула и в изнеможении закрыл глаза. Он одержал победу, причем не пустячную, и это давало ему ощущение собственной прочности. Он Солери, и будет Солери, и никто никогда не обнаружит разницы.

Но вот с остальным какая-то ерунда получается. И Тафт, и Фрескура теперь вне подозрений. У него ничего нет, чтоб двигаться дальше — совсем ничего. Придется ему пересмотреть это дело с самого начала. Где-то на заводе был и остается преступный заговорщик, который не хочет, чтобы «Космические перевозки» создали идеальный ракетный двигатель. Один раз он уже убил, и не остановится перед новым убийством.

Но почему? Почему? Если бы он сумел понять, что движет этим человеком, то выследил бы его без особого труда. Почему-то кажется, что это выходит далеко за рамки обычной коммерческой борьбы.

Тэлбот услышал рядом с собой какой-то звук и открыл глаза. У стола стояла Рэнди.

— Спишь? — с улыбкой спросила она.

— Нет, просто думаю, — ответил он.

Она наклонилась к нему.

— Тогда подумай вот о чем. Я хочу уйти пораньше.

Он озадаченно воззрился на нее.

— Но работа... — начал было он.

— Работы нет, — заверила она его. — Я бы знала.

До него дошло, что Рэнди хочет, чтобы он понял: она подслушала большую часть разговора. Вероятно, заглянула в записку от службы безопасности. Тэлбот подумал о звонке, который ему предстоит сделать. У него не было ни малейшего желания позволить ей подслушать и его тоже.

— Ладно, — сказал он. — Полагаю, ты уже поняла, что я не могу играть в строгого начальника, когда ты так смотришь на меня.

Она улыбнулась ему, повернулась и ушла.

Тэлбот до самого вечера сидел в кабинете и напряженно размышлял. Домой он отправился поздно — и один.

VII

В плохо освещенном углу квартиры Тэлбот потрогал фотографию Элеонор. Вкус Солери в женщинах был весьма схож с его. Издалека Элеонор можно было бы принять за Лауру. Элеонор была, возможно, чуточку красивее, беззаботнее и капризнее, и более привычна поступать по-своему.

У него не было желания звонить ей. Он и без того, словно муха в паутине, увяз в своих отношениях с Рэн-

ди, в трехсторонней борьбе между ним, Тафтом и Фрескурой, не говоря уж о неизвестном обструкционисте на заводе и совершенном ракетном двигателе, который никогда не будет построен.

Он положил снимок лицом вниз на свой стол и прошел к экрану видеотелефона. Но позвонил не Элеонор Тафт в Южную Африку, а Рэнди.

Она ответила в очаровательном состоянии дезабилье.

— Ты всегда подходишь к экрану в таком виде? — спросил Тэлбот.

— Я знала, что это ты, — ответила девушка. — Меня только удивляет, что ты не позвонил раньше.

— Набрось на себя что-нибудь, — попросил он.

— Разве тебе не нравится? Или ты хочешь, чтоб я приехала?

— Мне нравится, — заверил он ее, — но не приезжай. Пока. Мне нужна кое-какая информация. А именно, что ты делала сегодня днем?

Она скорчила гримасу.

— Это было ужасно. Правда, было такое чувство, будто я перенеслась на пару веков назад, в какую-то психбольницу. Никогда бы не поверила, что буду подслушивать совещание на высшем уровне между тремя главными «шишками» крупнейшей корпорации в солнечной системе.

— Все мы люди, — угрюмо пробормотал Тэлбот. — По крайней мере, надеюсь на это. Я имел в виду следующее: что ты делала, когда Фрескура вышел из моего кабинета, а Тафт вошел?

— Хочешь детальный отчет?

— Да, максимально подробный. В точности как все было.

— Ну, Фрескура вышел и с минуту поговорил с Тафтом. Потом Тафт пошел к тебе, а Фрескуре потребовалась информация из другого отдела. Он послал меня за ней. Когда я вернулась, он вручил мне папку и велел отнести ее в службу безопасности. Сказал дожидаться результатов и принести их как можно быстрее.

— И все?

— И все.

— Хорошо, — отозвался Тэлбот. — Набрось на себя что-нибудь и приезжай.

— Рада, что ты передумал.

— Я тоже. Но когда ты приедешь, меня дома не будет. Я, возможно, вернусь довольно поздно. Делай, что хочешь, только не уходи до моего возвращения. Обещаешь?

— А какой у меня выбор? Я подожду.

Он выключил экран и потянулся за пиджаком. С методической настойчивостью рылся в вещах Солери, пока не нашел пистолет. Он так и знал, что найдет. Быстро проверил его и убедился, что тот в рабочем состоянии, потом, удовлетворенный, сунул пистолет в карман и вызвал такси. Надо было спешить.

Тэлбот увидел с воздуха, что весь завод погружен во тьму, за исключением света в одном из кабинетов. Даже на расстоянии ему показалось, он знает, чей это офис. Такси приземлилось, он вышел. У входа в контору был охранник. Тэлбот быстро и подробно расспросил его.

Завод был закрыт на ночь. Все остальные входы надежно заперты и останутся закрытыми до утра. Охран-

ник не видел, чтобы кто-то выходил или входил в здание. Он не знал, есть кто в кабинете или нет, но логично было предположить, что кто-то работает допоздна. Тэлбот отступил назад и посмотрел. От входа в коридор свет виден не был.

Тэлбот велел охраннику задержать любого, кто выйдет. Он вошел и совершил обход кабинетов. Все они были темными. Человек в освещенном офисе, очевидно, услышал, как Тэлбот вошел в здание, и скрылся.

Тэлбот тихонько заглянул в главный экспериментальный цех. Он был огромным и полутемным. Темнота была бы полной, если б не узкая светящаяся полоска по краям пролетов. Тени вырисовывались на стенах и потолке, и злоумышленнику не составило бы труда спрятаться за одним из станков.

Он пошел дальше. Ни одна из лабораторий освещена не была. Тэлбот методично обходил весь завод, прекрасно сознавая, что незваный гость лишь немного опережает его, и вряд ли удастся застигнуть того врасплох. Он повернул и начал двигаться в обратном направлении, когда зажегся свет в средней части здания. Тэлбот нащупал пистолет в кармане и приблизился к краю светового круга.

За станком, не двигаясь и слегка склонив голову, стоял Фрескура. Он резко вскинул голову при появлении Тэлбота.

— Я знал, что ты вернешься, — сказал Тэлбот.

— Да, я вернулся, — признал Фрескура.

— Ты солгал сегодня днем, — продолжал Тэлбот. — Рэнди не нажимала «случайно» кнопку, что дало тебе

возможность услышать мои слова. Ее вообще там не было. Ты отослал ее, чтобы подслушать нас.

Фрескура улыбнулся и ничего не ответил.

— Ты догадался, что я собираюсь порекомендовать Тафту, но хотел удостовериться. И еще одна вещь, которая не ускользнула от меня: ты знал с самого начала, иначе никогда бы не додумался до той уловки с отпечатками пальцев. Это ты подбросил бомбу.

— Конечно, — подтвердил Фрескура. — Солери доверился только двоим — мне и Рэнди — что собирается привести тебя. Если б Солери выжил, он бы помнил об этом. Таким образом, я сразу же обо всем догадался. Я знал, на что ты способен, потому попытался избавиться сразу и от тебя, и от Солери.

— Ты, должно быть, не находил себе места, пока я был в больнице. Хорошо, что Рэнди охраняла меня.

— Тебе повезло, что я нервничал, — сказал Фрескура. — Потом, когда ты выздоровел и ничего не сказал, я понял, что именно произошло. Думал, смогу управиться с тобой.

— Это оказалось самой большой твоей ошибкой. Я причинял массу беспокойства. Но для чего тебе вообще понадобилось от кого-то избавляться? Потому что ты был близок к успеху? Или хотел, чтобы открытие принадлежало тебе одному, когда компания разорится?

— Ты по-прежнему смотришь на это с корыстной точки зрения, — возразил Фрескура. — Есть вещи гораздо более важные. Открытие принадлежит мне. Оно было моим с самого начала. Я проделал всю основополагающую работу. Уже через год я готов был построить дви-

гатель, который мог повести ракету к звездам почти со скоростью света.

Тэлбот откинулся назад.

— И при этом ты продолжал просить денег и вливал их в несуществующие исследования? Признаю, что ты ловко обвел нас вокруг пальца. Но зачем?

— Хотел на все сто процентов убедиться в том, что двигатель никогда не будет построен, — ответил Фрескура. — Я купил акции в крупнейшей из существующих ныне компаний. Я имел влияние и убедил их тратить немыслимые суммы под руководством крупнейшего ученого в этой области — меня. Если при таком союзе двигатель не мог быть построен, то никому другому не стоило даже и пытаться.

— И чего же ты должен был достичь? — спросил Тэлбот.

— Лучше спроси меня, что я должен был потерять, — возразил Фрескура. — Двигатель доставил бы нас к звездам. Человечество к этому не готово.

— В том, что ты говоришь, есть определенный смысл, — признал Тэлбот. — Может, мы и не готовы. Но ты же ученый. Почти все в твоей семье были выдающимися учеными в течение многих поколений. Тебе ли не знать, что человек никогда не бывает полностью готов к новым открытиям.

— Я прекрасно сознаю коллективную вину своей семьи, — отрезал Фред. — Но ни один Фрескура никогда больше не будет орудием, приводящим человечество на грань саморазрушения.

— Какое-то допотопное и не вполне разумное объяснение, — возразил Тэлбот.

— Для тебя, возможно, но не для меня. Оба моих деда работали над атомной бомбой. Это не давало нам покоя

—
Рука Тэлбота осторожно нащупала пистолет в кармане.

— Понимаю, — сказал он. — Кого-то это могло лишить сна, но ведь ту катастрофу удалось предотвратить, как будет предотвращен и этот твой безумный замысел. Ты проиграл.

— Ошибаешься, — хмыкнул Фрескура. — Сегодня днем я понял, что ты начнешь меня подозревать. Я специально уехал, чтобы убедить тебя в своем отъезде, но потом вернулся.

— Я тоже, — бросил Тэлбот. — Ты проиграл.

— Не думаю, что ты убьешь меня, — сказал Фрескура.

— Убью, если придется. Ты оставил записи. Ими воспользуются другие ученые после того, как узнают, что ты виновен в саботаже и убийстве.

— Мои записи будут для них бесполезны, — заявил изобретатель с меланхоличной улыбкой. — Я же говорил, что ушел далеко вперед в этой области.

Тэлбот вытащил пистолет из кармана. На лбу у него выступила испарина.

— Бывают моменты, когда всем нам кажется, что человеческая раса заслуживает того, чтобы провалиться в тартарары, — сказал он. — Ты почувствуешь себя по-другому после курса психотерапии. Пошли.

— Не могу. У меня нога застряла и адски болит. Я включил свет, чтоб ты не напал на меня в темноте. — Он не отрывал пристального взгляда от пистолета Тэлбота. — Я безоружен. Тебе придется мне помочь.

Тэлбот был не настолько глуп, чтобы поверить этому безумцу и приблизиться к нему.

— Освобождайся сам. Выдерни ногу из ботинка.

— Попробую. — Фрескура оперся о станок, поднатужился и рывком освободил ногу. Послышалось какое-то странное бряцание. Тэлбот взглянул вниз...и оцепенел. Десятки черных цилиндров раскатились по полу во все стороны. Термальные капсулы! Фрескура, явно, солгал про ногу. Он прибегнул к этой уловке, чтобы отвлечь внимание Тэлбота, а сам тем временем быстрым, хорошо рассчитанным движением перевернул небольшой ящик у основания станка.

Тэлбот поднял взгляд. Фрескура отскочил в тень и пригнулся за станками, едва заметный в полутьме.

— Сможешь отыскать их все в таком свете...за то время, что у тебя осталось? — спросил он с издевкой. — И что ты будешь с ними делать, если даже тебе удастся?

Тэлбот вскинул пистолет и выстрелил в направлении голоса. Когда грохот стих, прокричал:

— Следующий будет в тебя! Выходи оттуда.

В ответ послышался издевательский смех уже с другой стороны.

— Ну, уж нет. А ты бы лучше поспешил, Тэлбот.

Он не стал спорить. В цехе разверзнется ад крошечный, когда оболочка капсул разрушится.

Цех был длинным, но он меньше чем за секунду домчался до здания конторы. Оба строения соединялись между собой, но между ними был массивный брендмауэр. Тэлбот порадовался защите стены.

В коридоре рядом с выходом наружу он слишком быстро повернул и влетел в боковой проход. Все из-за

проклятой паники, черт бы ее побрал. Колени просто подкосились и, не в состоянии контролировать свои действия, он врезался в стену и упал. Он пытался подняться, когда грянул мощный взрыв.

Раскаленный воздух, словно гигантский кулак, врезался в него и повалил ничком обратно на пол. В цехе сталь и бетон мгновенно расплавились и обратились в пар, но противопожарная стена устояла. Она приняла на себя основной удар, прежде чем рухнула, и включилась спринклерная противопожарная система.

Тэлботу внезапно сделалось ужасно плохо. Реакция была отчасти нервной, отчасти физической. Охранник от входа пробежал мимо в сторону взрыва. Он не заметил Тэлбота, лежащего на полу в боковом коридорчике.

Тэлбот, пошатываясь, поднялся на ноги и вышел наружу. Все еще во власти паники, он побежал.

Когда, в конце концов, он выдохся, и паника и дурнота отступили, Тэлбот перешел на шаг. Дорога шла на подъем, и он оглянулся. Цех представлял собой светящуюся огненную массу раскаленного добела бетона и стали. То там, то тут капсулы, рассчитанные на разные интервалы, взрывались одна за другой, выбрасывая вверх снопы искр. Фрескура мертв.

Привлеченные пожаром и взрывами люди высыпали на улицу. Было темно, и Тэлбот порадовался, что не видит их лиц. Он старался не привлекать к себе внимания. Когда проходил мимо группы людей под уличным фонарем, какой-то маленький мальчик уставился на него, разинув рот.

— Мама, что это с ним? — взвизгнул он, показывая на его лицо.

Женщина тоже посмотрела.

— Шш, — сказала она, дернув сынишку за руку. — Ты же знаешь, нехорошо показывать пальцем.

— Но что с ним такое? — не унимался малыш.

Тэлбот поспешил уйти. Одежда его была в беспорядке, но не обгорела. Он чувствовал головокружение, слабость в ногах. Ничего удивительного, что ребенок перепугался.

Он сделал все, что мог. Он изо всех сил пытался спасти Фрескуру от неуместного чувства вины. Теперь — домой, к Рэнди, хоть и не таким он представлял свое возвращение.

Тэлбот уже приближался к дому, когда поймал свое отражение в витрине магазина. Он прошел мимо, потом вернулся и присмотрелся повнимательнее. В конце концов отвел взгляд, когда душу захлестнул неподдельный ужас. Глаза казались пустыми и бесцветными. Щеки ввалились. Его лицо находилось *Между*.

Потрясение и страх подорвали силу его эмпатии. Ему удалось преодолеть различия между собой и Солери в первую очередь потому, что они были во многом схожи. Но Фрескура оказался другим, непостижимым. Тэлбот никогда бы не сумел понять Фрескуру.

Он уловил последние крупницы сознания ученого, и именно тот предсмертный ужас повалил его на пол за мгновение до взрыва. Скрытые силы разума всегда старались поставить его на место другого человека. В минуты наивысшего душевного напряжения эта сила становилась намного крепче. Но ей не удалось одолеть пропасть между ним и изобретателем.

Что она сделала, так это вытеснила остатки власти, которую личность Солери все еще имела над ним. Он больше не Солери. Но пока еще и не Тэлбот. Он только на пути к себе.

И лицо его находится *Между* — видимое указание на то, чем он становится. Теперь он уже не может надеяться сойти за Солери, а это означает, что Рэнди навсегда потеряна для него.

Он повернулся и пошел прочь от апартаментов Солери. Невеселые мысли тяжело ворочались в голове. Он все шел и шел, пока тело не взбунтовалось.

Тэлбот огляделся. Его блуждания не были беспорядочными. Ноги сами привели его к старой квартире. Он стоял перед домом, где жил как Хэл Тэлбот. Он устало поднялся на два лестничных пролета и вошел к себе, отперев дверь ключом, который постоянно носил с собой.

Обессиленный, он повалился на кровать и заснул, уже будучи Тэлботом.

VIII

Утром он не стал бриться, не хотел смотреть в зеркало. Поел, еще поспал, потом слушал новости.

Диктор объявил, что Солери и Фрескура погибли. Видели, как Солери вошел в здание завода, но так и не вышел. Смерть Фрескуры установить оказалось труднее. Он ушел еще днем, но имелись вполне определенные указания на то, что ученый вернулся в главный цех. Административное здание разрушено не было, но сильнейший пожар в прилегающем цехе вызвал значи-

тельные повреждения. Были найдены записи, что Фрескура планировал заключительный эксперимент. Он сознавал опасность, поэтому решил провести его ночью в цехе. Какая-то неожиданная случайность, очевидно, привела к трагедии.

Утрата здания и оборудования частично покрывалась страховкой. Компания поспешила заверить публику, что обладает достаточными резервами, которые позволят ей пережить удар по ее финансовой стабильности.

Тэлбот выключил новости. Фрескура мог бы ему понравиться. Не считая чрезмерного комплекса вины, этот человек был героем. И Тэлбот вынужден был признать, что в одном Фрескура оказался прав: он не проиграл. Создание совершенного ракетного двигателя откладывается на неопределенный срок. Во всяком случае, в этом столетии он построен не будет.

А сам он, между тем, в затруднении. Что готовит ему будущее? Он скромно пообедал, все время силясь обуздать свое беспокойство. В середине дня раздался стук в дверь.

Рэнди нашла его. Она тихо вошла и оглядела убогую тесную квартирку.

— Я пришла не для того, чтоб задавать вопросы, хотя имею на них право, — сказала девушка. — Но ты совершил ошибку. Твоя фамилия есть в расходной ведомости. Она пришла ко мне на подтверждение.

— Ты ничего не сможешь доказать, — возразил Тэлбот. А если и сможешь, какое это имеет значение?

— Я могу доказать все, что пожелаю, — сказала она.

— Солери мертв.

— Знаю, — отозвалась Рэнди. — Уже давно знаю. Эта твоя ошибка была не единственной.

— Давно знаешь? — Он сел.

— С той ночи, когда привезла тебя домой из больницы...и осталась. Ты говорил не то, и не так. Ты все время выдавал себя. Не забывай, меня наняли как психолога.

Она смотрела на него спокойным, твердым взглядом.

— Ты сказал, что между нами ничего не изменилось. Но ты ошибся. Я не имею привычки вешаться на мужчин. Признаю, что с Солери изменила этому правилу, совсем немного. Но он не был влюблен в меня, потому что уже любил Элеонор.

— Почему ты никому не сказала? — спросил Тэлбот. — Не выдала меня службе безопасности?

— Я не могла, — ответила она. — Я была расстроена, но оказалась в ловушке. Не могла, по крайней мере, пока все не выясню. Через несколько дней я решила не вмешиваться. Ты сказал мне, что был убит человек, и что ты намерен докопаться почему. Я знала, что ты не виноват в том, что произошло, что ты не какой-то своекорыстный карьерист и авантюрист.

Значит, его маскарад был вовсе не так хорош, как он думал! По крайней мере, два человека раскусили его.

— А та договоренность, о которой ты упоминала — твоя просьба уйти домой пораньше — это тоже было намеренно?

— Мне нужно было еще одно доказательство того, что ты не Солери, — объяснила Рэнди. — И...в общем, я хотела посмотреть, обратишь ли ты внимание. Рада, что обратил.

Голова у него шла кругом, и он не мог смотреть на нее. Тэлбот машинально открыл конверт. Денег за три недели его работы там оказалось больше, чем он зарабатывал раньше за три месяца.

— Когда я вносила Тэлбота в ведомость на зарплату, я думала, что он умер, — сказала Рэнди. — Эта работа должна была быть твоей последней, поэтому я не поспешила на должность. Я вписала тебя как заместителя Солери по производственным вопросам.

Солери не требовался помощник в производстве, ему необходимо было вычислить и обезвредить злоумышленника, что он, в конце концов, сделал с помощью Тэлбота, но ценой собственной жизни.

— Тафт надеется, что ты появишься, — продолжала Рэнди. — Два лучших ума из его команды мертвы. Ему требуется новый администратор, который знаком с организацией. Компания продолжит исследования по десятку новых проектов. Она вынуждена придерживаться экспериментальной работы, если хочет остаться на плаву.

— Спасибо за чаевые! — Он широко улыбнулся ей. — Возможно, я пойду посмотрю, какая должность у них есть для человека моих способностей. Ты бы этого хотела, правда?

Он пересек комнату и остановился перед ней.

— Но ты должна понять вот что: есть вещи, в которых я не могу быть ничьим заместителем.

— Ты и не будешь, — заверила его Рэнди. — И никогда не был, разве ты не знаешь?

Теперь знает. Как хорошо снова быть самим собой.

Мелочи для дома

Большинство людей не понимали, о чем он говорит, а те, что понимали, считали это незаконным и захлопывали перед ним дверь. Фред Холлоузэй отер лоб и направился к следующему дому. Подойдя, взглянул на фамилию. Это была резиденция Вудрафов. Он постучал в дверь, и ему открыла женщина.

— Заточка ножниц, — сказал он. — Починка протекающих кранов и ремонт бытовой техники. Гарантирую, что все будет как новенькое.

— Что такое *ножница*? — спросила она.

— Не знаю, но могу ее заточить. — Этим утром он не брился и от этого выглядел старше.

— Я дала бы вам ее заточить, если б она у меня была, — ответила женщина. — Это, должно быть, что-то старинное, а я люблю старинные вещи.

Она была его первой потенциальной клиенткой за очень долгое время. Приятно знать, что они еще остались.

— Я могу вам ее изготовить, — предложил Фред. — Дома у меня есть книги, и я могу узнать, что это такое. Если сделаете мне заказ, доставлю через несколько дней. — Он опустил глаза. Не следовало ему это говорить. Ох, не умеет он придержать язык, когда нужно. — Извините, что побеспокоил вас, — пробормотал он,

протягивая руку вниз за своим саквояжем. — Я лучше пойду.

— Нет, нет, — быстро проговорила женщина. — Не уходите. Ведь нет никакого вреда в разговорах о таких вещах, верно?

Фред вцепился в ручку саквояжа, который был не тем, чем казался.

— Нет никакого вреда, — повторил он.

— Почему бы вам не войти? Женщина из дома напротив наблюдает за нами. Она глазает в окно с тех пор, как вы появились на нашей улице.

Он повернулся и взгляделся в сплошную стену плюща, увивающего патио. Сплетница на противоположной стороне улицы не видела его сквозь густую листву, а он ее видел. Она не узнает, вошел он в дом или нет.

Фред кивнул, шагнул через порог и закрыл за собой дверь. Теперь он скрыт от любопытных глаз.

— Итак, что вы хотите?

В доме было прохладно и сумрачно. Женщина была лет около сорока, миловидная, и от нее веяло теплом и уютом. Она взглянула на него, нервно покусывая губу, потом сказала:

— У меня проблемы с кухней.

Это было явной неправдой. Ни у кого не бывает проблем с кухней. Однако, важно то, что женщина считает, будто они есть.

— Я могу наладить ее так, что она будет весьма продуктивной.

Она отвернулась.

— Меня не интересует продуктивность.

Что ж, это даже лучше, чем то, на что он рассчитывал.

— А что вас интересует?

— Я читаю, — сказала она.

— Я тоже, — отозвался Фред. — С самого детства. «Справочник по механике», «Монтажные схемы» Оде-ла, двадцать четыре тома «Оригинальных механизмов и самых важных изобретений последних четырех веков». — Он помолчал. — Это произвело на нее впечатление, но она колебалась. Теперь осторожничала. — А вы что читаете? — поинтересовался Фред.

Женщина покраснела.

— Кулинарные книги.

Он присвистнул.

— Старые?

— По большей части.

— Должно быть, вы чудесно готовите. — Лесть.

— Не так хорошо, как вы могли подумать. У меня затруднения с переводом.

— А разве ваши кулинарные книги не на английском?

— На английском. Но что машина знает о том, что такое «приправьте по вкусу»? Или сколько это «щепотка соли»?

Он кивнул.

— Да, это проблема, особенно с тем, что не входит в стандартное меню. Думаю, я могу отрегулировать сканирующий барабан.

— Мне не это нужно, — возразила она. — Мне не нужны усовершенствования. Я хочу жарить мясо, печь хлеб и делать колбасу. Хочу делать все это сама, а не получать все уже готовым одним нажатием на кнопку.

Все оказалось до смешного просто. Она у него в руках.

— Вы хотите, чтоб я полностью переделал всю кухню?

— Вот именно. С этого дня я буду готовить сама.

Он покачал головой.

— Не знаю. Это опасно. А если кто-нибудь разнюхает? Да и потом, бывает и так, что стряпать нет никакого желания. Вы хотите кофе, и вам наплевать, кто его приготовил.

— Значит, не можете сделать?

— Я этого не сказал. Но нам потребуется прикрытие. Давайте посмотрим, что там у вас. — Фред взял саквояж и прошел за ней на кухню. Она была большой и выглядела так, как он и ожидал, лишний раз подтверждая его впечатление о новой клиентке. Там была плита, холодильник, стол и шкафы. Все оригинальное, старомодное, словом, настоящее. Настолько настоящее, насколько возможно в этом веке. Холлоуэй поставил саквояж на стол и открыл его.

— Инструменты, — воскликнула женщина. — Всевозможные мелкие инструменты.

— Большую часть я изготовил сам. Нельзя работать без хороших инструментов. — Он занялся делом и через короткое время снял почти все стенные панели, демонтировал плиту и другие механизмы. Тщательно изучил все схемы, убедившись, что понял назначение каждого. Женщина, которую, как он узнал, звали Мэдж Вудруф, неловко топталась рядом.

— Бог ты мой, — пробормотала она. — Сколько замысловатой техники, чтобы обеспечить меня чашкой кофе.

— Этим и несколькими тысячами других вещей. У вас один из самых сложных встроенных пищевых центров семейного размера. Он запрограммирован на ассорти-

мент продуктов и блюд целого ресторана, но смонтирован на значительно меньшем пространстве.

— Знаю, — ответила Мэдж. — Я все время добавляла всякие новшества, но это все равно не то, что я хочу. Спасибо, что пытаетесь мне помочь.

Он слабо улыбнулся.

— Не волнуйтесь. Это сложно, но я справлюсь.

— Не уверена, что смогу управлять тем оборудованием.

— Предоставьте это мне. Все, что вам нужно будет делать, это готовить. Я вмонтирую ряд выключателей, которые дадут вам полный контроль.

Он установил панели на место и испытал облегчение от того, что кухня снова приняла нормальный вид. Было бы опасно позволить кому-нибудь увидеть такой беспорядок. Он защелкнул застежку саквояжа с инструментами и поставил его на стол.

— Как скоро вы хотите получить желаемое?

— Не знаю. Как сможете сделать.

Он на мгновение задумался.

— А что насчет игруна?

— Игруна? Кто это такой?

— Ну, хобби-советник, дыхотерапевт.

— О, ясно. Не знала, что его так называют, — ответила Мэдж. — Он старый, в следующем году должен отойти от дел. С ним у вас не будет проблем.

— Прекрасно. — Он стал расспрашивать ее о привычках семьи. Вычтя разумное количество времени на неясности и помехи извне, он выдал предварительный подсчет:

— Это займет, по меньшей мере, неделю. Но не больше двух.

— Так долго?

— Так долго. Вы не должны забывать, что это делает не машина.

— Я не жалею. Но это кажется как-то уж слишком — просить совершенно незнакомого человека.

— Не волнуйтесь, вы узнаете меня за время работы. Я не могу приходить каждый день, поэтому мне придется пожить у вас, пока все не будет сделано.

Она понимала, что это необходимо. Они обсудили приготовления, и когда все было улажено, он забрал свои инструменты и ушел. В доме он пробыл не больше получаса.

Фред не знал, продолжает ли женщина из дома напротив наблюдать за ним. На всякий случай он терпеливо прошел до конца улицы, стуча в каждую дверь и получая отказ. На углу сунул саквояж под мышку и зашагал прочь. Перед ним находилась районная ретрансляционная станция. Это было белое здание, высокое и квадратное, боковые стороны изгибались внутрь. Он стоял и смотрел на него с бесстрастным сомнением. Здание являлось уменьшенной копией Городской Машины.

А Городская Машина, хоть и обеспечивала его всем необходимым, была личным врагом. Потому что из-за нее работа оказалась вне закона.

Это началось давно, на заводах и фабриках, тихо и незаметно. Автоматические машины заменяли людей одного за другим. Вначале это решалось тем, что каж-

дому работнику давали больше машин на обслуживание, но мало-помалу стали изготавливаться машины, за которыми не требовалось наблюдение. А потом построили такие механизмы, которые управляли целыми фабриками, а позже даже сразу несколькими, объединенными в группы.

Назрела необходимость в появлении еще одного усовершенствования, и оно не заставило себя ждать: коммерчески успешная атомная энергия. Фабрики могли теперь работать веками без человеческого вмешательства. Ну, почти. Детали ведь изнашиваются. Спрос на определенные изделия падает, и люди хотят чего-нибудь еще, и это «что-нибудь» нужно поставлять. Поэтому создавались и строились новые машины. Но создатели этих машин были настолько хороши, и в их распоряжении была настолько обширная технология, что они создали механические умы, которые взяли на себя их работу. При этом машина выполняла ее лучше, чем это могли сделать они.

Теперь стало возможным объединить все эти элементы, а возможность никогда не существует долго, прежде чем ее испробуют. Были построены целые города, которые обеспечивали своих жителей всем необходимым. Никому не нужно было работать. Результатом стала праздная жизнь.

В центре каждого города, отчасти из-за символической ценности, отчасти потому что такое местоположение было наиболее эффективным, располагалась Центральная ЭВМ или Городская Машина. Она регулировала процессы производства и инициировала новые. Но вскоре стало ясно, что огромная центральная машина

может прогнозировать и контролировать только себе подобные элементы — другие машины. Человеческое вмешательство выводило ее из строя и затрудняло удовлетворение всех нужд населения. Следующий шаг был очевиден.

Раньше просто не было необходимости работать. Теперь работа стало незаконным делом, равно как и средства для осуществления этого решения.

Но человек не может выносить бездействия, и были приняты соответствующие меры. Искусство находилось за пределами компетенции машин. Свободное время позволяло каждому, кто пожелает, заниматься творчеством. Живопись, танцы, литература — все это процветало. А также спортивные состязания и абстрактные науки. Городская Машина производила вычисления намного быстрее любого человека, но она не могла сделать новых математических открытий. Это было оставлено тем, кто желал заниматься наукой.

По большей части это было счастливое время. Еще никогда в истории у людей не было так много свободы и так мало страха. Но успех не являлся полным. Все еще оставались люди, которые не знали, чем хотят заняться.

Фред Холлоуэй был одним из этих людей, хотя не от нерешительности. Он всегда знал, что хочет делать, кем хочет быть. С этим ничего нельзя поделать: он — механик.

Хмурый, он перешел улицу перед районной станцией, которая передавала сигналы от Машины. Направился к ближайшему транспортному узлу и несколько раз проехал через весь город, дабы убедиться, что за ним никто

не следит. Потом вернулся в свою квартиру и сидел в одиночестве, сцепив руки.

Итак, у него есть работа.

Осталось только избежать Стопора.

Для своего прихода он выбрал середину утра. Солнце просвечивало сквозь стебли и листья плюща, когда дверь открылась. Мэдж Вудруф воззрилась на него с сонной невыразительностью.

— Вы кого-нибудь ищете? — спросила она.

Фред нахмурился.

— Так скоро передумали?

Женщина нервно рассмеялась.

— Я вас не узнала. Другой свет, полагаю.

— Я не стремлюсь быть узнаваемым. Принимаю меры предосторожности, когда ищу работу. — Совсем незначительные меры: помятый костюм и легкая сутулость, день без бритья. Остальное — выражение лица. Нетрудно притвориться бродягой, когда он, в сущности, и есть бродяга.

— Что ж, вполне успешно. Вы выглядите совсем другим человеком.

Да, так оно и есть. Вчера он был преследуемым существом, пугающимся теней и громких звуков. Ситуация не изменилась, не считая того, что сегодня у него есть работа, и плевать ему на все остальное. Он неопределенно хмыкнул и вошел в дом.

Мэдж взяла его саквояж и тут же поставила. Он был *тяжелым*.



— Это инструменты. Мои личные вещи придут сегодня днем. — Он прислушался; не было слышно ни звука.

— Все ушли?

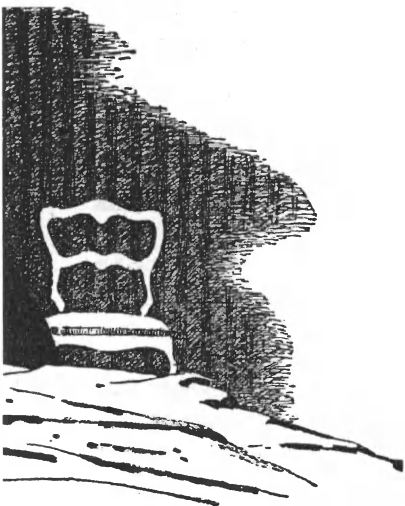
Мэдж улыбнулась.

— Джордж на фондовой бирже. У него пунктик по поводу того, чтобы приходить в контору первым.

— На фондовой бирже? Что ж, он нам беспокойства не доставит. Что насчет Алисии?

— У нее занятия в классе живописи, они сейчас изучают эффекты утреннего света. Она ушла еще до того, как я встала.

— Вы видели, как она уходила?



— Нет, но она всегда уходит в такое время.

— «Всегда» слишком безапелляционное слово. Оно не применимо к таким людям, как Алисия, если вы точно мне ее описали. Проверьте, не дома ли она.

Глаза ее расширились.

— Она же моя дочь, мистер Холлоуэй. Вы, конечно же, несерьезно?

— Фред. Предполагается, что мы друзья. Посмотрите, не у себя ли она.

Мэдж подошла к стеной

панели и вывела на монитор комнату дочери. На фоне белой подушки виднелась взлохмаченная голова.

— Алисия, ты пропустила занятие по живописи, — сказала Мэдж.

Один глаз сонно приоткрылся, потом девушка села. Показалось обнаженное тело, но тут Алисия увидела Холлоуэя и лениво прикрылась. Разговаривая с матерью, она поглядывала на него с откровенным любопытством.

— Яйцо всмятку, пожалуйста, и стакан сока. Набери это мне сюда.

— Но, дорогая, ты же пропустила занятие.

— Я бросила живопись. Теперь занимаюсь танцами. — Алисия дала одеялу соскользнуть. — Ну, ты отключишь

эту штуку или желаешь, чтобы я продемонстрировала свои прелести? Бог с ним, с завтраком. Я спускаюсь.

Мэдж поспешно выключила экран, когда девушка встала.

— Это она перед вами, — объяснила мать Алисии. — Извините, она эксгибиционистка.

— Не волнуйтесь, — успокоил женщину Фред. — Ваша дочь в безопасности.

— Я не это имела в виду. Я хотела сказать —

— Конечно, я понимаю, — заверил ее Фред. — Подожду в своей комнате, пока она не уйдет.

— Не выйдет, — покачала головой Мэдж. — Она спускается специально, чтобы посмотреть на вас, так что вам лучше остаться и удовлетворить ее любопытство. — Она переставила саквояж с инструментами за дверь, с глаз долой.

Фред прошел следом за ней в кухню.

— Я выпью чашку кофе. — Он все еще пил кофе, когда спустилась Алисия. Это была стройная девушка, может, чуть худовата на его вкус. Лицо скорее дерзкое, чем красивое, но ее живость многое компенсировала.

— Привет. Мама мне о вас не рассказывала.

— Когда бы я успела? Ты же пришла домой, когда я уже легла. Это Фред Холлоуэй. Он поживет у нас некоторое время. Я знала его мать.

Алисия уселась на стол и свесила ноги.

— Неплохо, — заметила она, окинув его быстрым оценивающим взглядом. — Чем вы занимаетесь?

— Делаю разные вещи, — ответил он. — Люди помещают их у себя в доме.

— Например?

- Например, проволочные мобайлы.
- Красивые?
- Не слишком. У меня нет таланта.
- Я вас понимаю. Я вот пыталась заниматься живописью, но в конце концов поняла, что это бесполезно. У меня совершенно нет чувства цвета. Поэтому я переключилась на танцы. — Она прыгнула со стола и приподняла подол платья. — Вряд ли из меня получится классный танцор, но хотя бы мышцы ног разовьются.
- Симпатичные ноги, — заметил Фред.
- Просто симпатичные, — сказала девушка. — А должны быть длинными кремовыми лепестками.
- Я бы предпочел видеть ноги.
- Почему вам не нравятся женщины с лепестками?
- По элементарным причинам, — ответил он. — Сдается мне, тебе следует заняться чем-нибудь другим.
- В этом сезоне акцент на ноги. — Алисия зевнула ему в лицо. — Ну, мне пора бежать.
- Но ты же не позавтракала.
- Перехвачу что-нибудь после занятия. — Она повернулась и стремительно унеслась. — Пока! — донеслось от входной двери, после чего та захлопнулась.
- Он улыбнулся Мэдж.
- Я не хотел ее обидеть. Она привлекательная. Но надо было, чтоб она поскорее ушла.
- Вы действительно отпугнули ее, но не по той причине, что вы думаете. Она, возможно, восприняла ваши замечания как вызов. — Мэдж вздохнула. — Вы ее не знаете. Она ушла, потому что вы сказали, что не знамениты.
- Не знаменит. У меня нет таланта к искусству.

— Знаю, — отозвалась Мэдж. — Я тоже никогда не умела ничего делать.

— Кроме готовки — и вы будете готовить. — Он залпом допил кофе и принес инструменты из соседней комнаты. Снял пиджак, закатал рукава и начал снимать панели и начал детально изучать механизмы. Запечатлев в памяти главные особенности, он сделал схематический набросок. Вскинув глаза, обнаружил, что Мэдж наблюдает за ним восторженным, хоть и непонимающим, взглядом.

— Вы настоящий мастер, — сказала она.

— Да. Кое в чем я могу обойти машину. — Фред не был уверен, действительно ли может. Он покачал головой и поднялся.

— Для вас есть работа. Закажите изысканный обед на шестерых.

— А разве мы столько съедим? Большую часть придется выбросить.

Фред нахмурился.

— А разве имеет значение, что мы выбрасываем? — Большинство людей никогда даже не задумываются о таких вещах.

Она заказала обед. Он следил за переключателями, когда те включались и выключались. Торопливо нацарапал схему, затем обратил внимание на еду, проходящую по этапам технологического потока. Стол удлинялся автоматически по мере поступления еды. Он получил ясное представление о том, как функционирует кухня, но этого было недостаточно.

Снова и снова заставлял он делать новый заказ, пока стол не заполнился и уже больше не мог удлиняться.

Фред сделал последнюю запись. Теперь он знал все, что нужно.

— Избавьтесь от этого, — бросил он, мотнув головой.

Женщина выглядела ужасно расстроенной тем, что приходится выбрасывать еду. Интересно, подумалось ему, не жалеет ли она, что позвала его. Он молча помог ей, а когда дело было сделано, вытащил свои записи и стал внимательно их изучать. Потом разорвал на мелкие клочки и выбросил в мусорное отверстие. После этого он вернул на место все панели, кроме одной, и повернулся к ней.

— У вас есть выбор, — сказал Фред. — Можете наблюдать, как и что я делаю, а можете позаботиться, чтоб никто не вошел.

— А что для вас предпочтительнее?

— Было бы неплохо, если б вы посмотрели, как это будет собираться. — Он нахмурился. — Но нельзя, чтобы кто-нибудь вошел и все это увидел.

— Тогда я пойду в переднюю. Так я смогу предупредить вас за несколько минут.

— Больше мне и не требуется. Кто-нибудь заходит в заднюю дверь?

— Никто кроме членов семьи, и то только если они проводят время во дворе, а это бывает исключительно в выходные.

— Тогда закройте ее.

Она заперла заднюю дверь, потом оправилась в переднюю часть дома вести наблюдение. Кажется, Мэдж была рада уйти. Для нее непривычна его активность. Она мало для кого привычна. Да, ей хочется готовить,

но это лишь слабое желание, порожденное больше недовольством собой, чем реальной потребностью.

Вот почему в первый день он работал не покладая рук. Потребовалось несколько часов, чтобы вмонтировать первый переключатель. Один переключатель, и еще много чего к нему. Но как только этот процесс был успешно завершен, никто уже не мог его остановить.

Ближе к вечеру Фред установил снятую панель на место и отправился на поиски Мэдж Вудруф. Она обзревала улицу из окна.

— На сегодня все, — бодро объявил он.

— Я надеялась, вы поспешите. А можно приготовить обед?

— Как обычно. Никто не заметит разницы. — Однако, он заметит, и она тоже. Это делает их в равной степени виновными. Фред отправился в свою комнату. Эта мысль приятно согревала его.

Был вечер, когда он спустился вниз. Пол слабо светился впереди и позади него, когда он шел по коридору. Вероятно, идея Мэдж. А она умна, ничего не скажешь.

Женщина, должно быть, услышала его шаги, потому что ждала у основания лестницы.

— Сегодня мы обедаем позже обычного, — сообщила она. — Звонил Джордж и сказал, что задержится в конторе. Надеюсь, ты не возражаешь.

Ее голос не был громким, в нем не слышалось никакой фальши, но была какая-то напряженность, которая послужила ему предупреждением.

— А пока у нас гости, — продолжила Мэдж. — Мило, правда?



— Очень мило, — отозвался он. — Только один гость мог вызвать такое беспокойство, но ему нечего бояться старика, уж как-нибудь он с ним справится.

— Представь, — проворковала Мэдж, стискивая его руку, — наш бывший отдыхотерапевт ушел на пенсию. Мы очень любили его, но уверена, его замена понравится нам еще больше.

Случайное совпадение? Едва ли. Холлоуэй не знал, что и думать.

Они вошли в гостиную. Новый советник был примерно одного с ним возраста, на дюйм ниже ростом и на несколько футов тяжелее.

— Эдвард Диксон, это Фред Холлоуэй, о котором я вам говорила.

Они обменялись рукопожатием, и советник сел. Свет был у него за спиной, зато хорошо освещал кресло, которое, по его ожиданиям, должен был занять Холлоуэй.

Фред прошел в другой конец комнаты, и когда советник повернулся, лицо его оказалось на свету. Он устроился поудобнее, казалось, ничего не заметив.

— Вообще-то это больше светский визит, чем профессиональный, — проговорил Диксон. — Старик Миколан был хорошим советником, и мне надо поддерживать достигнутый им уровень.

— Вы говорили мне другое, — возразила Мэдж. — Упустили самую захватывающую часть. Вы сказали, что идете по следу какого-то нарушителя.

Диксон непринужденно рассмеялся.

— Теоретически да, но мало шансов, что я его поймаю. Подобного рода личность не занимается такими делами в своем районе. — Он повернулся к Холлоуэю и вкрадчиво спросил: — Не правда ли?

— Не знаю. Никогда об этом не задумывался. — Теперь он понял, почему старик ушел на пенсию. Миколан сомневался, что сумеет справиться с этим делом. И все равно Холлоуэю нечего было особенно бояться. Этот советник молодой и энергичный, но у него нет опыта.

— Ясно, что он не собирается действовать там, где его узнают, — сказал советник. Он полез во внутренний карман пиджака и вытащил несколько листов бумаги. — У нас есть его описания, к сожалению, слишком много. — Диксон печально улыбнулся, обозревая то, что держал в руке, потом взглянул на Холлоуэя. — Примерно вашего телосложения, — резюмировал он. — Немного ниже ростом и на десяток лет старше. В целом, несчастный человек.

Он протянул наброски Холлоуэю, чтоб тот посмотрел. Три человека нарисовали его по памяти. Визуальная точность была незначительной. Все ошиблись в большинстве его черт. Особенно жалкими получились глаза — затравленные, горящие. Совсем на него не похоже.

— Повезло, что среди тех, кто его видел, попало несколько художников, — заметил он, возвращая наброски.

— Не художников. Они, скажем, просто рисуют, — поправил Диксон. — У них есть фотокамеры. Не понимаю, почему никто из них не воспользовался ими. Они несколько переоценивают свое мастерство.

— Осторожно, — сказал Холлоуэй. — Я чувствую слабый намек на критику нашего праздного образа жизни.

— И вы совершенно правы, — весело отозвался советник. — Слишком многие люди занимаются тем, чем не следует. Этот человек, к примеру.

— А что он сделал?

— Разве я вам не сказал? — Диксон улыбнулся.

— Нет, не сказали. — Советник, должно быть, считает его дураком.

— Поскольку вы под моей юрисдикцией, мне придется ввести вас в курс дела, — пояснил советник, отодвигаясь от света.

Он не пытался скрыть это, но, возможно, советник считает, что ему незачем действовать слишком уж тонко. Холлоуэй улыбнулся про себя. Пусть его считает.

— Рассказывать особенно нечего, — продолжал Диксон. — Из тез разрозненных кусков информации, что мне удалось собрать, я узнал, что этот человек ходит по домам, спрашивая работу жестянщика.

— Кого-кого?

— Устаревшая разновидность ремонтника. Он употребляет слова, значение которых, вероятно, и сам не знает. Может, вычитал их где-нибудь. В любом случае, он состязается с машинами, которые гораздо лучше него. С его способностями ему бы быть ученым.

— Как вы?

Советник вспыхнул.

— Я не ученый. Я занимаюсь социальным обслуживанием, чего не может ни одна машина.

— Я думал, вы в своей работе опираетесь на психометрические карты.

— Да. Но карты изготавливаются машинами и показывают способности лишь в общем смысле. Отдыхотерапия помогает индивидууму, но он должен хотеть приспособиться.

— С этим не должно быть больших затруднений. Вы всегда можете рассчитывать на поддержку Стопора.

— Стопор — это признание провала. Мы прибегаем к нему как к последнему средству.

— Какая мрачная тема, — нервно промолвила Мэдж.

— Не могли бы мы поговорить о чем-нибудь другом?

К счастью для ее душевного покоя на крыльце послышался звук шагов, открылась дверь и вошла Алисия. Она резко притормозила, когда увидела двух мужчин, в особенности одного незнакомого. Зрение у нее было превосходным. Почти тут же она разглядела значок на лацкане Диксона, который указывал на его профессию.

— Наконец-то, у нас новый хобби-советник, — заявила она. — Мама, ты рассказала ему обо мне?

Она не заметила, как поморщился Диксон, когда она назвала его хобби-советником, но Холлоуэй заметил. Этот парень воспринимает себя слишком серьезно. Это надо запомнить. Возможно, пригодится.

— Еще нет. Мы говорили на другие важные темы.

— Разве что-то может быть важнее меня? Для меня, по крайней мере.

Советник улыбнулся ее энтузиазму.

— Вы превосходный пример артистического темперамента.

— Темперамента, но не способностей. — Она взглянула на него с интересом. — Я собираюсь заняться чем-нибудь значительным. Буду выходить замуж.

— Надеюсь на это.

— Не выйти, а *выходить*. Много раз.

— Зачем же много? Вы ненасытны?

Она вздохнула и опустилась в ближайшее к нему кресло.

— Миколан был старым и не понимал. Я надеялась, вы поймете.

— А что тут понимать? Бесконечные замужства — не хобби.

Холлоуэй усмехнулся. Советник, явно, приверженец формальностей и верит в официальный подход. Все можно исцелить должным отдыхом и развлечением.

— Должно же быть что-нибудь, что я могу делать хорошо, — продолжала Алисия. — А куртизанок в наше время нет.

Советник по-отечески улыбнулся.

— Суть не в этом. На самом деле вы просто хотите влиять на мужчин.

— Правильно, а разве есть на свете лучший способ делать это, чем быть куртизанкой?

— Вы начитались старых романов, — пробормотал советник, явно, чувствуя себя не в своей тарелке. — Но вы ведь живете сейчас, а не несколько веков назад. Вы не будете счастливы в той роли, которую, как вам думается, хотите исполнять.

— Вы имеете в виду, что я не могу стать куртизанкой, потому что у меня нет подходящего оснащения, так сказать? — Алисия оглядела себя, изогнувшись своим крепким молодым телом. — Может, я не красавица и пышных форм не имею, может, я просто миленькая, но я могу заставить мужчин забыть об этом, когда они в моих объятиях.

— Не будь вульгарной, — осадил ее мать. — Ты едва знаешь этих людей.

— О. я намерена узнать нового советника получше, — промурлыкала Алисия. Она соскочила с кресла, скользнула в объятия Диксона и прильнула к его губам в долгом, страстном поцелуе.

— Алисия! — ахнула Мэдж.

— Это проверка, — сказал Холлоуэй. — И она ее пройдет. — Девушка, явно, из тех, кто умеет добиться своего тем или иным способом.

— Ну, вот, — провозгласила Алисия, радостно подскакивая. — Вы и теперь скажете, что не смогу?

— Я этого не говорил, и никогда не сомневался в этом, — пробормотал советник. Лицо его пылало, но не от смущения. — Я просто хотел убедить вас, что ваша цель направлена на недостойный предмет.

— Возражениями вы меня никогда не убедите, — заявила девушка, направляясь к лестнице. — С вашего позволения, пойду переоденусь.

После ее ухода разговор зачах. Советник обнаружил, что ему трудно вернуться к прежней теме, а Холлоуэй ему не помогал. Угроза все еще витала в воздухе, но он не хотел о ней думать. Предпочитал гнать прочь мысли о ней.

Вскоре вновь раздались шаги. Мэдж узнала их, поднялась и пошла к входной двери.

— Ах, ты мой бедный, — донесся ее приглушенный голос из холла. — Ты выглядишь таким измотанным.

— Я валюсь с ног от усталости, — пробормотал в ответ мужчина. — Целый день боролся с кризисом.

— Не так много людей с твоим знанием рынка, — отзывалась Мэдж.

— Как и с моим везением, — упрямо отвечивал Джордж. — Потерял все. Не осталось ни цента.

— Ничего страшного, — успокаивала она. — За деньги все равно ничего не покупается, кроме акций и облигаций.

— Но все это — моя жизнь, вся моя жизнь, — горько возразил хозяин дома, — а ты говоришь — ничего страшного! — Он протопал в комнату, но резко остановился, увидев двоих мужчин.

— Джорж, это...

— Я вижу, кто это, — оборвал жену Джордж. — Неужели ты думаешь, я мог не заметить значок? — Он расправил массивные плечи и воздвигся перед советником. — Молодой человек, если Городская Машина не

предпримет каких-либо шагов в отношении рынка, я потеряю веру.

— Это опасное отношение, сэр.

— Плевать мне, что это, — отрезал Джордж, насупив свои черные брови. — Я монополизировал рынок, но как только отдал приказ покупать, Машина начала продавать. Уничтожила меня за пять часов. Уже второй раз за последние три недели я сделал и потерял целое состояние.

Советник очень старался не улыбнуться. Рынок был пережитком прошлого, рудиментом того образа жизни, который уже давно прекратил свое существование. Его сохранили для лишенных воображения неудачников.

— В этом и заключается самая захватывающая часть иг...бизнеса, сэр. Если б это было легко сделать, было бы неинтересно.

— Не знаю, — тяжело вздохнул Джордж, — просто не знаю. — Он выдавил невеселую улыбку. — Утром начну все заново. Начну с нуля и к полудню уже куда-нибудь приду. Попомните мои слова. — Он кивнул обоим мужчинам и торжественно удалился.

— Вот молодчина, — сказал советник. Было уже довольно поздно, но он, похоже, даже не собирался уходить.

Мэдж нервно сплела пальцы и помедлила в нерешительности. Ее гостеприимство истощилось.

— Не останетесь на обед? — спросила она.

— Вынужден продолжить поиски этого человека, — ответил советник. — Мне, правда, пора идти.

Но он взглянул в сторону лестницы, и Холлоуэй понял, что в ближайшие полчаса он не сдвинется с места.

Алисия убедила его. Она была слишком убедительна. Холлоуэй отвернулся. Девушка обещает стать помехой.

Мэдж постучала к нему в комнату рано утром.

— Минуту, — крикнул он в ответ на ее стук. Он набросил халат и впустил ее. Она села и посмотрела в окно. На лице ее обозначились морщины, которых он не заметил вчера.

— Извините, — сказала она.

— Вы не разбудили меня. Я уже вставал.

— Вы же знаете, что я не это имела в виду. Я сожалею насчет советника.

— Вы же не виноваты.

— Знаю. Но это очень плохо, что он обнаружил вас здесь на следующий же день после того, как получил доклад. Он что-то заподозрил.

— Он был бы дураком, если б не заподозрил. Я не люблю советником, но никогда не считал их глупцами.

Мэдж вздохнула и впервые отвернулась от окна.

— Рада, что вы это понимаете. Я боялась, что вы окажетесь фанатиком.

Фред присел на кровать и откинулся назад. Он долго думал об этом ночью. Поразмышлял, а потом уснул, а она, явно, не могла спать. Он более привычен к мысли о Стопоре.

Стопор — простой механизм, который сделал тюрьмы ненужными и свел необходимость в учреждениях для душевнобольных практически на нет. Тот факт, что в обществе мало трений — это одно, но даже в таком случае Стопор играл свою роль и продолжит играть. Он представлял из себя маленький аппарат, основанный

на принципе энцефалографа, но был даже проще, чем обычный инструмент. Проще, потому что должен был реагировать только на основные импульсы.

Поведение сводится к моделям. Последовательность действий прямо пропорциональна эмоциям. Убийца, собирающийся застрелить свою жертву, сознает, что он делает. Личность, чьи намерения деструктивны, находится в характерном эмоциональном состоянии. Именно этот импульс Стопор идентифицирует и вовремя пресекает.

Весь механизм хирургическим путем вживается в тело таким образом, чтобы быть связанным с умственными процессами, не нарушая их. Поначалу он вживался для идентификации трех импульсов, хотя обычно из этих трех присутствовал только один. Идентификационный механизм является самой сложной частью Стопора. Остальное — просто крошечная атомная батарейка, которая может вырабатывать ощутимый электрический ток и направлять его напрямик к основанию спинного мозга.

Шок. Это не слишком отличается от ранних форм электротерапии, но в данном случае корригирующий элемент разносится по всему телу до тех пор, пока в нем есть необходимость. Потенциальный убийца, протягивающий руку за оружием, бывает остановлен прежде, чем успеет схватить его. Если же, оправившись от паралича, он сделает новую попытку, шок повторится. Вскоре у человека вырабатывается постоянный условный рефлекс, который категорически запрещает нежелательное действие. Это используется только как самое последнее средство и то только после многочисленных

предупреждений, но его могут применить для пресечения *любого* импульса. Стопор может, к примеру, остановить механика от того, чтобы взять гаечный ключ.

Вот почему Стопор всегда вживается для блокировки трех импульсов: полового влечения, убийства и самоубийства. Стопор надежен, но имеет определенные побочные эффекты.

Холлоуэй улыбнулся Мэдж. Угроза Стопора почти так же действенна, как и сам Стопор. А раз так, значит, нет большой разницы, есть он у него или нет. Фред не может позволить этой штуковине влиять на него.

— К несчастью, я фанатик, — сказал он. — И никто из нас ничего не может с этим поделать.

Облегчение улетучилось с лица женщины.

— Но я думала, вы говорили —

— Говорил. Советник что-то подозревает. Но он ничего не может доказать. Он даже не знает, что искать.

— Знает. Он знает, что вы механик.

— Но понятия не имеет, что я делаю здесь. У вас есть наготове история?

Она с несчастным видом покачала головой.

— Нет. Я была не удовлетворена, но это никогда не выливалось ни во что определенное.

— Видите? Он подозревает меня, не вас.

— Меня тоже. Он знает, что я была дома одна. Женщина из дома напротив сказала ему. — Она опустила глаза. — Это не заставит вас остановиться?

— Не заставит. Я уже сделал достаточно для обвинения нас обоих. Если все выплывет, вы отделаетесь предупреждением.

— Но почему вы по-прежнему хотите продолжать? Почему не подождать, пока его подозрения не улягутся.

— Потому что он все равно не забудет. Даже если я приду через шесть лет, он будет охотиться за мной.

Мэдж снова смотрела в окно.

— Но почему бы вам не выполнить такую работу для себя самого? У вас ведь есть кухня, которую вы можете переделать.

— Есть, но это не то же самое. Я не буду ею пользоваться. Художник может написать картину и не заботиться, увидит ее кто или нет. Плодами же моего труда кто-нибудь обязательно должен *пользоваться*.

— Я и близко не подойду к кухне, — сказала Мэдж. — Не буду там ничего готовить.

— Конечно же, будете, — твердо возразил Холлоуэй. И она будет, просто сейчас Мэдж — неохотный союзник. С этим придется что-то сделать.

Из холла внизу донесся какой-то шум.

— Мам! — послышался крик Алисии. Мэдж слабо улыбнулась и встала. — У меня на сегодня запланирована встреча. Мне ее отменить?

— Ни в коем случае, — ответил он. — Придерживайтесь своего обычного распорядка. Вам нечего скрывать.

Он дождался, когда Мэдж и Алисия ушли, хоть и не вместе. Провел быстрый, но тщательный осмотр дома. В задней части, рядом с кухней, располагалась студия-мастерская. Она была оборудована хорошо, но непродуманно. Вероятно, Джорджа, но он на бирже, и у него никогда нет времени по-настоящему использовать ее. Что ж, Холлоуэю она прекрасно подойдет.

Он принес свои инструменты и короткое время поработал в мастерской. Когда все было устроено к его удовлетворению, взял маленький набор и отправился в кухню. В этот раз Фред снял другую панель.

Он собирался делать это систематически, выполняя работу планомерно и последовательно. Теперь не мог; приходилось перескакивать с одного на другое. Ему необходим был результат — и быстро. Он трудился методично, проверяя время. Закончил раньше назначенного себе срока, опробовал то, что сделал, дабы убедиться, что все работает, и вернул панель на место. Сегодня он закончил раньше чем вчера, но за оставшееся время все равно уже ничего бы не успел. Он ожидал гостя.

Холлоуэй убрал на кухне, отнес инструменты обратно в мастерскую и как раз ел, когда прозвенел дверной звонок, наполняя дом музыкой. Он дал ему прозвенеть дважды, и только потом не спеша пошел открывать.

— Алисии нет дома, — сказал он, приоткрыв дверь.

Советник усмехнулся.

— Она мила, но я пришел не к ней.

— Мэдж тоже нет.

— Не будем притворяться. Вы прекрасно знаете, кого я хочу видеть. — Он вошел.

— Не возражаете, если я доем?

Советник пожал плечами, отправился следом за ним на кухню и сел с другой стороны стола.

— Думаю, вам будет интересно узнать, что я разузнал о вас.

— А почему вы не спросили меня? Я могу рассказать вам больше, чем есть в моих досье.

— Мне крайне неприятно видеть, как вы делаете это, Холлоуэй.

— Ну, так не смотрите. Бегите вон, поиграйте с Алисией. Она будет не против.

— Это я тоже намерен сделать, а тем временем буду наблюдать за вами.

— Никогда не приходило в голову, что ошибочна не моя склонность, а ваша функция?

— Приходило. Ответ — нет. Вам не нужно работать.

— Не нужно? Вы имеет в виду — не разрешается.

— Пусть будет по вашему — не разрешается. Вы можете быть кем угодно: художником, ученым, музыкантом. Их много, и некоторые из них весьма успешны в своем творчестве. О таком успехе раньше могли лишь мечтать.

— Bravo им, — отозвался Холлоуэй. — И я не шучу. Я читал историю, знаю, что в прошлом они вели нищенский образ жизни. Это их мир, и я рад за них. Только дело в том, что ... я не один из них.

— Вы могли бы. Ничто не мешает вам быть ученым.

— Кроме меня самого — всего того, чем я являюсь. Я не могу часами сидеть и думать, думать, а потом говорить машине, какие эксперименты провести. Я должен работать руками.

— Вам просто кажется, что вы не способны к абстрактному подходу. Если хотите попробовать, я помогу вам переориентировать ваш взгляд.

— Слишком поздно. Мой прадедушка, бывало, усаживал меня на колено и рассказывал, как он владел ремонтной мастерской. А когда бизнес шел неважно, забирался в свою машину и опраправлялся на поиски слу-

чайных заработков. Он был по-своему замечательным человеком. Прожил сам сто три года, а потом в гериатрии случился большой прорыв, и это добавило ему еще шестьдесят.

— До сих пор я только *предполагал*, что вы можете быть тем самым человеком, но теперь убедился в этом, — сказал советник. — Почему вы мне это рассказали?

— Это есть в документах. Рано или поздно вы наткнетесь бы на эти записи, — пояснил Фред. — Но вы ошибаетесь. Конечно, я знаю о ремонтниках, но это не я ходил по улице третьего дня.

— Разве? Тогда зачем вы здесь? Что вы тут делаете?

Холлоуэй улыбнулся.

— Всякие мелочи для дома. Хотите взглянуть на одну из них? — Он поднялся и повел советника в мастерскую. Остановился перед скамьей. Холлоуэй хорошо потрудился, устраивая в мастерской беспорядок, чтобы она выглядела используемой. — Мой шедевр, — сардонически сказал он.

Советник заморгал.

— Вы же не хотите сказать, что смастерили это здесь, — недоверчиво пробормотал он.

— Не полностью. Этим утром я добавил последние штрихи.

— Это бог знает что, Холлоуэй. Вы не художник. Вы даже не пытаетесь им быть. Это не намеренное уродство, ибо в таком случае это могло бы быть искусством. Это бессмысленно отталкивающее.

— Да, но вы еще не видели его в действии. — Холлоуэй щелкнул выключателем вентилятора, и от потоков воздуха мобайл пришел в движение, головокружитель-

но кружась и раскачиваясь. Советник поморщился от отвращения.

— Выключите. Я увидел достаточно. Никто в здравом уме не пожелает иметь это у себя в доме.

— Я не мастак делать красивые вещи, — отозвался Холлоуэй с напускным смирением. — Но мои творения уж точно могут двигаться.

— Не понимаю, зачем вы продолжаете в этом духе. Это совсем не смешно. Последуйте моему совету и бросьте делать то, что вы делаете. Я пока не знаю что, но обязательно узнаю, если вы будете продолжать. Позвольте помочь вам, пока еще не поздно.

— А что вы можете сделать? Зачитаете мои права и обязанности? Велите заняться другим хобби? — Холлоуэй усмехнулся. — Вам не приходило в голову, что машина не позволяет вам быть врачом-терапевтом по настоящему?

— Я думал об этом. Такой уж большой нужды в терапии и нет, за исключением определенных случаев.

— И я как раз такой случай. Возможно, когда-нибудь я и закончу с вживленным в меня Стопором, но не в этот раз. Я чист. Я сказал вам, что делаю: всякие штучки для дома.

Советник хмыкнул, вернулся на кухню и возобновил расспросы. Холлоуэй больше не помогал ему, и он ничего не узнал. Скоро пришла домой Алисия, и это положило конец его вопросам. Холлоуэй оставил их, как только смог. Быть может, советник сменит один вид преследования на другой. Быть может.

Впрочем, он не особо рассчитывал на это.

Прошло несколько дней. За это время случилось несколько заминок, но Фред с ними справился. Дважды Алисия возвращалась домой неожиданно, и он еле-еле успевал вернуть кухню в рабочее состояние. Советник взял за правило заходить во второй половине дня и оставаться до позднего вечера. Он якобы приходил повидать Алисию и в действительности это и было его главной целью, но попутно высматривал, не удастся ли обнаружить что-нибудь еще.

Внимание Диксона льстило Алисии. Она бы предпочла какую-нибудь знаменитость, но среди ее знакомых таких было мало, и те немногие ее не особенно привлекали. Советник являлся важной персоной, хотя шансов прославиться у него было мало. Как девушка не раз говорила, это могло быть началом.

Это облегчало и в то же время осложняло ситуацию для Холлоуэя. Алисия своенравна. Она никогда не выйдет замуж за того, кто пытается обвинить ее мать. Советник прекрасно это понимал и не давил на Мэдж, как мог бы сделать. Он приберег это для Холлоуэя, который не возражал. Механик к этому привык.

Но ему приходилось противостоять воздействию постоянного надзора. Он позвал Мэдж при первой же возможности. Закончена была пока только часть кухни, но эта часть была автономна. Ее уже можно было использовать.

Он подробнейшим образом разъяснил ей принцип управления и все показал, стараясь, чтоб она поняла.

— Это так сложно, — сказала Мэдж. — Я не запомню.

— Запомните, — заверил ее Фред. — Думайте о том, что делаете и проговаривайте вслух. Это очень просто.

— Я боюсь этим пользоваться, — призналась женщина. — Советник все время околачивается поблизости.

— Об этом я позаботился. — Было важно, чтоб она пользовалась его нововведениями, освоилась с ними. — Если вам надо выйти из кухни, просто скажите. Механизм возьмет работу на себя и закончит приготовление автоматически. Только убедитесь, что никого нет рядом, когда будете начинать. И не бойтесь, что кто-нибудь ненароком откроет тайну. Вы единственная, кто может управлять механизмом. — Холлоуэй мог бы добавить — кроме него самого, но он не собирался им пользоваться и, главным образом, не хотел лишать Мэдж гордости обладания.

Он стоял рядом, пока она опробовала новое устройство. Женщина не сделала никаких видимых ошибок, но первое изделие оказалось несъедобным. Он покачал головой, глядя на ее сияющее лицо.

— Выбросьте это и попробуйте еще раз. Это дело требует определенной сноровки.

— Выбросить? Да ни за что на свете! — Потом она попробовала то, что испекла, и вынуждена была согласиться с ним.

Он отправился в переднюю и стоял на страже, пока она пекла и выбрасывала, потом снова пекла и снова выбрасывала до тех пор, пока не удовлетворилась результатом.

Он не знал, хорошо ли то, что приготовила она, но в том, что сделанное им хорошо, не сомневался. Она целиком и полностью с ним. Никто из них не совершил того промаха, которого, должно быть, так ждет советник.

Он увидел приближающуюся к дому Алисию и крикнул Мэдж. Ей потребовалось не больше секунды, чтоб скрыть то, чем она занималась. Теперь она будет меньше бояться. Довольный успехом, Холлоуэй скрылся в своей комнате, прежде чем Алисия вошла в дом. Раз де-вушка тут, стало быть, и советник не заставит себя долго ждать.

Но в этот раз советник появился только под вечер. Они все были там, включая Джорджа, который добился некоторых успехов на своей придуманной бирже. Как следствие, он был приветлив и разговорчив, свободно предсказывая, что произойдет, когда он захватит рынок. Холлоуэй гадал, что бы он сделал, если б осознал неосуществимость своей мечты — вероятно, слег бы. Но этого никогда не случится. Таких как Джордж много, и Городская Машина ни за что не позволит им сломать свою игрушку.

Мобайл, который смастерил Холлоуэй, находился в темном углу, туго прикрученный проволокой, чтобы не вращался. Это было алиби, но штукавина, определенно, не украшала комнату.

— Мама, — сказала Алисия во время беседы. — Не могли бы мы проявить гостеприимство и предложить что-нибудь нашим гостям?

— Все, я вижу, с бокалами, — любезно отозвалась Мэдж.

— Еду, не напитки, — уточнила Алисия. — Я умираю с голоду.

— Хорошо, я чего-нибудь тебе принесу.

— Нет-нет, сиди. Ты понятия не имеешь, что я хочу.

— Думаю, что и ты тоже, — улыбнулась Мэдж.

Но все же на кухню отправилась Алисия. Вскоре она вернулась, толкая перед собой сервировочный столик.

— Где ты это взяла? — воскликнула девушка, откусывая кусочек печенья.

Мэдж просияла от тихой гордости, которую не осмеливалась показать.

— Новый рецепт, — пробормотала она.

— Делай их почаще, — сказала Алисия. — Вот. Вы все должны попробовать.

Советник посмотрел на свой стакан.

— Алкоголь и мучное лучше не смешивать. Не возражаешь, если я откажусь?

— Возражаю, — заявила Алисия. — На вид они так себе, но вкус изумительный. Попробуй, не пожалеешь.

Со смиренным вздохом советник поставил стакан.

— Ну, хорошо. Но тогда мне нужен кофе.

Она заарканила его. Или он ее, подумал Холлоуэй. А может, они оба попались. Но итог почему-то не был целиком и полностью удовлетворительным. Он тревожился, сам не понимая почему.

Советник в одной руке держал чашку, а в другой маленькое печенье.

— Вкусно, — с удивлением сказал он, попробовав.

— Спасибо, — отозвалась Мэдж. — Я горжусь своей стряпней и выпечкой. — Может, все было бы хорошо, если б она этого не сказала.

Советник взял еще одно печенье и внимательно на него посмотрел. Потом повернулся к Холлоуэю и улыбнулся. Глаза его при этом хитро поблескивали.

— А вы разве не хотите попробовать? — вежливо полюбопытствовал он. Чересчур вежливо.

— Нет, благодарю, — буркнул Холлоуэй. Советник знает, безучастно подумал он. Знает, что я работал на кухне. Он даже может сказать, в какой именно ее части. Его выдал такой пустяк как печенье. Фреда не удивило бы, если б Диксон встал и попросил их с Мэдж следовать за ним.

Но советник этого не сделал. Улыбка его сникла. Холлоуэй догадывался, что происходит у него в голове. Триумф советника включал мать Алисии, и он не представлял, как смягчить удар. Ему с самого начала следовало знать, что так и будет, но до него, видимо, только сейчас дошло, перед каким сложным выбором он оказался. Теперь перед советником встала новая проблема: как отделить вину Мэдж от вины Холлоуэя.

И посему у Холлоуэя по-прежнему есть свобода. Он извинился и ушел к себе в комнату. Советник, кажется, даже не заметил его ухода.

Угроза Стопора замаячила перед ним. Это было неминуемо. Он не может уехать из города. Его выследят и вернут обратно. Советник будет действовать не спеша, понимая, что у Холлоуэя нет выхода. Фред сел на кровать и стал думать. Но что он мог придумать? Если б выход был, он бы уже давно нашел его.

Городская Машина слишком могущественна. Она кормит, одевает и обеспечивает жильем всех горожан, и недовольных, вроде него, всего лишь горстка. Он не художник, не ученый, делающий реальный вклад в науку. Он даже не биржевик, который может сделать вид, что играет важную роль в контроле над производством товаров внутри сообщества и регулировании движения коммерческих потоков в другие города.

Он механик, совершенно бесполезный человек, поскольку машина сама себя ремонтирует и перепроектирует, дабы удовлетворять будущие потребности. Механик против машины — умной машины.

Есть только одна возможность, слабая, но реальная. В центре города располагается Городская Машина, громадное сооружение, в котором размещены самые большие компьютеры и блоки памяти. Было бы бессмысленно пытаться проникать внутрь главного отсека, ибо роботы-ремонтники патрулируют все здание. Их основное назначение — ремонт и настройка, но некоторые из них довольно большие, и против одного человека или даже вооруженной группы они будут весьма эффективны. Они просто опрокинут сопротивление.

Это также относится к подземным заводам и многочисленным районным станциям. У всех у них имеются роботы-ремонтники, способные пресечь любое вторжение на корню. Но есть все же одно слабое место, которым он может воспользоваться. Холлоуэй не знал, сумеет ли вовремя отыскать его, но оно есть.

Он подошел к монитору и набрал Обслуживание. Через пару минут из слота вылезла карта города. Фред разложил ее на кровати. До сих пор он как-то не отдавал себе отчет в том, какой город огромный. Транспорт настолько высокоскоростной, что ему никогда не приходило в голову задуматься над расстоянием. Что ж, тем лучше, что большой. Чем объект больше, чем настоятельнее необходимость разбить его на секции.

Он посмотрел на город. Практически, карта города — это схема машины, а в машинах он разбирается. Вглядевшись повнимательнее, Холлоуэй понял, как она со-

ставлена, и у него возникла неплохая идея, как ее разобрать.

Город начинается в центре, где располагается громадная Городская Машина. На карте центральное здание напоминает большую четырехконечную звезду. Стены изгибаются таким образом, что углы резко сходятся вместе. От этих точек прямыми лучами расходятся линии районных станций, искривляясь по мере удаления от центра.

Схема чрезвычайно проста. Машина контролирует удаленные части через углы. Весь комплекс больших и малых механизмов поделен на отсеки по вполне разумным и понятным соображениям. Если б было еще трое таких как он, они отключили бы город, захватив углы.

Но есть только он. Ему неоткуда ждать помощи, да и времени не так много. Тем не менее, Холлоуэй был убежден, что поменять установки Машины возможно. Что ж, завтра будет видно.

Мэдж бодро приветствовала его, когда он спустился вниз.

— Вчера все прошло просто замечательно, не правда ли? Я так счастлива.

— Милая вечеринка, — сказал Холлоуэй.

— Я не об этом. Такие приятные вечера у нас бывали и раньше. Я имела в виду мою первую настоящую попытку что-нибудь испечь.

— Угу, — буркнул он.

— Советник не переставая нахваливал мое печенье. Алисия съела больше, чем следовало, и даже Джордж попробовал. Вчера днем я убрала их и не думала, что

Алисия найдет, но рада, что она нашла. Меня так и распирает от желания рассказать всем, что я сама их испекла.

— Лучше вам этого не делать, — предостерег Фред.

— Конечно же, я не буду, но соблазн так велик. — Она взглянула на него. — В чем дело? Разве вы не довольны?

— А? Само собой, я доволен. Просто думаю, что делать дальше.

— Не могу дождаться, когда все будет готово. На днях приготовлю жаркое.

— Да, — рассеянно отозвался он. — Но я не могу продолжать, пока не достану кое-какие специальные материалы.

— Надеюсь, это не займет много времени.

— Не займет, — заверил ее Холлоуэй. — А вы пока потренируйтесь с выпечкой.

— О, разумеется, — улыбнулась Мэдж.

Фред поел и отправился на другой конец города в свою квартиру. Он опустошил саквояж и загрузил его другими инструментами, распахав то, что не поместилось, по карманам. Карманы оттопыривались, но не слишком заметно, и в любом случае никто бы не обратил внимания, кроме, разве что, советника, а Холлоуэй надеялся, что не встретит его.

Оборудование было хорошее, миниатюрное и крайне чувствительное, больше подходящее для ученого, чем для проволочного скульптора, коим он притворялся. Кое-что из инструментов ему удалось заказать, остальные он смастерил сам. Тех, что он сделал, насколько ему известно, нет больше ни у кого и нигде.

После этого Холлоуэй отправился к Городской Машине. Здание грозно возвышалось в центре города, насколько огромное, что вблизи почти не было заметно, что стены изгибаются. На первом этаже и на нескольких этажах выше располагались конторы биржевиков, вероятно, уходя на несколько ярусов вглубь. Но Холлоуэй был уверен: перекрестная секция покажет, что сердцевина здания прочно занята Городской Машинной.

Его не интересовали ни конторы, ни даже непосредственно сама Машина. Он спустился на первый цокольный этаж. Там тоже располагалась внешняя защитная зона, комнаты отдыха и различные бытовые службы. Второй подвальный этаж был по большей части таким же, хотя бытовых служб там оказалось меньше...и он не смог пройти на третий уровень.

Это хорошее указание на то, что именно туда ему и надо.

Вниз вела лестница, но она заканчивалась тяжелой металлической дверью с механическим замком. Он прислонился к стене и сделал вид, будто ждет кого-то, а сам тем временем изучал запор. Машина, похоже, полагала, что запрет на механиков истребил все технические способности и, таким образом, в тщательных мерах предосторожности нет нужды. Замок был хороший, но не настолько, чтоб он не смог с ним справиться. Улучив момент, когда никто не смотрел, Холлоуэй вставил отмычку, повернул ее, и дверь открылась.

Третий уровень не предназначался для общественного пользования. Главный коридор был широкий и низкий, а ответвляющиеся в стороны проходы были еще ниже, и крайне узкие. Не обращая внимания на детали,

Холлоуэй пошел вперед в надежде, что чувство ориентации подскажет ему, когда он приблизится к цели. Вдруг коридор резко пошел вверх под немыслимым углом, и ему пришлось возвращаться назад.

Ремонтная машина проехала мимо, и он застыл у стены. Она сканировала его единственным глазом и показала дальше. Люди на этот этаж не допускаются, поэтому фактор узнавания у этого механизма не был предусмотрен. Ему повезло.

Он долго изучал стену прохода, прежде чем нашел то, что искал. Это была металлическая дверь, практически сливающаяся со стеной и поэтому почти невидимая. Она располагалась не совсем на углу здания, но достаточно близко, чтобы подтвердить его предположение. Холлоуэй вытащил инструменты и изучил дверь дюйм за дюймом. Инструмент не выявил ничего, кроме того что дверь толстая, а проверка алмазным резакom показала, что она твердая. Значит, он на правильном пути. Дверь защищает что-то важное.

Другие инструменты дали ему возможность отыскать запирающий механизм. Повторяющиеся проверки определили, что он электронный. Дважды за это время ремонтная машина проезжала мимо, и хотя, возможно, в этом не было необходимости, он прятался в примыкающий боковой коридор, пока опасность не минует.

Следующим делом он взломал электронный импульс, который отпирал дверь. На это потребовалось несколько часов, но, в конце концов, дело было сделано. Дверь открылась. Ему повезло — все могло быть гораздо сложнее. Городская Машина не сознавала своей уязвимости в этой точке, не предполагала, что эту дверь

нужно защищать от чего-то еще, кроме механических повреждений. В противном случае он ни за что бы сюда не попал.

Но он теперь здесь, и он убедился, что это то самое место. Над ним было, по меньшей мере, сорок футов бетона и стали, и еще больше внизу и с каждой стороны. Вдоль задней стены подвала проходил коммуникационный кабелепровод. Управление целым городом, да даже только четвертой его частью, требует немыслимого количества сигналов в секунду. Коммуникационный кабелепровод должен быть большим, чтобы справиться с этой задачей. Он был футов шесть в диаметре там, где изгибался и уходил в бетонный пол в задней части подвала.

Фред изучил дверь изнутри, тщательно обследуя запирающий механизм инструментами. Принцип действия оказался обычным, но изготовлен был на совесть.



Он мог выдержать почти что угодно, направленное против него. Это затрудняло его задачу, но, в конце концов, это же его и спасло.

Когда Холлоуэй узнал все, что мог, он закрыл дверь, оставив большую часть своих инструментов внутри. Потом восстановил электронный сигнал, иначе Городская Машина могла отправить робота-ремонтника проверить. Последнее, явно, случалось не часто, возможно, раз в десять лет. Тут он не слишком рисковал.

Вернулся он тем же путем, каким и пришел. Дверь между третьим и вторым цокольными этажами оказалась труднее открыть с этой стороны, но он просунул руку между прутьями и проделал все вслепую.

Второй этаж был пуст. Фред спешил уйти. Он мог бы выбраться из здания, даже если б оно было закрыто, но не хотел привлекать внимания. Холлоуэй испытал облегчение, увидев, что на первом этаже кто-то есть. Он будет не единственным, уходящим в такой час.

Он специально прошел близко от мужчины, огромного дюжего малого с широченными плечами. Приблизившись, заметил, что глаза у мужчины покрасневшие и часто моргают. Он взглянул еще раз и резко сменил направление. Руки парня конвульсивно сжались.

Нет, ему ни на секунду не грозила опасность, но все равно Холлоуэй был рад, что не подошел ближе. Мужчина заСтопорен, вероятно, из-за того, что склонен к физическому насилию. Эта склонность читалась в его напряженном теле...но Стопор ее пресек.

Холлоуэй никогда не возражал против этого устройства, если ничего больше нельзя сделать. Но он не хотел его для себя. Этот человек — мрачное напоминание

о том, что может с ним случиться. Он покачал головой и пошел дальше.

На первом этаже все еще было несколько человек. Фред смешался с ними и покинул здание.

В тот вечер Фред, извинившись, рано ушел к себе в комнату. Он набрал Обслуживание и заказал ряд мелких инструментов, а как только они прибыли, разобрал их на части, кое-что в них изменив. Когда стало клонить в сон, он покемарил несколько часов.

На следующее утро Холлоуэй подождал, пока Джордж не ушел в контору, спустился вниз и съел легкий завтрак, уклонившись от расспросов Мэдж. Потом продолжил работу над устройством, которую начал вчера, и закончил ее незадолго до полудня.

Фред изучил готовое устройство поминутно на наличие дефектов. Механических дефектов не обнаружилось. У него не было времени проверять его на теоретические несовершенства, но до того, как минует опасность, оно будет проверено. Должно выдержать.

Холлоуэй вновь загрузил саквояж, набив его до отказа, а то, что не вошло, рассовал по карманам, после чего отправился к зданию Городской Машины и спустился на третий подвальный этаж. Он начал трудиться над запором, и вскоре тот открылся. Фред заменил оригинальный механизм, приводящий замок в действие том, что сделал сам. Много времени это не отняло. Потом опустошил карманы и саквояж внутри отсека.

После этого он закрыл дверь и проверил замок. Понималось тихое жужжание, когда молекулярная связь между дверью и стеной завершилась. Дверь была заперта — но теперь это был его замок.

Потом он сделал еще несколько ходок между Городской Машиной и своей квартирой, поскольку не мог пронести много за один раз. В конце елнцов, принес все, что, по его мнению, ему понадобится. Теперь он был готов. Настолько готов, насколько это вообще было возможно.

Фред вернулся в дом Вудруфов и поднялся в свою комнату. Снял куртку, но больше ничего снимать не стал. Он так устал за эти двое суток почти непрерывной напряженной работы, что в изнеможении повалился на кровать и тут же уснул.

Первым, что он увидел, разлепив глаза, был советник. Холлоуэй откатился на другую сторону, но там стояли Мэдж и Алисия. Он был слишком занят, чтобы принять во внимание такую вероятность. Следовало быть готовым и к такому повороту событий. Он ведь прекрасно знал, что советник рано или поздно примет решение.

— Мы поговорили по душам и во всем разобрались, — сказал советник. — Это нелегко, но это должно быть сделано.

— Так будет лучше для всех, — проблеяла Мэдж. — Я рассказала ему. Это не может так продолжаться.

— Лучше для вас, — прорычал Фред. — Могли бы подумать обо мне, прежде чем начать трепать языком. — Он сел, и советник сунул руку в карман и предостерегающе покачал головой.

— Нам дадут еще один шанс, — выпалила Мэдж. — Мы пройдем курс лечения, вот и все. С нами все будет в порядке.

— Ага, — огрызнулся Холлоуэй. — С вами. У меня это уже третий раз.

Мэдж нахмурилась и озадаченно посмотрела на советника.

— Вы мне этого не сказали. Вы не сказали, что он в шаге от Стопора.

— Не было необходимости. Я защищаю вас от лояльности к недостойному человеку.

Он вытащил из кармана парапистолет. Холлоуэй был уверен, что он у него есть. Только советникам разрешается носить оружие, но они редко это делают. В данном же случае было ошибкой продемонстрировать его.

— Ты должен был рассказать ей все, — виещалась Алисия. — На самом деле, должен был. Моя мать способна сама принимать решения. Как и вся наша семья.

— Не слушайте его, — заявил советник. — Он хочет заставить вас думать, что у него есть шанс. Его нет. Я просто пытаюсь не дать ему совершить какую-нибудь глупость.

— Но он верит, что у него есть шанс, — возразила девушка. — Я знаю, мама хочет, чтобы у него этот шанс был, раз он сам так считает. — Она обошла кровать.

— Алисия, — предостерегающе пробормотал советник.

— Я не слишком высокого мнения о мужчине, который направляет на меня оружие. И я совершенно уверена, что никогда не выйду замуж за человека, который скрывает жизненно важную информацию от моей матери. Я никогда не стану разговаривать с тем, кто держит на мушке безоружного, дабы удостовериться, что тот не сбежит. — Алисия положила руку на пистолет и

посмотрела на советника. Она была молода, уверена в себе и имела принципы.

— Он не может далеко уйти, — сказала она. — Подумай, каково ему будет жить всю оставшуюся жизнь со Стопором. А если не хочешь подумать о нем, подумай о нас. Я не желаю, чтоб он стоял перед моим домом и смотрел на меня всякий раз, как я выйду на улицу, бессмысленно глаза только потому, что ничего другого делать не может.

Она забрала оружие у советника и прицелилась в него.

— С другой стороны, я могу выстрелить.

— Ты не должна этого делать, — сказал советник.

Алисия пожала плечами.

— Может и не должна. Но ты мужчина крепкий, выдержишь. А я создание нежное.

Холлоуэй спустил ноги с кровати и широко улыбнулся ей.

— Спасибо, милашка. Ты не пожалеешь об этом.

— Не стоит благодарности, и я уже жалею. Лучше уходи поскорее, пока мое чувство справедливости не взяло верх.

Фред натянул куртку, удостоверившись, что все мелкие инструменты в карманах. Направился к двери и поманил Алисию к себе. Советник беспомощно наблюдал за ними.

— Не удерживай его слишком долго, — прошептал он.

— Десяти минут будет достаточно. Постарайся не дать ему позвонить в полицию. Если он потеряет мой след, скажи, что я отправился в Городской Центр.

Глаза девушки расширились.

— Ты уверен, что хочешь пойти именно туда?

— Это мой выбор. Не волнуйся. Если я проиграю, если мне поставят Стопор, я не буду преследовать ни тебя, ни твою мать.

— Слава богу, — облегченно вздохнула девушка. — Он не понимает, что это значит.

— Умница. — Холлоуэй легонько коснулся губами ее щеки и сбежал вниз по лестнице. На улице он встретил Джорджа, идущего домой, но тот не узнал его, а Холлоуэй его не окликнул. Он торопился к ближайшему транспортному узлу. Ему хотелось, чтоб советник последовал за ним, но не сразу. Его план не зависел от этого целиком, но было бы лучше, если б ему не пришлось на каждом шагу бояться, что его могут схватить в любую минуту.

Он перешел на самую дальнюю станцию и поехал к Городской Машине. Теперь его больше всего беспокоили полицейские роботы. Они редко используются, и может потребоваться какое-то время для их активации, даже если советник уже позвонил. Холлоуэй не заметил ни одного, приблизившись к месту назначения.

В некоторых офисах горел свет. Ни у кого из биржевиков не было причины находиться там в такой час, но они, похоже, не знали когда прекратить работу, и уже хотя бы за это Холлоуэй в этот раз был им благодарен. Нулевой этаж открыт, и он не привлечет ничьего внимания.

Фред вошел ... и заметил полицейского робота. Это была громоздкая танкообразная модель, больше подходящая для отражения вторжения, чем ареста одного

невооруженного человека. Холлоуэй прошел мимо, но хотя робот и проследил за ним своим глазом, он его не остановил. Однако, понервничать заставил.

Минус первый этаж тоже был открыт, и вновь ему удалось не привлечь к себе нежелательного внимания. Он никому не сказал, какова его конкретная цель в Городском Центре. Они, вероятно, ждут, что он пойдет наверх.

Дверь на второй уровень была заперта, и Холлоуэю потребовалось несколько минут, чтобы ее открыть. Он аж вспотел от волнения, ибо если до сих пор Городская Машина не подозревала о его присутствии, то теперь она предупреждена. С этого момента она будет знать о каждом его шаге, и все должно быть сделано быстро.

Как только ему удалось отпереть дверь, он побежал к проходу на третий подвальный уровень. С этой дверью тоже возникли проблемы. Небольшие, но пальцы его были неловкими от спешки, и справиться с запором удалось не сразу. Он услышал где-то позади себя крик. Советник наступал ему на пятки, и он, разумеется, был не один. Холлоуэй повернул отмычку и быстро спустился на третий уровень. Маленькая машина неслась на него, но она была слишком мала, и он просто отпихнул ее ногой и побежал дальше. До него донесся грохот робота полицейского, съезжающего вниз по лестнице. С другой стороны приближалась какая-то большая машина.

Но они опоздали. Они все опоздали. Фред приблизил лицо к двери, та открылась, и он захлопнул ее за собой.

На какое-то время он в безопасности. Холлоуэй нащарил рукой выключатель и зажег свет. Все было так,

как он оставил. Снаружи уже прибыл полицейский робот, и советник и, возможно, Алисия. Но он их не слышал. Он не сможет услышать ничего, пока не доставят специальное оборудование, чтобы протолкнуть звук сквозь толстенную дверь.

Долго ждать ему не пришлось. До этого Машина, возможно, не особенно беспокоилась, но теперь, когда стало известно, где, она развила бурную деятельность. Машина прекрасно знала, что находится за этой дверью.

Послышался голос советника, слабый, но вполне различимый. Снаружи был прилажен контактный микрофон.

— Не знаю, что ты пытаешься сделать, Холлоуэй, но этой выходкой ты ничего не добьешься. Выходи и облегчи свою участь.

— Ты имеешь в виду, что я не буду за *Стопорен*?

— Сразу — нет, даже несмотря на то, что это обычная практика. Ты пройдешь тщательное обследование. Возможно, есть что-то еще, что мы может сделать для тебя.

В качестве уступки такое предложение не выглядело слишком привлекательным.

— Нет уж, спасибо. Войдите и схватите меня.

— Не думай, что мы не сумеем. Это произойдет, как только машина, обслуживающая эту часть здания, доберется сюда. Мы не собираемся применять силу без крайней необходимости.

Советник искренне верил, что говорил за себя. Машина всегда предпочитала иметь дело с бунтарями через других людей. Это делало демонстрацию власти

менее очевидной. Прежде чем закончить, он кое-что немного изменит.

— Лучше планируйте применение силы, — посоветовал Холлоуэй. Это было сказано для полицейского робота. Через него его ответы будут переданы Машине. Чтоб занять себя чем-то на время ожидания, он начал собирать оборудование.

Прошло несколько минут.

— Холлоуэй, — позвал советник.

— Да?

— Машина говорит мне, ты сменил код. Умно, но этого недостаточно. То, что ты изменил, Городская Машина может расшифровать.

— Теоретически может, но бьюсь об заклад, что у нее не выйдет. — Очень скоро они поймут, что он имеет в виду.

Последовала короткая пауза. Советник очень старался не выдать голосом своей озабоченности.

— На это может потребоваться время, но рано или поздно мы попадем внутрь. Вопрос в том, будешь ли ты к тому времени еще жив? На сколько тебе хватит воздуха?

— На столько же, на сколько и вам там. Я принес воздуховосстановитель.

После этого микрофон отключился, и наступила тишина. Активные действия за дверью не прекратились, но они скрывали от него, что делают. Холлоуэй работал над воздуховосстановителем до тех пор, пока не собрал его. Включил крошечный атомный моторчик, и спертый воздух почти тут же освежился. Запаса воды у него тоже хватит на довольно длительное время.

Фред услышал слабое гудение микрофона.

— Холлоуэй, мы теряем терпение, — крикнул советник.

— Я тоже, — ответил он. — Давайте ускорим события. Может, вам поможет, если я скажу, что вы никогда не найдете электронный код. Я сменил его на акустический замок.

Голос советника дрогнул.

— Акустический, не акустический — не имеет значения. Мне поручено передать тебе, что мы можем сжечь дверь.

— А от кого ты получаешь инструкции? — Ответа не последовало, да Холлоуэй его и не ждал. — Валяйте, жгите. Это термосталь.

— Да. Но ее можно расплавить.

— Конечно, но я буду мертв задолго до того, как она размягчится настолько, что через нее можно будет прорваться.

— Верно, но Машина готова на это пойти. Обычно, она не отнимает человеческую жизнь, но в крайних случаях такое развитие событий не исключается. Городская Машина уполномочена на такие действия ради общего блага. Думаю, этот случай можно назвать крайним. Ты опасный человек.

— Чертовски верно, я опасный, — отозвался Холлоуэй. — Валяйте, устройте тут маленький ад, и увидите, что я сделаю.

Советника прервали прежде, чем он успел ответить, и Холлоуэй усмехнулся. Это означало, что за дверью толпа, и Машина не хочет, чтоб он разгласил информацию. Но мысль прозвучала, а слово, как говорится, не воро-

бей. Мало кто сочувствовал ему, но новость быстро разлетится.

Послышался новый голос, резкий и металлический — голос одного из больших полицейских роботов. Он был на один шаг ближе к власти.

— Вы по оплошности проговорились, — сказал робот. — Со временем мы бы сами это обнаружили, но вы сэкономили нам время, сказав, что замок управляется акустически. Выходите и избавьте себя от часа беспокойства.

— Вы полагаете, я проговорился? — хмыкнул Холлоуэй. — Я хотел показать вам, что есть еще кое-что, чего вы обо мне не знаете. Так позвольте, я расскажу вам больше об этом замке. Он изготовлен вручную, причем гораздо лучше, чем любая деталь массового производства. Он крепкий. Вам не открыть его с наскока при помощи шумовых помех. Вы должны произнести строго определенные слова, иначе он не сдвинется с мертвой точки. Если б я хотел сделать для вас задачу действительно тяжелой, я бы настроил замок на свой голос. Но мне не хотелось, чтобы проблема была совсем уж неразрешимой.

— Есть еще какая-либо информация, которую вы желаете разгласить? — Городская Машина хорошо знала математику того, чему противостояла.

— Конечно. Механизм не имеет временного промежутка, за исключением того, что отпущено на инерцию частей. Я запрограммировал его на одно законченное сообщение из трех слов в одну секунду.

— Значит, замок открывается тремя словами?

— Да. Он отреагирует чуть меньше, чем в одну секунду на эти три слова. Давайте посмотрим, сможете ли вы их найти. Я выйду, если найдете.

— Эти слова будут найдены. Вы были психометрически обследованы много раз. Вдобавок у нас имеется список всех книг, которые вы прочли или просмотрели. Ваши возможности известны лучше, чем вы думаете.

Холлоуэй улыбнулся. Досье содержит огромное количество информации о нем — но этого недостаточно. Машина знает его словарный запас, который состоит, приблизительно, из пятидесяти тысяч слов, но которые пятьдесят тысяч? Она может установить ядро — где-то от тридцати до сорока тысяч наиболее часто употребляемых им слов, но после этого окажется в затруднении. Остаток ей придется выбирать из гораздо более длинного списка английских слов, а это приблизительно шестьсот тысяч. А если добавить разные глагольные формы и множественное число существительных, действительная сумма слов, которые он знает или может знать, возрастет во стократ.

По меньшей мере, машина вынуждена будет определить для него возможный словарь из, примерно, двух тысяч слов. Из этих двух тысяч ей придется рассмотреть любые возможные словосочетания, состоящие из трех слов, а это 8 на 10 в пятнадцатой степени комбинаций. При скорости одна комбинация в секунду машина за один день сможет прогнать через себя восемьдесят тысяч четыреста словосочетаний. Такими темпами машине потребуется не один десяток лет, чтобы исчерпать все возможности — несколько миллионов.

Городская Машина немедленно возьмется за решение задачи и будет решать ее методически. Она сразу же подключит к делу машины, способные произнести три слова в секунду. Другим машинам будет отдано распоряжение удостовериться, что не будет повторений.

И она не станет действовать одним только методом проб и ошибок. Вначале машина попытается определить, что он вероятнее всего может сказать. Первым делом она проанализирует эти ответы. Что ж, она знает о нем много, но не все, и в этом суть. Машина взяла на себя труд узнать о нем, или о любом другом, лишь то, что поможет ей предсказать в общем, как он впишется в общество. А он не вписался.

Холлоуэй выключил свет. Пол был твердый, но его это не волновало. Он был надежно защищен простой математической составляющей проблемы.

Фред проснулся от ощущения вибрации. Он заморгал, прогоняя сон. Узнать источник вибрации не составило труда: три слова в секунду выкрикивались в контактную зону. С этой стороны двери они различались только как слабые колебания.

Он взглянул на время. Прошло восемь часов. Машина проработала меньше тридцати тысяч комбинаций. Этот аргумент должен быть вполне убедительным.

Он сделал маленький глоток воды. Осталось не так много, и ему надо быть экономным. Еды тоже нет. Он про нее забыл. Но Городская Машина об этом не знает.

Холлоуэй зевнул, включил свет и оглядел оставшееся оборудование. Оно было почти готово к работе. Тут не-

много подогнать, там чуть-чуть подрегулировать, и все будет на мази. Он подкатил маленькую машину к коммуникационному кабелепроводу, установив ее под нужным углом и на некотором расстоянии от огромной легированной трубы. Настроил механизм на слабый заряд и длительность в одну микросекунду. Снова зевнул и нажал кнопку включения.

— Это саботаж, — произнес голос сквозь дверь. Это был не советник, и не полицейский робот, хотя, без сомнения, он говорил через робота. Невозможно было ошибиться в том, что с ним говорит сама Городская Машина, далекая, таинственная и бездушная. Вот теперь можно перейти к делу.

— Я должен был привлечь твоё внимание.

— Ты мог бы заговорить. Я слушала, как ты там перемещаешься.

Холлоуэй улыбнулся. Машина слушала с тех пор, как прибыл полицейский робот, но ничего не говорила до сих пор.

— Это хорошо. Возможно, ты желаешь обсудить условия.

— Нет и не будет никаких условий. Ты подчиняешься тем же законам, что и все остальные. Я могу делать лишь то, что мне предписано делать.

— Я говорил не о законах...но думаю, что могу изменить твою реакцию на мои предложения. — Холлоуэй прошел к своему аппарату и кое-что перенастроил. Потом вновь нажал кнопку включения. На этот раз вмешательство в сигналы, проходящие через кабелепровод, длилось дольше.

Он хорошо представлял себе, что происходит. На четвертой части города двери перестали открываться или стали самопроизвольно распахиваться и оглушительно хлопать. Пар начал беспорядочно вырываться из холодных и горячих кранов, или же вода вообще пропала. Еда готовилась в рекордное время, а затем выбрасывалась, подгоревшая и дымящаяся, в кухни. Повсюду на подземных заводах сборочные конвейеры побежали в обратную сторону, безнадежно перепутывая продукцию. Транспорт начал двигаться рывками, а потом и вовсе встал. В это время выключатель прервал вмешательство.

— Прекрати саботаж, — приказала Городская Машина. — Останови это немедленно, или я остановлю тебя.

— Ты, разумеется, можешь, но я не думаю, что ты на это пойдешь, — отозвался Холлоуэй. — Тебе придется пожертвовать слишком многим — четвертой частью города, если быть точным. Ты ведь уже убедилась, что я могу вывести ее из строя прежде, чем ты прорвешься сюда?

Ответа не последовало. Главная обязанность Городской Машины — защищать всех, но в данный момент она была не способна это сделать.

— Подумай над этим, — продолжал Холлоуэй. — Ты рассматриваешь вариант эвакуации этой части города, переселения людей в те районы, которые мне недоступны? Это возможно, но тогда возникнет перенаселение и волнения: люди начнут задаваться вопросом, достаточно ли эффективна Машина, в состоянии ли она защитить и обеспечить их.

— Основной жизненный уклад города нельзя изменить. Закон есть закон.

— Я не предлагаю тебе менять никакие законы. Перераспредели. Спроси советников. Они согласятся, что перераспределение давно назрело. — Он отыскал одно слабое звено Городской Машины. В будущем, безусловно, эта брешь в защите будет надежно устранена, но в данный момент Машина у него в руках.

Последовала небольшая пауза, пока Машина проверяла и перепроверяла его предложение.

— Это ответ на дилемму. Но я не могу этого допустить. Ты не вступишь ни в одну производственную линию.

— Да кому это нужно? Ни один уважающий себя механик не станет заниматься такого рода работой, если можно этого избежать. Но я могу переделывать уже сделанные вещи. Могу изготавливать всякие незначительные мелочи, слишком пустяковые, чтобы ради них задействовать производственные мощности. Всякие единичные механизмы, которые никому никогда больше не понадобятся.

— Это *может* быть сделано, — признала Машина.

— И еще одно, — сказал Холлоуэй. — Повара тоже должны быть переклассифицированы.

— Повара?

— Конечно, если на первое место поставить вкус пищи, а не ее питательность. — Это не было альтруистическим жестом. Одна из причин заключалась в том, что у него должна будет появиться группа людей, которым понадобятся его услуги. — Спроси у советников, если не веришь мне, но только не затягивай надолго. Достаточно

но мной помыкали. Пришла моя очередь диктовать условия, чтобы получить желаемое. — Холлоуэй ухмыльнулся. Ближайший советник, у которого Машина может спросить совета, находится прямо там, за дверью, а он будет готов согласиться с чем угодно, если это помирит его с Алисией.

Он уже засомневался, заговорит ли Машина с ним снова, но она заговорила.

— Переклассификация механиков и поваров была произведена. И те, и другие — художники. Какой код, открывающий эту дверь?

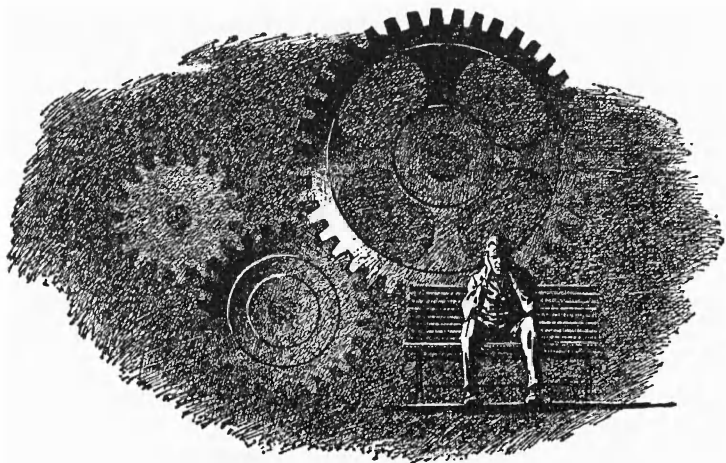
— Вот видишь, как легко переклассифицировать, когда начнешь, — отозвался Фред, подходя к двери. Теперь уже Машина не отменит своего решения. Единственная имеющаяся у нее эмоция — эффективность, а всегда наиболее эффективно оставить *status quo* таким, каково оно на данный момент. А сейчас он — гражданин на хорошем счету. Холлоуэй наклонился к замку и прошептал слова.

Дверь открылась, и полицейский робот позволил ему уйти, блокировав вход, как только он вышел.

Маленькая фигурка стремительно отделилась от толпы и кинулась ему на шею. Она была теплой и темпераментной.

— Ты сделал это, — выдохнула она, оторвавшись от его губ. — Ты сделал это в одиночку. — Фред опустил взгляд и заметил, что это Алисия. Она очень мила, но не ее он надеялся увидеть.

— Подожди меня, — пробормотала девушка, серьезно взирая на него. — Я обещала выйти за советника, но через год это закончится, и тогда я выйду за тебя.



Кто-то еще прокладывал себе дорогу сквозь толпу, протискиваясь и толкаясь, чтобы добраться до него.

— Он не женится на тебе ни сейчас, ни через год, вообще никогда. Он был занят задолго до того, как встретил тебя.

Это была чудесная, терпеливая Энни, которая всегда знала, что он должен сделать то, что должен. Она позволила ему упорно идти намеченным курсом, надеясь, что для нее еще что-нибудь останется после того, как он дойдет. И он дошел до конца...или это только начало? Фред высвободился из объятий Алисии и шагнул навстречу Энни.

Он думал, что женщины ушли на кухню, но их не было слышно. Должно быть, они во дворе, любовятся цветами или наверху болтают о разном. Советник взглянул

на мобайл в углу и ухмыльнулся. Похоже, это выражение нелегко ему давалось.

— Быть может, мне следовало тебе помочь, — сказал он.

— Как ты мог? — отозвался Холлоуэй. — Твоя работа — защищать *status quo*. Это ведь меня он не устраивал, стало быть, мне и надо было что-то делать, чтоб его изменить. — Он тоже посмотрел на мобайл. — Я больше не занимаюсь изготовлением таких штук.

— Что само по себе уже немалое достижение, — заметил советник с кривой улыбкой.

Холлоуэй хмыкнул.

— Думаю, не только это. Другим я тоже помог.

— Мэдж?

— Частично. Но самое главное — это прецедент для перемен. Он распространится от города к городу. Есть и другие неудовлетворенные, но они пока еще сами этого не сознают.

— Я не вижу никаких несоответствий.

— А как насчет твоей сферы? Мне кажется, вы слишком уж сильно полагаетесь на всякие тесты, таблицы и графики, помещая человека в соответствии с ними туда, где, по вашему мнению, ему место. И при этом часто упускаете из виду реальную личность. — Холлоуэй ухмыльнулся. — Что, к примеру, ты можешь поделать с женщиной, которая намерена менять мужа каждый год?

— Она забудет про эту глупость, — ответил советник и оглянулся, дабы убедиться, что никто не подслушает. — Забудет, даже если мне придется нарушить все законы терапии.

Так он думает сейчас, но сохранит ли свою убежденность, когда действительно до этого дойдет. Холлоуэй видел, что эта мысль завладела советником, но, тем не менее, она не доставляла ему удовольствия. Возможно, поэтому он сменил тему, услышав, как женщины входят в дом.

Советник прочистил горло.

— Я понимаю, почему было так трудно, но что же это был за вербальный код, который машина не смогла обнаружить?

— Это было любимое выражение моего прадедушки, — ответил Холлоуэй. — Я часто слышал это от него, но ни разу не встречал ни в одной книге. Может, потому, что читал не те книги. Как бы то ни было, оно показалось идеальным для моих целей. — Он поставил все свое будущее на три слова, три простых слова. Целых восемь часов они сбивали с толку мозг гораздо более быстрый, чем у любого человека.

— Какое-нибудь детское выражение?

— Я говорил тебе, что не знаю, откуда эта фраза взялась, была ли за ней какая история. Единственное, что мне известно, это что прадедушка произносил всякий раз ее, когда показывал, как решить какую-нибудь сложную задачу, которую он мне поручил. — Холлоуэй крутанул мобайл и понаблюдав, как заморгал советник. — Только слова нужно произнести именно так и точно в таком порядке. Вот она, кодовая фраза: «Сел сам, откройся».

— Да уж, ухмыльнулся советник, — теперь я понимаю, почему Машине этот орешек оказался не по зубам.

Все генеральные

Робот-уборщик сипло закашлялся, прямо как тюлень, у которого в глотке застряла рыбина, и стал суетливо, беспорядочно двигаться, шумно фыркая и всасывая пыль.

Ремонтник вытер руки.

— Малыш работает, — сказал он.

— Не слишком хорошо, — возразил Ларри Мосс.

— Да, но работает. А чего вы хотите?

— У него пожизненная гарантия.

— Имеется в виду жизнь устройства. Как только в первый раз что-то пойдет не так, тут и конец гарантии. Говорите спасибо, что он вообще еще бегаёт.

— Но робот относительно новый, — проворчал Ларри.

— Я видел пятнадцатилетних в лучшем состоянии, чем этот.

— Вот как? И у кого же?

— У одного моего друга, — ответил Ларри.

— Он работал на Генеральный ТехСнаб?

— Да.

— В том-то и разница. Для жилснабовцев они делают технику не того же качества, что для себя.

Ларри не обратил внимания на объяснение. Он с опаской наблюдал, как уборщик приблизился к камину. Робот осторожно протянул конечность в сторону золы, и защитный экран услужливо сдвинулся кверху, осво-

бождая ему дорогу. Когда шланг выдвинулся примерно на фут, экран резко опустился, но все же робот оказался проворнее и во время убрал шланг.

— Видите? С его реакциями все в порядке, — сказал ремонтник.

Уборщик стоял перед камином, дрожа мелкой дрожью. Он вновь выдвинул хобот, но когда экран поднялся, не принял приглашения. Он сотрясся всем корпусом, после чего покатил прочь и принялся пылесосить книги.

— Закончили? — спросил Ларри у ремонтника, который собирал инструменты в свой чемоданчик.

— Если больше ничего нет. Я посмотрел посудомойку, плиту, кровать и панораму. Это все, что покрывается договором по обслуживанию, верно?

— Кажется, да. Но должен сказать, ничего не работает так же хорошо как тогда, когда я покупал дом.

— На вашем месте я бы этого не говорил, — прорычал ремонтник. — Невежливо это — жаловаться на свое жилище, когда вы работаете на Генеральный ЖилСнаб. Вы ведь работаете на него?

— Ну, у меня же есть дом.

— Может, он вашей жены.

— Я работаю на ЖилСнаб. Она — в Культуре.

— КультСнаб? Бьюсь об заклад, у нее есть в запасе парочка трюков. — Мастер многозначительно ухмыльнулся.

Ларри промолчал. По-видимому, работяга спутал Культуру с Досугом.

— Больше ничего не можете сделать с этим уборщиком?

— Малыш шумноват, но он работает. Если вас раздражает шум, можете запускать его, когда вас нет дома.

Пока он это говорил, уборщик взял книгу и сильно дунул на нее, взметнув облако пыли. Ларри двинулся было к нему, но мастер его остановил.

— Спокойно. Дайте ему шанс показать, что он знает, что делает.

Несколько маленьких хоботков выдвинулись из туловища робота и стали всасывать пыль. Тем временем, главное ответвление широко открылось и стало заглатывать книгу. Книга медленно прошла по трубе и, достигнув туловища, так же медленно двинулась в обратную сторону и, в конце концов, появилась из выходного отверстия несколько помятая, но невредимая. Робот вернул книгу на полку, завибрировал, покатился в другую комнату и забрался на стол.

— Видите? Он не повредил книгу, — заметил ремонтник.

— Я предпочитаю плоские книги, — возразил Ларри.
— А зачем он залез на стол?

Почесав голову, мастер пошел за ним.

— Тут вы меня поймали. Можно использовать его для очистки тарелок.

— У меня есть посудомойка, которая убирает посуду.

— Да, но этот малыш такой милашка.

— Он не нужен мне на столе.

— Может, он позабыл шестьдесят третий закон роботов, — заявил мастер.

— А что говорится в шестьдесят третьем законе роботов?

— Не ждите, что я помню, — ответил ремонтник. — Роботы и сами забыли. Знаю только, что если случаются какие неполадки с этими малютками, это обычно шестьдесят третий закон. Впрочем, с этим мы разберемся.

Мастер сбросил робота со стола. Тот упал на пол, зажужжал и начал забираться обратно. Ремонтник пнул его, и робот остановился и вопросительно загудел. Мастер вновь его пнул. Уборщик бежал в кухню, открыл дверцу духовки и забрался внутрь.

— Ну вот, со стола мы его убрали, — сказал мастер.

— Но в духовке он мне тоже не нужен.

— Вы же умный человек, и вы в состоянии придумать, как выманить его оттуда. Включите духовку, и от жары он быстренько сам вылезет.

— Да, наверное, — отозвался Ларри. — Просто мне кажется, это плохой дом, если все устройства в нем работают как придется.

— Послушайтесь моего совета, приятель. Не говорите этого никому, кроме меня, да и мне больше не говорите, — строго отчитал его мастер. — Никогда не слышали о генеральных законах?

— Я так же предан Генеральным, как и вы. Просто считаю, что все в доме должно функционировать идеально.

— Ну и напрасно, — отрезал мастер. — Это самая настоящая развалюха. Вы знаете, что истратили больше сорока пяти тысяч жизненных часов на эту хибару?

— Это считая всех, — возразил Ларри. Нас трое, и мы живем тут меньше четырех лет.

— Дом все равно изнашивается, даже если в нем никого нет. Он должен быть распределен пропорционально, — сказал мастер. — Почему бы вам не купить новый? Тогда вы будете довольны.

Ремонтник ушел, прежде чем Ларри успел ответить, и он все еще обдумывал, что должен был сказать, когда пришла Пегги. Пегги была медной блондинкой, что являлось стандартом для Генерального КультСнаба. Этот стандарт не являлся обязательным, просто средство социальной идентификации. Почти для всех медные блондинки означали Культуру, и Пегги была блондинкой, точно так же, как носила бы книги и логарифмическую линейку, если бы работала в ПросветСнабе.

Она открыла двери.

— Пришел пораньше?

— Я должен был сегодня починить технику.

— О, да, я вижу. Тут полный кавардак.

— Сейчас в доме чище, чем за последние пару месяцев.

— Дорогой, не кричи на меня. Хватит с меня на сегодня эмоциональных всплесков.

— О, потому что ты в Культуре. Что такого особенного в том, чтобы составить программу, исключительно коммерческую программу?

— Развлечения — это сплошные эмоции, и не всегда сплошь шик и блеск, как ты прекрасно понимаешь. Ты знал это, когда женился на мне.

Она не шутила. Как бы нелепо это ни казалось, она всегда готова была вступить в ожесточенный спор по этому поводу.

— Извини. Знаю, тебе нелегко приходится, — сказал Ларри. — Что меня действительно беспокоит, так это дом.

— А что не так с домом? Я считаю, он милый.

— Он *был* милым. Сейчас же он изнашивается.

— О. — отозвалась Пегги. — Полагаю, ты прав.

— А не должен бы, — проворчал Ларри. — Предполагалось, что это на всю жизнь.

— Да, но имелась в виду жизнь дома, естественно, — сказала Пегги. — Не бывает ничего вечного, дорогой. Вещи изнашиваются, вещи старятся, так же как и люди. Таков закон природы.

— Да, но ведь дом — это не юбка, не туфли, не седло. Его жизнь должна быть долгой, — возразил он. — А теперь мне говорят, что я должен приобрести новый только для того, чтоб иметь технику, которая работала бы должным образом.

— Если ты так считаешь, обменяй его. Я полагаюсь на твоё мнение, — предложила Пегги. — А сейчас нам надо переодеться.

— Но я пытаюсь сказать тебе, что не понимаю, почему должен его менять, — горячился он. — Я так ждал, когда мы расплатимся за дом, а потом...ну, не знаю...я подумывал о Генеральном ПродСнабе.

— ПродСнаб? Что ж, и в самом деле, бывает, когда тебе хочется чего-нибудь особенного в плане еды, — проговорила Пегги. — Что касается дома, то тут я полностью полагаюсь на тебя. Это твоя вотчина. А теперь одевайся.

— Мы должны куда-то идти? — Выражение ее лица указывало, что да, должны. — Бумага или ткань?

— Повод неофициальный. Уверена, ты получишь удовольствие от этого выхода.

— Может, и нет, — проворчал Ларри. — На этой неделе я уже дважды видел Африку и Китай, и мы уже была на Марсе и Венере. Что осталось?

— Разве я тебе не сказала? — В глазах Пегги засияли лукавые искорки. — Это не поездка. Мы идем к Кинганам. — Она легонько коснулась его губ своими. — Еда, дорогой. Поторопись.

Ларри подозревал, что жена вовсе не собиралась идти к Кинганам, пока не нашла его в дурном настроении. Что касается Кинганов, единственное, что говорило в их пользу, так это еда. Один из них был в ПродСнабе.

Сандра пришла домой из Генерального ПросветСнаба (Просвещение), и они уложили ее спать перед уходом. Ее покормили в школе — это являлось частью контракта с ЖилСнабом. Вообще в контракте оговаривалось хорошее образование, что было вполне естественно, поскольку большинство пар, покупающих дома, имели детей. Ларри повозился с дочкой с полчаса, пока Пегги наводила марафет, а потом оставил ее с матерью, а сам пошел быстренько переоделся. Было вполне безопасно оставить Сандру одну. У них была лучшая нянька.

Вот еще одно, что говорило в пользу ЖилСнаба. Их роботы-няньки всегда были лучшими и по большей части самыми современными, хотя цена такая же, как и для всех остальных. Было нечто такое в ГЖ — хороший солидный статус, который происходил от владения домом, или, возможно, тайное соглашение между двумя Генеральными — но они всегда поставляли лучших нянек из имеющихся.

Они отвели Сандру в детскую, настроили роботаняньку на нужный режим и отправились к Кинганам на общественном транспорте третьего класса. Ездить третьим классом было не слишком удобно, ибо он медленно двигался по уличным заторам в отличие от подземок или практически мгновенных воздушных линий первого класса. Но нельзя ведь иметь все, по крайней мере, пока у тебя маленькие дети. Идеальным решением было иметь двух или трех детей с таким расчетом, чтобы когда они вырастут и до того, как вступят в брак, все в семье работали на разные Генеральные. Тогда за короткий период возможно получить большую часть желаемого.

Таков был порядок вещей. Продукция каждого Генерального продавалась дешево только своим служащим через специальные дисконтные кредитные карты, которые гарантировали значительное снижение цены на все, что производил Генеральный. Для служащих других отраслей скидок не было, и мало кто мог позволить себе приобрести что-то по заоблачным ценам у другого Генерального. Впрочем, все было не так уж плохо. Любой, кто знал чего хочет, имел возможность подыскать себе нужный Генеральный и работать на него, пока не удовлетворит свои потребности.

Впрочем, бывали случаи, когда это представляло неудобство. Как, например, поездка третьим классом на вечеринку, на которую Ларри Мосс отправился только потому, что время от времени у него возникало непреодолимое желание вкусить хорошей пищи.

Когда они прибыли к Кинганам, там уже собралась такая толпа, что яблоку негде было упасть. Собственно,

количество людей не было таким уж большим, просто так казалось из-за того, что квартирка была маленькой: четыре тесных комнатухи. Опал Кингам служила сейчас в ЗдравСнабе, но до прошлого года работала на ТехСнаб, и это немного помогло. И все равно, несмотря на все приспособления, экономящие пространство, теснота была ужасная, и вращаться среди гостей не было никакой возможности. Ларри и Пегги протиснулись в двери и стояли, пока Опал не увидела их и не подошла.

— Дорогие, — промурлыкала она, «клюнула» Пегги в щеку и сжала руку Ларри. — Как мило, что вы пришли. Вы всех знаете?

— Трудно сказать, — отозвался Ларри. Он не узнавал никого из гостей с того угла, с которого видел их.

— Дорогая, ты буквально светишься, — заметила Пегги. — Это Здоровье, полагаю.

— Это Здоровье, — хихикнула Опал. — Самое время, как ты считаешь?

Да, самое время, подумал Ларри. Опал выглядела здоровой, как никогда прежде, но это и все, что можно было сказать. Она являлась живым доказательством, если таковое кому-то требовалось, что чересчур много еды не слишком полезно для человека.

— Ты почти убедила меня, — сказала Пегги, изогнув губы в милой улыбке. — Но мой Генеральный тоже имеет свои преимущества. Ой, чуть не забыла. — Она сделала вид, будто роется в своей сумочке в поисках билетов, которые были там всегда, и вручила их торжественным жестом, настолько отработанным, что он не бросался в глаза. — Возможно, вам захочется сходить на это.

— Ты не должна была, — отозвалась Опал, принимая презент. — Мы мало куда ходим, но этими билетами непременно воспользуемся.

Ларри заметил, как глаза ее расширились от удовольствия, когда она взглянула на билеты. «Еще бы вы не воспользовались, — подумал он. — Вы никуда не ходите, потому что у вас нет денег». Фред разжирел от обилия вкусной еды, а Опал не может дополнительно работать по состоянию здоровья. Вот к чему привели годы обжорства.

— Пустяки, — беззаботно сказала Пегги. Ларри предостерегающе покачал головой, но оглядев толпу и прикинув что-то в уме, Пегги продолжила: — Думаю, никто не откажется от развлечения?

— Не знаю, все ли смогут его увидеть — здесь так много народу, — со смехом отозвалась Опал. — Но с твоей картой это почти ничего не стоит, верно? Можно попробовать.

На это Пегги не рассчитывала, подумал Ларри. В их семье бережливым был он. Может, главным образом, потому что не мог же он направо и налево раздавать дом по кусочкам. Однажды случилось так, что ему пришлось пригласить в гости слишком много людей, за что им обоим потом пришлось изрядно заплатить. Нельзя же было попросить гостей просто сидеть и любоваться их красивым жилищем. Нужно было что-то еще, а что Моссы могли предложить, так это развлечение.

Взгляд Пегги омрачился, но она любезно вытащила свою телекредитку.

— Попробуем.

— Какая я плохая хозяйка, — извинилась Опал. — Вы же еще не съели ни кусочка. Подождите здесь.

— Нет. Ты пойдешь со мной, а Ларри принесет мне что-нибудь. — Пегги достала из своей сумочки маленький цилиндрический предмет. — Вот, Ларри, подключи чекер и посмотри, как там дела.

Ларри взял чекер и стал протискиваться в сторону кухни. По пути он заметил женщину, сидящую на поднимающемся стуле рядом с кухней. По очевидным причинам женщины обычно сидели на специальных подушках на полу или, по крайней мере, никогда не поднимали свои сиденья на уровень глаз. Но для этой женщины было вполне прилично сидеть так высоко. На ней было нижнее белье. Скорее всего, Генеральный ЖенПромСнаб. Тем не менее, Ларри заметил ее. У нее были весьма аппетитные округлые бедра.

Ларри, наконец, протолкался на кухню и вдохнул восхитительный запах еды. Должно быть, в нем есть что-то от гурмана, если он предпочитает еду обычному питанию. Для человеческого тела она, отнюдь, не полезна...но вкус! Да, вкус.

Чей-то локоть ткнул его в ребра, и Ларри ударился о дверной косяк.

— Эй, да это же старина Барри, — прогремел голос ему в ухо. — Так и думал, что ты появишься.

Поморщившись от громкости и от того, что его называли другим именем, Ларри повернулся. Это был Фред Кинган, их хозяин.

— Не мог не прийти.

— Ну, еще бы, — отозвался Фред и всучил Ларри тарелку. — На вот, поешь, чувак.

Ларри пробормотал, что ему надо подключить чекер, но Фред уже отвернулся и совал тарелку кому-то еще, говоря:

— Ешь, чувак.

Фред был, в сущности, неплохим парнем. То, что он говорил, не было оскорбительным...но как он это говорил — как будто люди приходят на его вечеринки только для того, чтобы поест. Так оно и было, но ему не следовало так уж это подчеркивать.

Держа тарелку в руке, Ларри отыскал на задней стенке электрощит и открыл его. Не было ни одной свободной розетки. Все приборы в доме, наверное, были включены. Придется спросить Опал, что можно отсоединить. Он вернулся к еде и наложил тарелку для Пегги. Какой только еды тут не было! Фред разошелся ни на шутку.

Ларри бочком протиснулся в соседнюю комнату в поисках Пегги. Он бросил взгляд вверх, но женщина в нижнем белье уже спустилась с потолка. Какая жалость. У нее красивые ноги и все остальное, должно быть, тоже.

Он продолжил путь и, наконец, нашел Пегги среди гостей, кружком сгрудившихся вокруг теле. Он отдал ей тарелку и остался посмотреть программу.

Шла старая, но хорошая комедия со знаменитым комиком, созданная лет двадцать или тридцать назад. Эта была история про поросенка, которого, в качестве эксперимента, воспитывали как человека, и все вокруг делала вид, будто он человек. Комик, старше и седее, чем когда впервые играл эту роль, был в ней крайне убедителен. Ни дать ни взять — настоящий поросенок. Он

изображал его с величайшим мастерством, даже намекая на хвостик крючком, которого в действительности не было. Будучи довольно шаловливым, поросенок много раз попадал в разного рода переделки, но, в конце концов, вырос и, как ни странно, научился читать, писать и разговаривать.

Выросший в уверенности, что он человек, поросенок и вел себя как оный. Однако, будучи умным поросенком, мало-помалу он начал подозревать правду. И вот однажды за обедом поинтересовался, что это за еда, которую он ест. Ему ответили, что это бекон, он заметно расстроился и встал из-за стола, чтоб посмотреть слово в словаре. Когда он не вернулся, за ним пошли и обнаружили, что он у себя в комнате твердит тоненьким голосом с пороссячим похрюкиванием: «Не в силах вынести столь тяжкое бремя, я оставляю человеческое племя»

Его попросили повторить, и он повторил. Люди смеялись и требовали еще и еще. Со всем комическим достоинством поросенок декламировал это снова и снова. А следующая сцена показывала, как его, визжащего, тащат на бойню.

Когда развлечение закончилось, Ларри вспомнил, что он голоден, и вернулся на кухню. Еды еще оставалось много, и он нагрузил полную тарелку. Бифштекс с кровью и румяная сочная ветчина, свежий фиолетовый лук и оранжевые помидоры, даже белые оливки — само совершенство. Рай для гурманов. Он с жадностью проглотил все, прежде чем напомнил себе, что куда больше удовольствия получил бы, если б ел медленно, смакуя вкусовые ощущения.

Сейчас в кухне было мало людей — многие ушли смотреть представление. Одной из оставшихся была женщина, которую он чуть раньше видел сидящей под потолком. То есть, Ларри подумал, что это она. Он не видел ее лица, но эта была хорошо одета и тоже в нижнем белье. Она беседовала с мужчиной постарше, и Ларри заметил тонкую полоску белья вокруг бедер и прекрасной лепки ягодич. На одной вечеринке просто не могло быть двух женщин с таким описанием.

Она была статная, невысокая и даже чуть-чуть полная, но с превосходными контурами. Если б она не была так хорошо одета, Ларри сказал бы, что она, скорее, из ПродСнаба, а не из ЖенПромы. Возможно, в ПродСнабе служит ее муж, но хотя ничто на это не указывало, Ларри не думал, что она замужем. Она производила впечатление свободной женщины, находящейся в постоянном поиске.

Незнакомка стиснула в нежных объятиях мужчину, с которым разговаривала, и подошла к Ларри.

— Дядя такой душка, правда?

Ларри, будучи с набитым ртом, лишь промычал в ответ. Дядя был высокий и довольно коренастый, с тронутыми сединой волосами и какими-то клочковатыми усами. Незаурядный, возможно, но душка?

— Я вас знаю? — спросила она, улыбаясь. — Я Джули Сэнфорд, а это мой дядя Хью Тейлор.

Он проглотил и сказал:

— Ларри Мосс.

Зубы у нее были ровные и белые, а лицо пухленькое и очень привлекательное; волосы черные и блестящие. С одинаковой вероятностью эта хорошо откормленная

сирена могла служить как в Досуге, так и в ПродСнабе или ЖенПроме. Трудно было определить.

— Восхитительно, не правда ли? — сказала она, указывая на то, что он ел. — Порой я думаю, что синтетическое предпочтительнее натурального.

— Фред в ПродСнабе, — заметил Ларри. Ее невежество раздражало.

— Я знаю, — промурлыкала она, взяла тонкий ломтик ветчины с его тарелки и откусила немножко. — Божественно. Никакого неприятного привкуса животного протеина.

Джули носила лифчик, и, явно, не только для красоты — он был ей необходим. Ларри представил ее в тонкой полупрозрачной бумаге. Она выглядела бы очень привлекательно, хотя и сейчас была необыкновенно хороша. Он запоздало вспомнил про чекер и направился к электропанели. Там по-прежнему не было свободной розетки.

Джули поинтересовалось у него, в чем затруднение, и когда он рассказал, заметила:

— Вам не стоит волноваться. Нянька вполне надежна.

— Знаю, но каждая нянька снабжена чекером не просто так, а для того, чтобы им пользоваться.

— Что ж, вполне разумно. Давайте найдем, какое устройство мы можем отключить.

Ларри согласился и, доев угощение, отправился на поиски Опал. Вечеринка становилась беспорядочной, и он не нашел ее, зато столкнулся с Фредом. Тот держал в руке бутылку, физиономия красная, язык заплетался.

— Барри, старик, — проорал он, размахивая бутылкой. — Шотландское вино. Настоящее, не какое-нибудь там синтетическое пойло. На, глотни.

Он оттащил Ларри к стене, схватил стакан с пристенного бара, плеснул в него спиртного и всучил Ларри.

— Попробуй-ка.

Ларри попробовал. Он редко принимал стимуляторы. Они стоили дорого, и их тяжело было достать даже в ПродСнабе. Но судя по количеству и качеству снеди, предлагаемой гостям, вряд ли хозяин стал бы портить впечатление какой-нибудь дешевой подделкой. Поэтому, да, вино оказалось восхитительным — сладкое, пряное и довольно крепкое. Может, это только показалось, но хмель почти сразу же ударил ему в голову.

— Хлебни еще, — сказал Фред и опрокинул в себя с полбокала. Подлив в стакан Ларри, он стал протискиваться дальше. Ларри пошел искать Опал, но опять не смог ее найти. Зато набрел на Пегги, которая держала в руке бокал и тепло улыбалась не то ему, не то мужчине, обнимающему ее за талию. Ларри понимал, что это просто алкоголь и вечеринка, и ничего не значит. Вино действовало и на него. Он ощущал какую-то легкость, бесшабашность и почти забыл, что искал, пока Джули не напомнила ему.

— У меня ваш соединительный шнур, — сказала она.

Он обернулся, врезался в нее, но не отодвинулся.

— Шнур?

— К чеkerу.

— Прекрасно.

Он забрала у него стакан, пока он не расплескал содержимое, и Ларри последовал за ней на кухню. К сча-

стью, к этому времени одна из розеток освободилась, и он, наконец, вставил один конец чекера в сеть, а второй сунул себе в карман. Джули сделала глоток вина и поморщилась.

— Хорошее, да? — спросил он.

— Ну, довольно крепкое. Я пила и получше.

— Я тоже, — заявил он, хотя это была неправда. Впрочем, какое это имело значение, если от этого вина по его телу разливалось такое приятное тепло, такая нега... Он забрал у нее стакан и допил содержимое в несколько глотков, содрогнувшись от удовольствия. Джули заколыхалась у него перед глазами. Вечеринка становилась просто супер, куда лучше, чем тащиться через половину вселенной на Марс или Венеру, чтобы поглазеть на тамошние диковины.

Здесь не на что было смотреть, кроме Джули Сэнфорд, и это его вполне устраивало. В кухне были и другие гости, но они находились в дальнем конце. Они с Джули стояли в алькове, образованном рядом устройств, которые были слишком велики, чтобы прятать их в стену и вынимать обратно, в результате чего они двое оказались как бы наедине. Он, как зачарованный, смотрел на ее платье. Официальное и с нижним бельем. Кончиком пальца Ларри провел по выступающему краю трусиков.

— Мне нравится, — пробормотал он.

Она отодвинулась, но недалеко.

— Что?

До него дошло — она подумала, что он имел в виду нечто совсем иное. Ему было тепло от выпитого, и все тело приятно покалывало.

— Не так много женщин могут позволить себе нижнее белье.

— О.

Похоже, она была разочарована, а ему не хотелось ее разочаровывать.

— Я заметил вас, когда только пришел, — сказал Ларри. — Вы сидели под потолком, поэтому я посмотрел. Нижнее белье показывает ноги женщины в выгодном свете. — Сейчас он подумал, что его восхищают не только ее прелести, которыми она так щедро одарена. В ней столько жизни, столько свободы, она так не похожа ни на кого из всех известных ему людей.

Он неуклюже схватил ее за руку и привлек к себе. Она сопротивлялась, но не слишком. Поцелуй потряс его своей силой. Потрясение и в самом деле было, но оно исходило не от нее. Как и покалывание и тепло — не от алкоголя.

Он отпустил ее и вытащил чекер. Он светился и мигал, и, похоже, уже несколько минут. Если б мозги его не были затуманены алкоголем, он бы давно сообразил, что что-то стряслось.

Джули поправила платье, улыбнулась.

— Это было неожиданно.

— Я не собирался делать ничего подобного. Простите. Мне надо найти телефон.

— Тогда почему сделали? — спросила Джули. Она заметила мигающий чекер. — Не волнуйтесь. Уверена, ничего страшного.

Голова у него все еще шла кругом, но стремительно прояснялась. Когда нужно было, он мог быстро протрезветь. Он оставил Джули и поспешил к телефону.

Коммуникационной карточки у него в кармане не оказалось, и Ларри бросился искать Пегги.

Жены нигде не было видно, но ее кредитная карточка все еще была в теле. Он выхватил кредитку. Никто ничего не сказал, но он почувствовал на себе неодобрительные взгляды тех, кто смотрел представление. Черт с ними. Ребенок важнее.

Связь удалось установить не сразу, но к тому времени, когда он получил ясную картинку на экране видеофона, Пегги услышала и уже была рядом. Она спросила, что стряслось, но он, пристально вглядываясь в экран, не ответил. Что-то было не так с их домашним видеофоном, потому что, несмотря на прекрасное изображение, ему никак не удавалось настроить звук. Сандра сидела в кровати с заострившимся испуганным личиком и не отвечала ему, сколько он ни звал. Даже, похоже, не слышала.

— Что случилось? — спросила Пегги.

— Она проснулась.

— Все остальное, как будто, в порядке.

— Мне этого недостаточно. Я еду домой.

Пока он говорил, Сандра слезла с кровати и стала бродить по комнате, заметно дрожа. Видеофон в детской был подсоединен к роботу-няньке, поэтому его, естественно, видно не было, но он должен был находиться там.

— Да, пожалуй, поедem, но незачем расстраиваться, — сказала Пегги.

— Я не расстраиваюсь, но поехали скорей.

Ларри торопливо вытащил кредитку из телефона и отдал ей. Они забрали свои вещи и вышли. Джули ждала их возле квартиры Кинганов.

— Я слышала, — сказала она. — Я вас подвезу.

— Подвезете? — тупо переспросил он.

— Так будет быстрее, чем на общественном транспорте, если вы спешите, — пояснила Джули.

— Что угодно, лишь бы попасть домой, — бросил Ларри.

— Я живу дальше по коридору. Идемте со мной, и я мигом доставлю куда надо.

Он не понимал, о чем говорит его новая знакомая, но они с Пегги пошли следом за Джули к ней на квартиру, а через нее вышли на террасу, где стоял маленький и аккуратный пятиместный геликар. У него промелькнула мысль, что он неверно судил о Джули. Она еще загадочнее, чем он думал. Ларри еще никогда не встречал никого, кто бы имел *частный* геликар, и даже не знал никого, кто был бы знаком с таким человеком. Если б он так не изводился из-за Сандры, то был бы весьма впечатлен.

Джули вывела геликар на частные линии и принялась болтать о пустяках, чтобы отвлечь его. Он отвечал, но отвлечься был не в состоянии. У него разболелась голова, вероятно, с непривычки от употребления алкоголя. Джули мастерски посадила геликар на их крошечную лужайку, и он выпрыгнул и помчался к дому. Дверь открылась при его приближении. Войдя, Ларри поежился. В доме было холодно, хотя он не сразу заметил. Влетев в детскую, он схватил плачущую Сандру на

руки и прижал к себе. Через несколько мгновений вошла Пегги и забрала у него дочку.

Он повернулся к няньке.

— Что случилось?

— У вас сломался термостат, — заметила Джули.

— Здесь сорок градусов, на двадцать градусов ниже оптимально комфортной температуры для сна, — сказал робот-нянька.

— Почему же ты ничего не сделал? — возмутился Ларри.

— Это же нянька, а не ремонтник, — урезонила его Джули.

— Когда температура опустилась ниже минимума, я запустил излучение, — объяснил робот. — Моей мощности оказалось недостаточно, чтобы компенсировать холодный воздух, который поступал из системы кондиционирования. Я попытался предупредить вас, но связь была отложена.

Ларри почувствовал себя немного виноватым, вспомнив, почему не среагировал вовремя, но все же истинная причина — дом. Робот-нянька все еще излучал тепло, но не мог согреть весь дом, когда кондиционер охлаждал воздух на всю катушку. Возмущенный, Ларри принялся бить ногой по стенам там, где располагались термостаты, и это возымело желаемый эффект: из отверстий повалил горячий воздух, и вскоре дом прогрелся до комфортной температуры. Они с Джули отправились в гостиную, а Пегги уложила Сандру в постель и выключила няньку.

— Какой прелестный дом, — сказала Джули, стоя перед ярко пылающим камином. Уже становилось жарковато, но это было лучше, чем мерзнуть.

— Спасибо. Впрочем, у него есть свои недостатки.

— Это всего лишь термостаты, их можно заменить. Разумеется, безупречно работать будут только самые лучшие модели, а их не достать, если вы не работаете на ТехСнаб.

— Такое случилось впервые, — заметил Ларри.

— Возможно, больше и не повторится, — успокаивающе сказала она. — Вы возвращаетесь на вечеринку?

— Не думаю. С меня довольно.

— Рада, что смогла помочь. Ну, я пойду.

Она поднялась, и Ларри пошел проводить ее до геликара. Вернувшись, он обсудил дом с Пегги. Ей нечего было сказать кроме того, что она уже говорила: что дом — его вотчина. Если он желает обменять его на новый, так тому и быть. Решение за ним. Это было не совсем то, что он задумал, но жена сослалась на головную боль и ушла спать прежде, чем Ларри успел рассказать ей, какое решение пришло ему в голову.

После ее ухода он еще с час сидел, обдумывая свою идею и так, и эдак. Да, идея была его. Джули предложила ее, сама того не подозревая, но замысел изначально принадлежал ему, и надо было как следует обмозговать его если не этим вечером, то в течение следующих нескольких дней. Это было практичное, очень разумное решение. Он не мог понять, почему другие люди не используют обнаруженный им принцип. И что важно — решение было таким простым. Ларри отпра-

вился спать с чувством выполненного долга и не сказал Пегги ни тогда, ни позже, что решил.

Подготовка заняла несколько дней, после чего еще некоторое время ушло на улаживание формальностей. Перевод из одного Генерального в другой — дело непростое. И все же, менее чем через две недели он пришел домой с новым будущим. Ничего осязаемого, чтобы показать Пегги, что он продвинулся, пока не было, и в каком-то смысле он пожалел, что нет какого-нибудь знака перемен, но пока достаточно просто *знать*, что он, наконец, чего-то добился.

Пегги вошла и небрежно коснулась его губ своими.

— Устал? — спросила она.

— Есть немного, — ответил Ларри и начал рассказывать ей, но тут что-то обвилось вокруг его ног. Это был робот-уборщик, который тихонько подкрался к ним и принялся пылесосить их с Пегги. Он пнул его, но тот увернулся и убежал. Было слышно, как он на кухне забрался в духовку.

Пегги поморщилась в раздражении.

— Нет, тебе и в самом деле надо что-то с этим сделать. Он все время вертится под ногами, когда я занимаюсь обедом.

Не так он планировал этот разговор, но сойдет и такое начало.

— Это идет вторым пунктом в моем списке. Первым делом — термостаты.

— Но ведь после того случая все было в порядке. Они все еще беспокоят тебя?

— Я думаю об этом время от времени. После термостатов — уборщик, а после этого я подумываю о хоро-

шем закупщике и шеф-поваре или, быть может, косметический аппарат в ванную, если, конечно, ты не предпочитаешь портативную модель.

Она нахмурилась.

— А ты не слишком размахнулся? Все эти вещи дорогие.

— Были бы, если б я оставался в ЖилСнабе.

Глаза Пегги удивленно расширились.

— Не может быть.

— Может, дорогая, — улыбнулся Ларри. — Им нужны были люди в Техническом, а в ЖилСнабе сейчас некоторый спад, поэтому они разрешили перевод. Сегодня я был приведен к присяге. Это была замечательно простая церемония, которая началась так: «Я не стремлюсь ни к самой высокой, ни к самой низкой должности в Генеральном Техническом Снабжении, но приму то, что гарантируют мои способности и обстоятельства. Все мы, собравшиеся здесь, и свидетели, и присягающий, преданные служащие своего Генерального, и служим ему верой и правдой»

На секунду у Ларри перехватило дыхание, потом он продолжил:

— Потом я сказал: «Да, пока смерть не разлучит нас» и был принят с повышением. Это было впечатляюще.

— Все церемонии похожи, — заметила Пегги.

— В ЖилСнабе такого не было.

— Было, ты просто забыл. У ТехСнаба не такой уж высокий статус.

— А я думаю, довольно высокий. — Мало кто имеет дома, но всем нужна бытовая техника. Кроме того, я получил повышение. Полступени.

— Они могли понизить тебя.

— Но не понизили же.

— Надеюсь, все будет хорошо, — вздохнула Пегги. — Нам придется отказаться от дома?

— Мы уже достаточно заплатили, поэтому оставшаяся часть была перенаправлена на ТехСнаб. Я выяснил этот вопрос, прежде чем подать прошение о переводе.

— Если ты доволен, то и я тоже.

— Не сомневался, что ты обрадуешься. Вечером празднуем?

— Как-нибудь в другой раз. Что-то мне не весело.

Так началась его работа в ТехСнабе. Термостаты заменили, и температура теперь всегда держалась на одном уровне. Вскоре стало возможным взять нового робота-уборщика, и он оказался расторопным. Возможно, даже слишком. Со стен начал исчезать цвет, а некоторые секции пола разболтались от сверхмощного всасывания. Это требовало время от времени значительных затрат на починку, но в целом уборщик был хороший. Он никогда не залезал в духовку, и его не приходилось пинать. Ларри с нетерпением предвкушал множество других вещей, о которых он всегда мечтал.

Но новый Генеральный оказался не таким, как его прежний. Были там кое-какие недочеты, которые Жилищный не потерпел бы. К примеру, все большие машины упаковывались в ящики сразу же после их изготовления. Но многие из них продавались в радиусе нескольких миль от завода. Было бы дешевле доставлять эти машины неупакованными.

В пользу ТехСнаба следовало сказать, что они обходились малыми средствами, и однако никто не ждал

свой заказ дольше десяти минут. Разумеется, ТехСнаб имел более предсказуемый рынок, чем дома, квартиры и отели, и обширный опыт помогал им устанавливать квоты таким образом, чтобы их предложение никогда не превышало спроса и не отставало от него. ТС был не плох во всех отношениях, и Ларри мог бы согласиться, что их достоинства вполне покрывают недостатки, если б не одно «но»: они не использовали способности Ларри Мосса в полную силу. Не осознавали, насколько хорош он был в ЖилСнабе и что мог бы сделать для них — если б ему позволили.

И еще одно, что он не вполне одобрял: часы. Работал он не дольше, чем в ЖС, но время его распределялось неравномерно. В некоторые дни он работал сверхурочно, когда на какие-нибудь пять-десять минут, а когда и на несколько часов. В другие дни его отправляли домой рано. Каждую неделю общее количество выходило одинаковым. Но это нарушало его личные планы, и не хотелось думать, что так будет всегда. Он не желал приспособливаться, но помимо воли постепенно привык к такому обращению.

Поэтому он не сильно удивился, когда в третий раз за месяц ему было сказано, что он должен уйти домой рано. Он медленно, неохотно собирал свои вещи. Пегги придет с работы только через два часа, а Сандра из школы — через два с половиной. У него не было с собой кредитки, только карточка на проезд. Он предпочел бы поработать, но его выпроваживали, и придется придумать, чем занять себя на это время.

На выходе он задержался у прилавка товаров только для служащих. В основном, всякие новинки и мелочев-

ка, но они стоили очень дешево для своих и могли пригодиться в качестве подарков. Он выбрал одну вещь — компактный комнатный ионизатор воздуха, светящийся, как неоновая трубка. Это было потрясающее устройство: не требовалось другого источника света, когда оно использовалось, и освещение было лучшим из всего, что уже изобретено в этой области.

Вне всяких сомнений имелись и недостатки, главный из которых заключался в следующем: если устройство ионизировало воздух, то почти наверняка делало то же самое и с нервной системой того, кто находился поблизости. А какое действие это оказывает на человека, Ларри не знал. В любом случае, прибор еще не тестировали на предмет такого воздействия, поэтому он был вполне законным до тех пор, пока не будет доказано, что он вреден. Кто такой Ларри, чтоб сомневаться в Генеральном. Если что-то достаточно хорошо для ТехСнаба, то и другим ничего жаловаться. Кроме того, он покупал устройство не для себя. Любой из его друзей будет рад такому подарку, и не возникнет никаких вопросов.

Ларри покинул территорию завода и какое-то время бесцельно катался, не покидая беспересадочную зону. Это было не слишком весело, и когда, минут через десять, он оказался рядом с Кинганами, то решил навесить их. Он не был у них со дня вечеринки, да и желание поесть хорошей еды сыграло не последнюю роль. Фред обрадуется новому необычному прибору. Его жена работала в ТехСнабе, но это было год назад, и такого у них нет.

Ларри сошел на кольцевой линии и в целях экономии прошел через зональную пересадочную, одним быстрым движением предъявив трансфертную карту зональному монитору. Машина моргнула, но приняла трансферт и пропустила его. Такие вот маленькие хитрости доставляли Ларри удовольствие. Он знал дорогу. Проехав до нужной остановки, вышел у дома Кинганов, поднялся к их квартире и позвонил. Никто не ответил. Он попробовал еще раз, но никто не вышел. По всей видимости, они работают, как и все остальные, кроме тех глупцов, что перевелись в ТехСнаб.

Ларри сел в кресло в конце коридора и стал ждать. Еще час сорок минут до того, как он должен быть дома. Через некоторое время кто-то вышел из квартиры и направился в его сторону. Вначале Ларри подумал, что это Фред. Мужчина был примерно той же комплекции. Но это не мог быть Фред, потому что он открыл бы дверь, если б был дома. Когда человек приблизился, Ларри увидел, что он такой же тучный, как и Фред, только несколько постарше, и с обвисшей кожей. Мужчина глупо улыбнулся Ларри, неуклюже неся под мышкой какой-то сверток. Его поведение было странноватым, но Ларри не обратил на это внимания, пока человек не переложил сверток, и Ларри уловил запах. Еда. Мясо.

Ларри не заметил, из какой именно квартиры вышел человек, но теперь был совершенно уверен: от Фреда. Стало быть, это — вор. Говоря словами бессмертного Генерального: «Кто украдет мой кошелек, украдет всего лишь кредитную карту, которую я могу аннулировать в течение десяти минут без дальнейших обязательств.

Тот же, кто украдет мою продукцию, возьмет то, над чем я долго трудился, сам символ моей торговой марки». Пока Ларри сообразил, что к чему, человек уже прошел, и Ларри инстинктивно кинулся на вора сзади. Он промахнулся и схватил его за ноги, и они оба покапались. Мужчина хрюкнул и вывернул испуганное лицо в сторону Ларри.

— Не надо, — хрипло прошептал он. — Я отдал вам половину.

Ларри заехал кулаком в рот, сказавший это, и с удовлетворением увидел, как заструилась кровь. Толстяк вырывался, и Ларри еще разок врезал ему по носу. Вориска не сдавался и продолжал извиваться, пытаясь вырваться.

— Саботажник! — закричал Ларри. — Продуктовый вор!

Захлопали двери квартир. Что так много людей делало дома в такой час, Ларри не имел представления, но они слышали его и повыскакивали в коридор. С одного взгляда оценив ситуацию, они сгруппировались вокруг, вырвали толстяка у Ларри и начали в ярости избивать его. Ларри поднялся и наблюдал со стороны. Толпа срывала с вора одежду, царапала ему лицо. Они изливали на него всю свою злость, и единственная причина, по которой не прикончили его, это что их было много, и они мешали друг другу.

— Пожалуйста, — взмолился толстяк визгливым голосом. — Не бейте меня. Это вредно для моего здоровья. Так говорят доктора. — Он упал, и они пинали его некоторое время, но потом этого показалось мало. Его подняли его и снова били.

Ларри наблюдал, но и только. Лицо вора сделалось неузнаваемым. Один глаз опасно распух. Крови там не было, но прозрачная бесцветная жидкость капала из разбитого глазного яблока. Толпе следовало знать, когда надо остановиться. Ларри стало нехорошо, и он отвернулся. Кроме него, как с удивлением только что заметил он, там еще была женщина, с которой он познакомился на вечеринке Кинганов, Джули Как-там-ее.

— Нам надо позвонить, — сказал он безо всякого выражения.

— Думаю, да, — отозвалась Джули. — Мы можем позвонить из моей квартиры.

Они прошли по коридору к ее апартаментам. У Ларри не было с собой никаких денег, ни единой монетки. Он хотел, чтоб она записала стоимость звонка на его кредитку, но Джули ответила, что это ерунда и позвонила сама.

Ларри сел. Вор заслужил все, что получил, но Ларри не хотелось выходить, пока Охрана не приедет и не заберет его. Ему не хотелось видеть этого несчастного искалеченного ублюдка.

— Полагаю, я сыграл свою роль, — сказал он, когда Джули Сэнфорд — он вспомнил ее фамилию — закончила звонок. — Это я поймал его.

— Я так и подумала, что это вы.

— Как вы узнали?

Услышала, как кто-то кричит в коридоре. Открыла дверь и увидела, что вы держите его, а потом сбежала толпа.

— Вы все видели, — сказал Ларри. — Почему, по-вашему, он сделал это?

— Как мне кажется, он не смог устоять против еды, которая у Кинганов всегда есть.

— Вы оправдываете его поведение?

— Никого я не оправдываю. Должно быть, соблазн для него был непреодолим.

— Почему? Он же толстый, — возразил Ларри. — Я никогда не видел толстого человека, который служит не в ПродСнабе. Ему незачем было красть чужую еду.

— Сомневаюсь, что он в ПродСнабе. Вы же слышали, как он умолял не бить его, потому что это вредно для его здоровья.

— Но это не означает, что он из ЗдравСнаба. Какое заболевание может вызывать ожирение в наши дни?

— Не могу сказать, — отозвалась Джули. — Мы победили старые болезни, но новые возникают так быстро, что мы едва успеваем дать им названия. Но я знаю, что образ жизни многих людей не способствует сохранению хорошей физической формы.

— И все-таки вы его оправдываете.

— Да нет же, — покачала головой Джули. — Вы спросили, и я сказала, что думаю, вот и все.

— Даже если он в ЗдравСнабе, во что я лично не верю, он мог бы перевестись в ПродСнаб. Обжорство — не оправдание для воровства.

— У меня имеется преимущество в этом споре, — сказала Джули. — Он живет неподалеку, поэтому я встречала его несколько раз и немного знаю. Он в Здоровье из-за какого-то малоизученного заболевания. Если он переведется, то умрет.

— Ну, вы меня озадачили, — отозвался Ларри. — Быть может, мне стоило дать ему уйти. Фред даже не заметил бы пропажи.

— Думаю, вы поступили именно так, как должны были, — успокоила его Джули. — Большинство людей не могут иметь все. В сущности, есть такие, которые не имеют почти ничего. И им лучше с этим смириться.

— Джули, — прозвучал глубокий приятный голос.

— Дядя зовет меня, — сказала Джули. — Прошу прощения. Я сейчас.

Она скрылась в соседней комнате. Ларри проводил ее взглядом. Несмотря на свои немного удручающие размышления из-за случая с толстяком, он с удовольствием любовался ее походкой. Она так красиво, так грациозно двигается. Когда женщина ушла, он покачал головой и огляделся, главным образом, чтобы отвлечься от своих мыслей.

Дом — полная чаша. Именно так можно было описать то, что Ларри увидел. Он уже был здесь однажды, когда она предложила подбросить их с Пегги домой во время той вечеринки у Кинганов, но был тогда расстроен и ни на что не обратил внимания. Несмотря на то, что обе квартиры располагались в одном здании, эта ничем не походила на жилище Кинганов. Квартира была даже больше, чем его дом, кстати, весьма внушительный. Тут было просторно, и не требовались никакие ухищрения для экономии места, хотя и они имелись в изобилии, встроенные в стены так искусно, что только тренированный глаз смог бы их заметить. Все это вместе создавало впечатление спокойной, не бросающейся в глаза

роскоши, больше подходящей для какого-нибудь Генерального Совета, чем в качестве частной резиденции.

Дверь гардеробной открылась, и это оказалось еще одной приятной неожиданностью. В большинстве квартир все было эффективно и рационально, иначе люди не смогли бы там жить. Здесь же достаточно места, чтобы двери не нужно было функционировать, как какому-нибудь сложному механизму, который вообще не будет работать, если хоть одна его часть выйдет из строя. Ларри поднялся, чтоб закрыть дверь и заглянул внутрь. Одежда — одежда Джули. Ряды платьев, жакетов и пальто. И все сплошь ткань, мех или кожа. Ни единого бумажного предмета одежды.

Ларри сел, пораженный. Он не мог определить, куда отнести Джули и ее дядю. ЖилСнаб? ЖенПродСнаб? ТехСнаб? ТрансСнаб? ПродСнаб? ЗдравСнаб? Они, казалось, имели отношение ко всем ним. Генеральное начальство живет хорошо но они, явно, не начальники. Манера держаться у них ничуть не авторитарная.

Вскоре после того, как Ларри сел, вышли Джули с дядей.

— Джули рассказала мне, что вы поймали продуктового вора, — проговорил Хью Тейлор сочным баритоном.

— Я не ставлю себе это в заслугу.

— Но мы-то знаем, чья это заслуга, — улыбнулся Тейлор, энергично пожимая руку Ларри.

— Спасибо. Я ТехСнаб, — машинально сказал он, взглянув на лацкан своего собеседника в поисках идентификационного значка. Такового не было.

— Это хорошая сфера, — с готовностью подхватил Тейлор. — Что бы мы делали без ТехСнаба? Джули, это надо отпраздновать. Принеси-ка нам чего-нибудь. — Он не сказал, где работает, а спрашивать было неприлично. Впрочем, тут не могло быть ничего таинственного — не должно быть.

Джули вернулась с подносом. Ларри узнал крекеры, хотя они были удивительно белые, но темно-желтые кубики и тонкие кусочки какого-то красного мяса, не с кровью, просто красного, были для него загадкой.

— Еда? — спросила он, пробуя желтый кубик. Он оказался чуть горьковатый, но странно вкусный.

— Наша собственная, — сказал Тейлор. — Возможно, она вам незнакома. Попробуйте все.

Ларри попробовал. Красное мясо пахло сильно, даже резковато. Какое-нибудь дикое животное, — промелькнуло у него в голове. Да нет, диких животных на земле не осталось. Он глотнул из бокала и удивленно вскинул глаза:

— Шампанское?

— Пиво, — со смехом ответил Тейлор. — Мы подаем то, что сочетается друг с другом.

Все было ужасно вкусно, но Ларри ушел, как только счел приличным. И все равно пришел домой позже, чем собирался. Пегги ждала его с ужином; Сандру уже накормили и уложили в постель. За ужином между ними произошла безмолвная ссора; он не был голоден и, в любом случае, их еда не могла сравниться с той, что он ел у Джули.

Они не разговаривали друг с другом и во время просмотра телепрограмм, и когда пошли спать. Он думал о

толстом старике, который растолстел не от переедания и, возможно, был не так стар, как ему показалось — может, не старше его самого. А потом он думал о Джули и ее дяде. Между ними целая пропасть.

Интересно, подумал он, почему Джули и ее дяде все так легко дается, но кровать сказала: «Спи». Эта мысль не давала ему покоя, и он продолжал размышлять над ней в течение того десятиминутного интервала, который был отведен ему на то, чтоб уснуть естественным путем. Ларри так и не пришел к заключению и все еще бодрствовал, когда кровать снова сказала: «Спи». Больше никаких отсрочек ему позволено не было, и машина мгновенно погрузила его в сон.

Утром он подобрал свои мысли там, где оставил их, и взял с собой на работу. Во время работы был так глубоко погружен в свои раздумья, что не остановил производственный конвейер, когда норма была выполнена. Это обернулось ему на пользу. В этот раз, что случилось время от времени, прогнозы не сбылись, и спрос на устройства, которые он производил с избытком, оказался выше. То была ошибка, но поскольку ему нечего было сказать в свое оправдание — лучшая защита — вместо того, чтобы быть пониженным в должности за промах, его назвали прозорливым и позволили приобрести дополнительный сувенир в заводском магазине технических новинок.

Ему следовало бы быть довольным и радоваться, но теперь это уже не имело такого значения, как когда-то. Он принял решение.

Но прошла неделя, прежде чем ему удалось начать воплощать свое решение в жизнь. Он добился хороших

результатов в ТехСнабе и, поскольку, явно, шел вверх, его рабочее расписание стало более урегулированным, чем раньше. Но все же он пока был новичком и не полностью принят, так что иногда ему еще приходилось выполнять грязную работу и соглашаться на неудобный режим. И как только его отправили домой рано, он поехал навестить Джули Сэндфорд.

Он пришел к ней, надеясь, что не увидит ее, и желание его сбылось. Дома никого не было. Дверь была закрыта, но, несмотря на крепость запора, механизм оказался довольно простым. Ларри имел кое-какие навыки механика, да к тому же хороший дешифратор, выпускаемый ТехСнабом, и без особых затруднений проник в квартиру. Он рисковал быть пойманным — уж они-то с толстяком знали, насколько сильно — но награда была такой, что Мосс не думал об опасности. Он обыскал квартиру быстро, но тщательно.

И ничегошеньки не нашел.

Одежда, еда, мебель, бытовая техника — ничто из этого не давало ему ключа. Ни Джули, ни ее дядя ни разу не говорили, где работают. Он спрашивал их напрямую и делал намеки, но они намеками пренебрегали, а от вопросов уклонялись, поэтому он не знал, а ему так важно было узнать.

Он решительно поискал во второй раз и, наконец, во встроенном в стену письменном столе наткнулся на стопку фотоснимков Джули. На большинстве из них она была в крошечном бикини, едва прикрывающем ее пышные формы, но как ни хороша была женщина, не это заинтериговало его. Он рассматривал фон, на котором были сделаны снимки

Позади нее на фотографиях был старомодный дом, а в глубине какое-то грубо сколоченное строение, и повсюду вокруг странная растительность, какой он никогда не видел. На другом снимке Джули стояла рядом с какой-то огромной громоздкой машиной, о назначении которой Ларри не смог догадаться. На еще одном фото она кормила животных. Живых животных. Они были не в зоопарке и не в механическом реконструкционном парке.

Он переснял фотографии своей миникамерой, вернул туда, где нашел и покинул квартиру незамеченным.

Через три дня он понял, наконец, что видел, но ему потребовались многочасовые поиски по вечерам после работы, чтобы найти нужную информацию. В течение этого времени их с Пегги отношения оставались натянутыми. Они по-прежнему не разговаривали, и этой безмолвной ссоре, казалось, не будет конца. У него не было возможности обсудить с ней то, что он запланировал, но большого значения это не имело. Как только он узнает, что надо сделать, то тут же приступит к исполнению своего замысла. А с Пегги не особенно поговоришь, если только речь не о развлечениях.

Он разработал план, тщательно выверил со всех углов зрения, изучил во всех деталях, а затем подал специальную заявку на перевод в Генеральный СельхозСнаб.

И был привлечен к суду. Самому настоящему, официальному, обстоятельному суду.

Суд был коротким и ужасным.

Он сам выступал свидетелем своей защиты, что, вероятно, было его самой большой ошибкой. Работа на заводе закончилась в тот день рано, либо же члены

жюри взяли сверхурочные. Это был день уменьшенной нормы и, ускорив производственные линии, они смогли выполнить норму в полном объеме и все равно уйти на полчаса раньше.

— Вы клянетесь говорить правду и ничего, кроме правды? — рявкнул бейлиф. Он работал за пультом управления рядом с рабочим местом Ларри.

— Всеми Генеральными, — ответил Ларри. Он пребывал в замешательстве. Телекамеры были размещены стратегически, и многие из них направлены на него. Он совсем не ожидал, что его будут судить и, конечно же, не думал, что это будет сделано так показательно.

Судья, в обычное время заместитель управляющего заводом, откинулся на спинку стула.

— Вы подали заявление о переводе в Генеральный СельхозСнаб.

— Да, сэр. Специальное заявление.

— Это не в вашу пользу. Вы говорите, по существу, что мы должны рассмотреть заявление, невзирая на то, удобно это для нас или нет. Может, мы не желаем отпускать вас.

— Я не хотел, чтоб это выглядело как неуважение к ТехСнабу.

— Нам решать, как это выглядит. — Судья через силу улыбнулся. — Кстати, *Генеральному ТехСнабу*.

— Генеральному ТехСнабу.

— Так-то лучше, — буркнул судья. — Вы в курсе, что Генеральный СельхозСнаб не полностью Генеральный?

— Да. Он подчиняется Генеральному ПродСнабу.

— И все равно хотите перевестись? На более низкую должность?

— Да.

— Но это же бессмысленно. Генеральный СельхозСнаб находится в упадке. Каждый год доступные земли сокращаются, и он производит все меньше.

— Именно так говорится в отчете Генерального Финснаба.

— Этим вы подразумеваете, что либо не верите отчетам Генерального ФинСнаба, либо имеются какие-то иные факторы, которые вы не открыли суду. Каковы ваши причины для перевода?

Ларри не мог ему сказать. Он узнал, основательно покопавшись в исторических записях, что дом, на фоне которого была снята Джули, фермерский дом. Животные, которые она кормит — коровы или какой-то другой домашний скот, а растительность — не что иное как товарная сельхозкультура.

И он так же не мог сказать, что СельхозСнаб, пусть и подчиненная структура, имеет все, что только можно пожелать. Он выращивает еду, поэтому в ней нет недостатка. У них должны быть дома, где жить людям, и лучшее транспортное сообщение, дабы доставлять продукцию на рынок. А что касается одежды...ну, хлопок — это ведь сельхозкультура.

Все, что только душе угодно, доступно для тех, кто работает на Генеральный СельхозСнаб, но Ларри не мог сказать этого, потому что это вызовет ажиотаж, и он останется не у дел. Главное было скрыть, почему он желает этого перевода.

— Никакой особой причины нет, полагаю. Просто хочу перевестись.

— Это безответственный подход — делать то, что вам хочется, — сказал судья. — Я рад, что присяжные — зрелые и разумные люди. — Он стукнул молотком. — Каковы обвинения?

Председатель жюри зачитал их. Ларри Мосс был одним из лучших трансфертов в ТехСнаб за последние пять лет, и в определенном смысле это важно, что он переведенный. Ларри — человек непостоянный. Однако, у него прекрасное производственное чутье, и однажды он предсказал спрос на устройство, когда интеграф потерпел неудачу. Кроме того, он пунктуален и использует свои внутрицеховые кредиты, как только они поступают.

— Это необычный случай, — заключил судья. — Потенциально вы — превосходный служащий.

— Я буду так же хорошо служить и следующему Генеральному.

— Если мы позволим вам уйти.

— Но вам придется.

— Полагаю, что да, так или иначе. Вам не следовало подавать специальное заявление, — проговорил судья с кривой улыбкой. — Каков вердикт?

Председатель жюри уже подготовил его, но подождал, пока камеры развернутся на него. Он зачитывал медленно, с расстановкой:

«Подсудимый, Ларри Мосс, проявил вопиющее неповиновение и демонстрирует полную безответственность. Судя по всему, он нуждается в уроке. Для этой цели мы рекомендуем уволить его с лишением прав и привилегий на период не менее двух лет. Затем, и только если его отношение изменится к лучшему, ему будет

дана возможность восстановить свой статус как профессионального работника.

Это был вердикт, заготовленный до суда. Ларри должен был догадаться по присутствию телекамер. Закон, по которому он был осужден, в последнее время мало применялся, не было необходимости обращаться к нему. Но если такая необходимость возникала, его тут же вытаскивали на свет божий. С него стряхнули пыль и швырнули им в Ларри Мосса. Это было потрясение, и он все никак не мог до конца в это поверить, даже когда его протащили через унижительную церемонию разрывания его кредитной карты и снятия значка ГТ с последующим выбрасыванием в кучу бумажных отрывков, где его легко можно было найти. Они наверняка используют значок еще раз, но это был удобный миф, будто бы эмблема, однажды запятнанная, больше никогда не отдается никому другому.

После суда Ларри пошел домой пешком. Без кредитки он вынужден был. Домой он добрался поздно, и Пегги пришла раньше него. По ее выражению лица Ларри понял, что она слышала.

— Ты уже знаешь, — пробормотал он.

— Это было в теленовостях, — ответила она. — Твоя идея развлечения не пришлась мне по душе.

— Я не виноват, — возразил он. — Не знал, что они так поступят.

— О? Они же давали тебе возможность передумать.

— Не ахти какая возможность. Мне пришлось бы пресмыкаться. И, в любом случае, я принял решение.

— Ты мог бы подумать обо мне. Мог бы обсудить это со мной.

— И что бы ты сказала? Что мне самому решать. Ты всегда так говоришь.

— Что ж, это решение уж точно только твое. Что теперь будет с нами?

— Ничего страшного. Мне нельзя пойти в СельхозСнаб сразу же, но они не могут запретить мне встать на учет в ПрофКадрСнаб.

— Не будь уверен, что они могут, а чего нет. Кроме того, биржа труда — не мое представление о статусе.

Это была лишь вершина айсберга, в который их семейная лодка врезалась на полном ходу, но Пегги — преданная жена. Она вышла из себя, потом расплакалась, потом смягчилась, и когда они отправились в постель, была с ним очень нежной и пылкой впервые за последние несколько месяцев. Эта нежность продлилась до рассвета, когда она проснулась и снова плакала. Ларри встал и ушел в свою кровать. Когда он, наконец, пробудился, Пегги уже не было — ушла на работу раньше обычного.

Это подготовило его к ГПК (Генеральный ПрофКадрСнаб), который оказался таким, каким он и ожидал. Они зарегистрировали его наряду с мужчинами и женщинами постарше, которые не имели квалификации и, не достигнув никаких высот в своих Генеральных, незаметно перешли в ПрофКадрСнаб; и с молодыми людьми, которые еще доучивались и не могли решить, кем хотят стать, когда закончат, поэтому использовали ПрофСнаб, чтобы попробовать себя на разных работах. Ему выдали кредитную карту с самым неблагоприятным дисконтным тарифом из всех возможных, но он не

возмущался. Был еще один Генеральный даже ниже, чем ПрофКадрСнаб, и он не хотел испытать его на себе.

Ему было велено ждать на бирже, пока не поступят предложения. Два дня он являлся и ждал, но для него ничего не находилось (это было частью его наказания). Потом ему сказали оставаться дома и звонить каждый день. Это было дорого, звонки стоили кредитов, и еще более нудно, чем ожидание на бирже. На бирже, по крайней мере, были люди, с которыми можно поговорить, и среди них молоденькие девушки, находившие его в высшей степени привлекательным. Он был чем-то вроде знаменитости. Мало кого увольняли с таким треском, как его.

Через несколько дней он все-таки получил работу. Странное дело, но по большей части она была в ТехСнабе — кратковременная на несколько часов или на несколько дней. Ему поручали более ответственные задания, чем когда он работал непосредственно на них, изолировали от других техников и никогда не отправляли на завод, где он когда-то работал. Он никогда не совершал ошибок, по крайней мере, не поймался ни на одной, и не жаловался на низкую плату, которая была больше чем вполтину меньше прежней.

Другие работы поступали от ЖилСнаба. Поскольку у них против него ничего не было, оплата там была чуть выше, чем в ГТ, и условия труда лучше. Но, как назло, в ЖилСнаб его звали не часто.

От СельхозСнаба предложений не поступало, ничего даже символического. Он так разрекламировал их, и им бы следовало предложить хоть что-то. Даже если им никто не нужен, они должны были протянуть ему руку

помощи. То, через что он прошел, чтобы попасть к ним — лучшая реклама для любого Генерального, но они даже не поблагодарили его.

Впрочем, ему особенно некогда было размышлять о СельхозСнабе. Его усилия были направлены на продвижение вверх. Процесс шел медленно, успех был сомнительным, если вообще был, но, как говорится, терпение и труд все перетрут. Когда-нибудь он вновь станет профессиональным служащим, а пока, если он и не зарабатывал на жизнь, то, по крайней мере, мог выплачивать кредит за дом. Может, он и испытывал горечь, но в душе у него не оставалось места для сильных эмоций, даже когда Пегги начала работать по ночам.

Она ничего не сказала ему, просто как-то раз не пришла домой, когда он ждал ее. Спустя три часа, наконец, появилась. Сандра была уложена в постель, а Ларри сидел перед камином, который работал плохо, но ремонт он не мог себе позволить. Жена выглядела усталой, но довольной.

— Работала сверхурочно? — спросил он.

— Вроде того.

Бог знает почему, но ее ответ вызвал в нем какое-то смутное беспокойство.

— Вроде того? А ты разве не знаешь?

— Знаю. Я имела в виду, что не получаю за это по сверхурочному тарифу.

— Ты взяла еще одну работу, — догадался Ларри.

— Это самое меньшее, что я могла сделать. Ты вкалываешь по-черному за мизерную плату. Еще одна работа мне не повредит.

— Мы справляемся, — возразил он. Истина была где-то рядом. У них имелись накопления, и они уходили не так быстро, как он опасался.

— Я не хочу спорить, — бросила она и направилась в свою спальню.

— По крайней мере, скажи мне, что это за дополнительная работа, — крикнул он ей вслед. Она не ответила, поэтому он пошел за ней. Пегги сняла блузку, но перестала раздеваться, когда он вошел. Он залюбовался ее точеной фигурой, особенно выше талии, изящной и женственной.

— Просвещение, — сказала она.

— Просвещение? После целого дня в Культуре?

— Ну, это же не что-то совсем далекое от моей сферы. Существует такая вещь, как вечерние курсы для взрослых. Поможет платить за обучение Сандры.

Ларри хотел верить ей. Он уже давно не испытывал такого желания близости с ней, как сейчас. Он дотронулся до нее.

Она не увернулась от его прикосновения, но уж лучше бы сделала это.

— Я устала и грязная, — проговорила она. Мне хотелось бы немного полежать перед ужином. Если ты не против.

— Не против, — отозвался он, пошел на кухню и включил режим приготовления ужина. Когда все было готово, отправился позвать Пегги, но увидел, что она спит и решил: не станет будить. Она, по всей видимости, перехватила что-нибудь между работами и нуждается в отдыхе. Мосс отправил еду в повторную замороз-

ку и съел ее следующим утром на завтрак. Она была такой же безвкусной, как и все, что он обычно ел.

Впоследствии он работал с меньшим энтузиазмом. Ослабление его решимости было едва ощутимым, даже для него самого. Он был пунктуален и на всех работах не совершал ошибок, но уже не ощущал в себе прежней энергии. Вероятно, потому что недосыпал. Он часто засиживался за полночь, дожидаясь Пегги, которая, казалось, приходила домой с каждым разом все позже с тех пор, как приняла назначение от Просвещения.

Она работала не каждую ночь. ПросветСнаб вызывал ее примерно четыре раза в неделю, но он никогда не знал заранее, в какие именно дни. Когда же она приходила рано, то всегда была уставшей после предыдущей тяжелой ночи и отправлялась спать одна вскоре после ужина. Они очень мало виделись, а разговаривали и того меньше. Говорить было не о чем.

Это было плохо, но с этим он мог справиться. Должен был. Ларри понимал, что не имеет права на подозрительность, поскольку она делает все возможное, чтобы помочь им продержаться. В его голове не должно было быть места для мыслей, которые то и дело возникали...до той ночи, когда Пегги совсем не пришла домой.

Он просидел до полуночи без дела, поскольку развлечение даже с ее кредиткой было дорого. В конце концов, сознание того, что завтра ему рано подниматься и работать на важной производственной линии, загнало его в постель. Кровать прошептала: «Спи», но прошел не один час, прежде чем он забылся беспокойным сном. Вскоре он проснулся и, не обращая внимания на сон-

ный механизм, который велел ему оставаться в кровати, прошел в спальню Пегги. Она так и не пришла.

Он умылся и сел, жалея, что в доме нет выпивки. Наконец, вернулся в кровать, повторяя про себя в унисон с сонным механизмом, что ему надо поспать. Уснуть так и не удалось, пока он не поднялся и не перенастроил механизм на самую высокую мощность.

На рассвете он проснулся и лежал, пока не пришло время вставать. Кровать Пегги была нетронута. Он приготовил завтрак для Сандры и отправил ее в школу. Потом сидел, стараясь не думать, но получалось неважно. Зазвонил телефон, но он ушел, не ответив. ПрофКадрСнаб. Он не хотел разговаривать с ними, но рано или поздно придется.

Он вышел из дома и отправился в бесцельную поездку по городу. По крайней мере, она казалась бесцельной, пока он не обнаружил, что стоит перед офисом КультСнаба, в котором работала Пегги. Не задумываясь, что собирается делать, Ларри вошел.

Коршуном налетев на секретаршу, он заявил, что хочет видеть Пегги. Девушка за стойкой улыбнулась и ответила, что посмотрит, свободна ли она. Через несколько минут секретарша вернулась и сказала, что Пегги работает, и ее нельзя беспокоить. Она больше не улыбалась. Ларри ожег ее взглядом и повторил, что хочет видеть Пегги. Видимо, секретарша поняла, что он не шутит, ибо Пегги, наконец, вышла к нему, нервно улыбаясь.

— Ты не пришла домой этой ночью, — сказал он.

— Давай станем вон там, — отозвалась Пегги, направляясь в дальний угол приемной. — Нас могут услышать.

Он последовал за ней, но нарочно повысил голос, чтоб его слышали.

— Ты не пришла домой.

— Ты же знаешь, я работала.

— Знаю, но не там, где ты мне говорила. В некотором смысле, впрочем, это было вечернее обучение для взрослых, не так ли?

— Было уже поздно, когда я закончила, поэтому решила не тратить время на дорогу домой и прикорнула на работе.

— Могу себе представить. Я имел в виду, что ты не работаешь на Просвещение. Никогда не работала.

— Не кричи.

— Я не кричу, но прекрасно понимаю, почему ты боишься, что люди услышат. Твоя дополнительная работа в Генеральном ДосугСнабе, верно? Именно там ты проводила свои вечера с самого начала.

— Я не стыжусь ничего, что сделала. — Она не смотрела на него.

— По всей видимости. Одно дело — работать на Досуг, когда ты одинока. Но когда ты замужем, мужчины знают это и ожидают большего. Не думаю, что ты разочаровала их. Надеешься, что кто-то из них женится на тебе?

— Не суди о том, чего не знаешь. Ты даже не представляешь, какого класса люди туда приходят. Я встречаюсь исключительно с большими начальниками.

— Меня это не удивляет. Куда еще они могут пойти ради тайной, ни к чему не обязывающей интрижки? Это Досуг, признайся.

— Если хочешь знать, да. Это Досуг.

— Ты могла бы сказать мне, Пегги, — укорил он. — Необязательно было делать все вот так.

— Я могла сказать тебе. — Лицо ее исказилось. — Ты унизил меня. Я не могу смотреть в глаза людям, с которыми работаю. Они знают, кто ты. И ты ждал, что я покорно проглочу это и приду за добавкой? Тебе не приходит в голову, что я нуждаюсь в самоуважении, что мне приходится делать что-нибудь, чтобы вернуть его себе. Ты —

Он вскинул руку и пошел прочь, чтобы не ударить ее.

— Предатель, — вот последнее, что он услышал от нее, когда покидал контору, ничего не видя перед собой. словно в тумане он какое-то время бродил по улицам. В конце концов, голова у него прояснилась, а желудок перестал пытаться подкатить к горлу. Солнце было поразительно ярким, а небо слишком огромным, чтобы смотреть на него.

Не осталось ничего, кроме как сесть на транспортную ветку, которая доставила его в ПрофКадрСнаб. Он вошел в здание и сел в комнате ожидания. Было поздно, и он был там единственным, не считая канцелярских работников по другую сторону стойки. Никто не замечал его, пока одна из молоденьких девочек, которая в поисках постоянной работы время от времени подрабатывала операционисткой на Бирже, не обратила на него внимание. Она была из тех, кого он привлекал, поэтому тут же вызвала его отчитаться к распределительному окошку. Еле переставляя ноги, он потащился туда.

— Служащий Мосс, вы опоздали, — сказала она. — Отправляйтесь в ТехСнаб немедленно.

— Я не пойду, — пробормотал он.

— Не пойдете? Но у вас прекрасная репутация. Не испортийте ее.

— Я не могу пойти.

— Если у вас есть работа, вы обязаны.

— Если я пойду сегодня в ТехСнаб, то непременно напортачу там, — взмолился он. — Не заставляйте меня идти.

Участие промелькнуло на ее лице, и она в испуге отошла к папкам в задней части своей кабинки. Вскоре вернулась.

— Думаю, я все уладила, — сказала девушка. — Вы сегодня были очень рано и взялись за первую же предложенную вам работу. Естественно, вы не можете отправиться в ТехСнаб. Эта работа у частного лица, поэтому все будет в порядке. — Она улыбнулась. — Если хотите увидеться со мной после работы, я отменю встречу со своим постоянным бойфрендом.

— Пожалуй, — отозвался он, хотя не собирался с ней встречаться. Школьница не для него, что бы она там не думала.

Ларри взял карточку назначения, которую она дала ему, и отправился к месту работы, не замечая ничего вокруг. Даже при том, что он узнал квартиру Кингамов, когда проходил мимо, ничто не подстегнуло его воспоминаний, пока дверь, перед которой он остановился, не открылась. Перед ним, в чем-то легкомысленном, полупрозрачном, стояла Джули Сэнфорд.

— Из ПрофКадра звонили. Я ждала вас, — проворковала она томно.

И вдруг словно что-то щелкнуло у него в голове, и все встало на свои места. Буквально в одну секунду он по-

нял всю подоплеку того, что с ним произошло. Разрозненные события, которые сошлись и вылились в крайне неблагоприятные последствия, словно кусочки мозаики, сложились в единую картину. С самого первого дня, как он увидел Джули, все пошло наперекосяк. Это было неслучайно, и он понял, кто за этим стоит. Мосс толкнул Джули внутрь и захлопнул за собой дверь.

— Ты сильный, — промурлыкала она, извиваясь внутри своего халатика, за который он крепко ухватился.

— Сильный, но дурак, — бросил он. — Но я только что перестал быть им. Довольно мною помыкали. Скажи, зачем ты это сделала. — Она начала что-то говорить, и Ларри понял: будет утверждать, будто не знает, о чем он. Поэтому заткнул ее коротким ударом в живот. Она упала на колени, корчась и хватая ртом воздух, но все равно отрицала, что имеет какое-то отношение к его несчастьям.

Он наклонился схватить ее, и короткий тоненький халатик соскользнул кверху и скомкался валиком над грудью. Тело ее было роскошное, но злость настолько переполняла его, что для желания не оставалось места. Он рывком поднял ее и толкнул в кресло. Залепил щечину, и пока она смаргивала слезы, рыкнул:

— Расскажи подробно, что ты замышляешь.

— Ничего я не замышляю. Просто хотела помочь.

Он снова ударил ее.

— В гробу я видел такую помощь.

Она закрыла лицо руками, защищаясь от него.

— А что, по-твоему, я сделала? — из-под руки невнятно пробормотала она.

Тело ее было прекрасно, и она не делала попытки прикрыться. Он поколотил ее, но женщина не выказывала ни страха, ни негодования. Напротив, какой-то странный пыл. Злость его не уменьшилась, но он не мог решить, на что ее обратить.

— Ты водила меня за нос, — рявкнул Ларри. — Щеголяла передо мной своим достатком. Ты дала мне понять, что у тебя есть все, что человек только может пожелать, и заставила меня поверить, что я тоже могу это иметь, стоит только попросить.

— И это все? — спросила она, выглядывая между пальцев.

— Нет. Ты дала мне доступ в свои апартаменты. Учитывая, сколько было потрачено на эту квартиру, ты могла поставить самую надежную систему охраны против взломщиков, но ты этого не сделала. Ты сделала так, чтобы любой, что захочет, смог проникнуть в дом. И как умно было спрятать те фотографии так, чтобы их не слишком легко было найти, но и не слишком трудно. Не было никаких реальных подсказок относительно того, какому Генеральному ты служишь, но увидев тех коров, что еще можно было подумать? — Он медленно покачал головой. — Только Генеральному СельхозСнабу никто не нужен.

Она отняла руки от лица и улыбнулась.

— Ты считаешь, это моих рук дело?

— Чьих же еще?

— Я сделала очень мало, — призналась она. — Первопричина всего этого — ты сам. Ты — бунтарь. Это видно всякому. Вот почему ТехСнаб окоротил тебя, когда ты

попросил о переводе. Они должны держать таких как ты в узде.

— Но ты не имеешь к этому никакого отношения, — с горечью проговорил он.

— Весьма незначительное, — ответила Джули. — Банка консервированной ветчины и бутылка вина убедили заместителя управляющего ТехСнаба, что он должен тебя примерно наказать. Суть вот в чем: он уже и так намеревался это сделать. Я просто указала ему лучший способ. — Она пожала плечами. — Что до остального, я отправила долговременный запрос на Биржу, еще даже до того, как ты зарегистрировался, чтобы тебя прислали ко мне в первый же день, как ты откажешься от работы в каком-нибудь Генеральном.

Он, может, снова заставил бы ее замолчать, но оказался беспомощен перед несообразностью ее тепла.

— Ты не один такой. Есть и другие, — пробормотала Джули. — Они на планете.

— Венера? — прорычал он. — Марс? Благодарю покорно. Там еще хуже, чем здесь.

— Ты ненавидишь Генеральные, — мягко проговорила она.

Это потрясло его. Но как только она произнесла эти слова, Ларри понял, что это правда, и от этой правды ему никуда не деться. Да он и не хотел.

— Да, всех их. Ну, давай, назови меня предателем.

— Но я не собираюсь тебя так называть. — Она взяла его руку и прижала к себе. Живот у нее был мягкий и приятно выпуклый, а углубление пупка глубокое.

— И что мне теперь делать? — горько спросил он. — Дальше так продолжаться не может.

— Ты можешь улететь на планету. Она не в этой солнечной системе, и не в ближайших десяти. Ты и вправду решил, что те животные на фотографиях — коровы? С глазами на ножках?

— Я думал, это рога.

— А шесть ног?

— Да, это очень странно, но откуда мне знать, на что способна генетика?

— До такого она, во всяком случае, пока не дошла, — усмехнулась Джули. — Позволь помочь тебе. На планете, о которой я говорила, меньше десяти миллионов жителей, и она больше Земли и лучше, чем Земля когда-либо была. Нам нужны сильные люди, которые не удовлетворены своей жизнью.

— Я не знаю, чему верить, — пробормотал Ларри.

— Можешь верить мне, — мягко прожурчала она. — Я не могла сказать тебе, пока ты не принял решение. — Она прижалась к нему крепко, всем телом. Он завозился с ее халатиком, стал срывать. Джули стащила его через голову. — Позволь помочь тебе. Я хочу помочь.

Он позволил ей помочь ему прямо там. Она оказалась опытной и пылкой. После они пошли в спальню, и когда Ларри проснулся ночью, Джули все еще тесно прижималась к нему. Она погладила его, и он положил на нее руку. Ему показалось, он услышал, как открылась дверь и через минуту тихонько закрылась. Он напрягся.

— Что это было?

— Вероятно, дядя. Не волнуйся, он понимает.

— Не сомневаюсь, — пробормотал Ларри.

Она обвила его руками и ногами.

— Спи. Ну, не чудесно ли? Ты последний, поэтому завтра корабль улетает.

— Последний? Были и другие?

— Конечно. И много.

— А они все устаиваются такого обхождения?

— А должны? — Она лукаво улыбнулась. — Половина из них женщины. Ну, разве не чудесно?

Это было чудесно, и утром был корабль, который взлетел вскоре после того, как Ларри Мосс поднялся на борт. Корабль был хороший, хоть и переполненный. Ларри понимал, что этого следовало ожидать. Они преодолели несколько световых лет, дабы завербовать добровольцев на планету, название которой он не запомнил — ему говорили, но оно вылетело у него из головы — поэтому не слишком заботились об условиях. Откидные койки в общей спальне для сотни мужчин, и одна умывальная. То же самое было и у женщин на другой стороне корабля. Ходить на женскую половину не запрещалось, но Ларри не ходил. Он был не слишком высокого мнения о своих сотоварищах новобранцах, общался с ними только по мере необходимости и больше держался особняком. Может, они и были такими же бунтарями, как он, но ему казались какими-то жалкими. Быть может, несколько месяцев на хорошей чистой планете изменят их в лучшую сторону.

Он почти не виделся с Джули и ее дядей, хотя и не по своему выбору. Они с Джули перекинулись парой слов, когда он только поднялся на борт, после чего она скрылась в каюте рядом с каютой своего дядюшки. Хью Тейлора Ларри видел раз или два в первые несколько дней полета. Тейлор коротко подстриг усы, седина исчезла

из его волос, и он стал выглядеть гораздо моложе, возможно, одного возраста с Ларри.

Они улетели с Земли так быстро, что он и опомниться не успел, и покинули солнечную систему раньше, чем он смог оглянуться назад и задуматься, что оставляет. Позади теперь была просто яркая звезда, а впереди — неизвестность. Он мог думать, что путешествует из ниоткуда в никуда, но главное — он навсегда покидал генеральные.

Одного из мужчин Ларри особенно избегал. Он был все еще толстый, но уж не такой рыхлый. Один глаз здоровый, а второй — плохой образчик мастерства стекольщика. Именно Мосса он должен был благодарить за стеклянный глаз, который заполучил в результате той заварушки возле Кинганов, но Ларри избегал его не поэтому. Он просто не хотел с ним разговаривать. Не существовало никакого закона, по которому человек не мог иметь глазной протез, но, по всей вероятности, ЗдравСнаб счел его больше обузой, чем стоящим работником, и вышвырнул точно так же, как ТехСнаб вышвырнул Ларри. Статья о моральном разложении, без сомнения, что сэкономило им деньги. Возможно, мужчине был обещан хороший протез на новой планете, по этой причине он и сел на корабль.

Между тем, он не узнал Ларри. Его зрение больше не было бинокулярным и, возможно, в этом дело, но, скорее всего, он не вспомнил Ларри потому, что все еще испытывал последствия шока, а во время своей поимки по-настоящему и не смотрел на Ларри. Он пытался вырваться, а не запечатлеть лицо Ларри в своей памяти.

Это было к лучшему, как и еда. То есть, еда была бы превосходной, не будь она такой хорошей. Консервированная ветчина и созревшие стейки, замороженные овощи и фрукты, некоторые даже свежие. Все натуральное, потому что дешевле было привезти это с планеты, чем покупать синтетические продукты на Земле. Еда была обильной, жирной, и его желудок пришел в полное расстройство. В самые неподходящие моменты ему приходилось бежать в уборную, где его выворачивало. А не это, так понос. Он знал, что мало-помалу привыкнет к такой пище, но пока она доставляла ему массу страданий. Это беспокоило его почти так же сильно, как поведение большинства новобранцев.

В них не было духа пионеров, направляющихся на малонаселенную планету. Большинство вели себя так, словно переходят с одной работы в каком-нибудь захудалом Генеральном на захудалую работенку в другом. При таком отношении жить с ними бок о бок он не собирался. Даже на новой планете.

Временами он думал о Пегги, понимая, что лишь напрасну травит душу. Он бы не смог уговорить ее поехать с ним, да и не был уверен, что хочет этого. Сомневался, что смог бы простить ей ту историю с Досугом. Что до Сандры, он бы хотел взять ее с собой, но об этом бессмысленно было думать. Даже планета, находящаяся на расстоянии нескольких световых лет, должна сохранять хорошие отношения с Землей, поэтому они не могли пойти на киднеппинг, а именно так бы это и назвали.

Он изолировал себя, слоняясь по кораблю в одиночестве. Хотелось увидеть Джугли, но она не искала встречи

с ним, а бегать за ней ему казалось глупым. Если захочет, она знает где его найти. К тому же он не был уверен, какая каюта ее.

Ларри стоял в коридоре, глядя на звезды в иллюминатор, когда одноглазый толстяк направился к нему, решительно ухмыляясь. Мосс тут же устремился в уборную. Это был хороший предлог избежать мужчину. По кораблю гуляла шутка о том, что Ларри единственный, страдающий от непривычной еды. На самом деле были и другие, кто испытывал проблемы с пищеварением, но они делали вид, что все в порядке. Хитрость в этот раз не удалась; толстяк был в превосходном настроении и отступать не собирался. Он потащился за Ларри следом.

— Плохо дело, — тяжело отдуваясь, сказал он, когда Ларри склонился над умывальником и рыгнул. — Ну, ничего, еда ГП скоро приведет вас в лучшую за всю вашу жизнь форму. Посмотрите на меня. — Он похлопал себя по брюху.

Ларри буркнул в ответ что-то неразборчивое, лишь бы поскорее отвязаться от надоеды.

— Чего не отнять у ГП, — продолжал толстяк, — так это того, что они дают тебе все самое лучшее. Черт, даже твои назначения составляются так, что тебе не приходится ни о чем думать.

Ларри вытер губы и поднял взгляд.

— ГП?

— Ну, да. Генеральные Планеты.

— Вы уверены, что это Геренальный?

— Само собой. А вы что, не читали контракт, который подписали?

— Я ничего не подписывал.

— Ну, может, они вас пропустили. Или посчитали, что вы мягкотелый и согласитесь на все, что вам предложат.

Ларри вытер лицо рукавом и выпрямился. Толстяк преградил ему путь.

— Плохо, да? Могу я помочь?

— Все мне помогают, — прорычал Ларри. — Прочь с дороги, или тебе придется заказывать второй стеклянный глаз.

Он оттолкнул толстяка в сторону и ринулся вперед. У входа на капитанский мостик его остановила стальная дверь. Она была закрыта, и открыть ее он не смог. Он принялся колотить по ней кулаками, пока стеклянная секция не отъехала назад, и оттуда выглянул член экипажа.

— Чего вы хотите?

— Я хочу поговорить с капитаном.

— Капитан не разговаривает с новобранцами. Идите в свою казарму.

Член экипажа закрыл стеклянную секцию, и Ларри снова заколотил по двери, пока электрический заряд не встряхнул его. Заряд быстро возматывался, и он понял, что дверь лучше больше не трогать. Он развернулся и зашагал напрямик к каюте Хью Тейлора, единственного человека, которого он был уверен, что найдет. Стучать не стал, просто надавил плечом на дверь, и она открылась.

Он вошел. Джули и Тейлор оба были там, испуганные и голые. Поза, в которой он их застал, свидетельствовала

ла, отнюдь, не о родственных отношениях. Ларри вытирает глаза. Впрочем, какая разница.

— Ты не ее дядя, — сказал он.

Тейлор поднялся, усмехаясь.

— Верная догадка. Мы не родственники. — Обращаясь к Джули, приказал: — Иди в свою каюту. Сейчас тут будет сцена. Я знаю, как с этим справиться.

Джули неспешно направилась к двери в свою комнату. Прежде чем скрыться за ней, оглянулась и игриво улыбнулась Ларри. Тейлор набросил халат, лежавший рядом.

— Теперь давай к делу. Почему ты ворвался?

— Генеральные Планеты, — прорычал Ларри. Он тяжело дышал.

— Ну и что с ними?

— Никто не сказал мне. Я думал, что отправляюсь туда, где нет Генеральных.

— Давай рассуждать здраво. Ты был против всех Генеральных. Мы подумали, что лучше скрыть это от тебя, пока ты не привыкнешь к этой мысли. У тебя был трудный период, и мы не хотели лишний раз волновать тебя.

Ларри сглотнул. Было ощущение, что пузырек чистого азота застрял в горле и, казалось, шипит в венах.

— Я думал, что буду свободен, — сказал он. — Вы заставили меня поверить, что это добровольно.

Тейлор прошел к маленькому столу и сел за него.

— Подумай сам. Заселение планет — крупный проект. Никому не под силу осуществить его, кроме генерального. Кроме того, ГП не так плох. Ты убедишься, что там все гораздо проще, чем на Земле. Так мало людей.

— Вы должны были мне сказать. Я мог отправиться с вами, а мог остаться на земле. Но это был бы мой выбор.

Тейлор выдвинул ящик.

— Взгляни на это с моей точки зрения, — сказал он. — Многие люди не поехали бы, если б это была простая смена генеральных, даже если там, откуда они уезжают, отвратительно, а там, куда едут, хорошо. Как, потвоему, мы получим новобранцев, если не будем говорить им то, что они хотят услышать?

— Я хочу услышать, что не буду принадлежать никакому генеральному, — сквозь зубы процедил Ларри.

— Разумеется. Это первое побуждение всех, кому от них досталось, — кивнул Тейлор. — Уверен, мы сможем договориться. Ты не подписывал контракт, поэтому мы сделаем его выгодным. Я подумываю оставить это дело, поэтому можем устроить, чтобы ты занял мое место. Можешь работать с Джули или, если она тебе не по душе, сам выберешь себе партнера.

Увидев, как рука Тейлора небрежно опустилась в ящик, Ларри повернулся и побежал. Он высочил из двери прежде, чем Тейлор успел выстрелить. Он уже отбежал довольно далеко, когда услышал кашляющий звук выстрела и почувствовал, как что-то ударило его в спину и буравчиком вошло в тело. Ларри споткнулся, но не остановился и завернул за угол раньше, чем Тейлор успел выстрелить еще раз. Скрывшись из виду, он протянул руку за спину и дотронулся до проволоочной петли чуть ниже правого плеча. Всунул под нее пальцы и потянул, но тут же остановился. Спина горела огнем. В него всадили трассер, следящее устройство, и изба-

виться от него можно будет только хирургическим путем.

На корабле и без того негде было спрятаться, а с трассером у него не осталось ни малейшего шанса, но он был уязвлен, и ему не пришло в голову, что стоит подождать и дать им самим прийти. До него донесся слабый голос Тейлора. В спешке тот забыл отключить звук. Впрочем, это не имело никакого значения. Ему совсем не помогло, что он услышал, что сказал Тейлор.

— Охрана, все на выход. Обычная неприятность, только с небольшим осложнением. Где-то на борту прячется распоясавшийся псих, ярый противник генеральных. Он с трассером, поэтому вам не составит труда обнаружить его. — Тейлор кашлянул. — Будьте осторожны и не сделайте из него инвалида. Генеральный ПланетСнаб платит не за инвалидов.

Ларри направлялся в сторону казармы, но охранники отрезали ему путь, заставив повернуть в сторону носовой части корабля. Он вовремя увидел первого, повернул назад и врезался в другого, свернув за угол. Охранник оказался застигнут врасплох и полетел на пол. Ларри придавил его лицо ногой, и парень остался лежать. Не было времени забрать у него оружие, да, в любом случае, Ларри и не думал, что оно ему понадобится. Он не в состоянии был рассуждать здраво, но знал, что не может позволить себе быть пойманным.

Он продолжал бежать, кое-как увертываясь от охранников. Спина горела, ноги тоже, а трассер ниже плеча передавал каждое его движение, и все рано охранникам не удавалось изловить его. Мало-помалу они отсекали места, куда он мог побежать. Это было опасно. Если бы

только ему удалось добраться до казармы — но, разумеется, это было невозможно. Наконец, он ввалился в слепой коридор. Из него не было выхода, не считая того, что в дальнем конце — люка, через который он вошел на корабль несколько недель назад. Сейчас, если подумать, это был в полном смысле единственным выход.

Он подбежал к люку и оглянулся. Охранники теперь надвигались медленно, зная, что ему больше некуда деться, почти уверенные, что поймали его.

— Не приближайтесь ко мне, — выдохнул он, стискивая двойные ручки безопасности люка. Это их не остановило, хотя надвигаться они стали осторожнее.

Все еще сжимая ручки, он повернулся к ним и произнес отчетливо, зная, что Тейлор слышит, может, даже видит его, если трассер снабжен видеотранслятором:

— Тейлор, скажи им, чтоб не подходили. Я сыт по горло генеральными. Они узнают это, если попробуют накинуться на меня.

Они накинулись на него, как он и сказал. Силы изменяли ему, и люк открывался труднее, чем он думал, но ему удалось-таки заставить его поворачиваться, когда первый охранник врезался в него. Ларри отпихнул охранника, дернул дверь посильнее и, наконец, люк приоткрылся. Воздух засвистел вокруг него, подхватил ближайшего охранника и утащил через щель наружу. Остальные охранники навалились все разом, и люк автоматически закрылся прежде, чем кого-либо еще унесло. Кто-то воткнул в него иглу, и после этого Ларри уже ничего не слышал, не видел и не думал, пока не очнулся в каюте Тейлора.

— Ты в порядке? — спросил Тейлор.

У него снова было оружие в ящике стола, но Ларри был уверен, что оно ему не понадобится. Он туго кивнул.

— Кроме спины. Вырежь трассер прямо сейчас. Я буду вести себя тихо.

— Вот что я имел в виду, — заметил Тейлор. — Этот генеральный лучше всех остальных, на которых ты работал. Черт, он не позволяет нам использовать долгосрочные трассеры. Вот, выпей это.

Тейлор сунул какую-то капсулу Ларри в рот и дал запить водой из стакана, который поднес к его губам.

— Пилуля выведет трассер через несколько дней, и никакой боли. По сути, ты уже чувствуешь себя лучше, верно?

— Неплохо, — согласился Ларри. Он ощутил еще большее оцепенение, его охватывала эйфория.

— Больше никакого безрассудства, договорились? — Ларри послушно кивнул. И Тейлор продолжил: — Ты же знаешь, мы в действительности на твоей стороне.

— Думаю, да, — пробормотал Ларри. — Кажется, я ненадолго потерял голову, но теперь уже все прошло.

Тейлор пристально посмотрел на него.

— Я тебе верю. Ладно, посиди пока тут минутку.

Он подошел к боковому порту и открыл полог. Снаружи порта Ларри увидел какой-то серо-красный шар, и то, что когда-то было человеком, плавало рядом с кораблем. Тейлор прикрыл порт и постучал в дверь каюты Джули.

— Джули, я подумал, что лучше сказать тебе. Не смотри в иллюминатор.

— Уже посмотрела. Это его легкие?
— Иногда ты внушаешь мне отвращение.
— А ты — мне. Это прекрасно скажется на нашей репутации.

— Разуй глаза и уши, женщина. Это охранник.

— О? — отозвалась Джули. — Прямо камень с души. Мне нравится Ларри.

— С ним все будет хорошо, — сказал Тейлор. — Но мы не можем отослать его назад в казарму. Ему придется остаться здесь с нами.

— Это будет славно.

— Не сомневаюсь, — буркнул Тейлор и вернулся к Ларри.

— Сожалею насчет охранника, — пробормотал Ларри.

— Ничего. Ты его не выталкивал, — отозвался Тейлор. — Он знал о тяге. По крайней мере, у него была масса случаев узнать. Сам виноват, что допустил это.

— Я хочу сказать, я намеревался открыть люк и сам выпрыгнуть.

— Ты не первый, кто додумался до этого.

— А потом, когда я увидел, что случилось с охранником...у меня пропало желание прыгать.

— Ну, разумеется. Когда доходит до дела, никто не хочет умирать.

— Я хотел. Но больше не хочу.

— Само собой. Все мы обретаем покой так или иначе.

— Я принял свой жребий, — продолжал Ларри. — И, кстати — не хочу причинять вам неудобство, оставаясь здесь. Не вижу, почему мне нельзя вернуться в казарму.

— Зато я вижу. Подобное в тайне не сохранишь. Тебя станут расспрашивать и снова расстроят. Мы не можем этого допустить.

— Но я не хочу мешать вам.

— Нам с Джули? — Тейлор ухмыльнулся. — Ты бывал в женской казарме?

— Нет.

— Если б был, то понял, что никакого неудобства нет. Некоторые из них пугала, некоторые просто нечего, но есть настоящие куколки. Мы поступим следующим образом. Большую часть времени ты будешь находиться в каюте Джули. Только позаботься, чтоб вы оба оставались там, когда дверь между каютами будет закрыта. Договорились?

— Думаю, да.

— Вот и славно. Мне сейчас надо уладить одно дело, а потом мы обговорим условия. Идет?

— Конечно.

Тейлор прошел к умывальнику и умыл лицо холодной водой. Потом позвонил капитану и сказал, что ему нужно субэфирная радиосвязь с Землей.

— Генеральный Погребальный, — прокричал Тейлор. — Корабль ГП «Новая жизнь» вызывает Генеральный Погребальный.

Требовалась огромная мощность, чтобы протолкнуть голос сквозь такое расстояние; об изображении не могло быть и речи. Несмотря на мощнейший сигнал, звук был очень слабый, поэтому Ларри не слышал ответов.

— Заместитель директора Генерального Погребального? — спросил Тейлор. — У нас летальный исход. Нет, мы никогда не берем их с собой. Его надо похоронить

на Земле. Он оттуда. Кроме того, забрать его обойдется гораздо дороже. Да, я знаю, но ведь это ваш бизнес, и весьма доходный. Мы прицепим на него сигнальный «жучок» и сразу же дефорсируем его, поэтому он не следует за кораблем. Да, капитан даст вам наши теперешние координаты.

Слушая, Тейлор налил себе стакан воды.

— Нет. Не будет никаких нестыковок. Двадцать пять лет в Генеральном ОхранСнабе. Вы же знаете, что он автоматически получает всю сумму страховки. Это не все. На Земле у него есть семья и, вероятно, другие родственники. Вам, наверняка удастся содрать с них кругленькую сумму.

Он отпил воды.

— Да, я знаю, что это хорошо.

Тейлор выключил субэфирное радио, вернулся к столу, покопался в нем и, в конце концов, вытащил полную коробку сигар. Достал две, одну отдал Моссу. Ларри любовно повертел ее в пальцах, нащупал этикетку, на которой было написано: «Генеральный Погребальный».

— Они у меня с самого начала поездки, — пояснил Тейлор. — Но я считал, что не должен трогать их, пока не будет настоящего повода вроде сегодняшнего случая.

Он зажег сигару Ларри.

— Это еще одна вещь, которую ты узнаешь об этой работе. Фактическая сумма, которую Генеральный Погребальный платит за услуги вроде той, что я им только что оказал, невелика, зато бонусы превосходные.

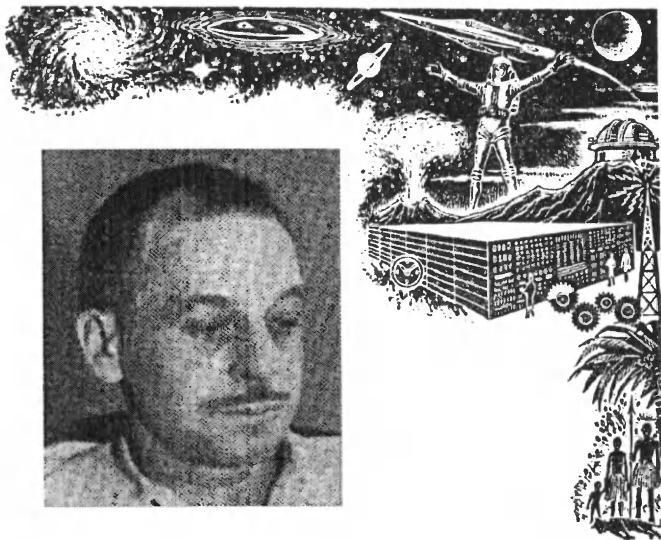
Тейлор зажег и свою сигару и с наслаждением затянулся.

— Мы немного поговорим об условиях, а потом ты пойдешь к Джули и позволишь помочь тебе с плечом. Тут мало что можно сделать, кроме как подождать несколько дней, но Джули подбодрит тебя. Она удивительно нежна с ранеными мужчинами. Это и делает ее таким хорошим партнером.

Тейлор стал обсуждать условия, но Ларри слушал вполуха. Он ощущал расслабленность, умиротворенность. Генеральный ПланетСнаб не так уж плох, и работа, наверняка, придется ему по нраву. И сигара оказалась превосходной, как только он привык к мысли, что еще никогда не пробовал такой хорошей сигары. У нее был запах.

Содержание:

Убежище	7
Hideaway	
<i>Astounding Science Fiction, February 1951</i>	
Иллюстратор Эдд Картьер (Edd Cartier)	
Перевод Марины Комцял	
Простой псимен	43
Simple Psiman	
<i>Startling Stories, Fall 1954</i>	
Иллюстратор Эд Эмшвиллер (Ed Emshwiller)	
Перевод Александра Грузберга	
Не на жизнь...	96
The Deadly Ones	
<i>Fantastic Universe, July 1954</i>	
Перевод Марины Комцял	
Заместитель	115
The Assistant Self	
<i>Fantastic Universe, March 1956</i>	
Перевод Марины Комцял	
Мелочи для дома	183
A Little Thing for the House	
<i>Astounding Science Fiction, July 1956</i>	
Иллюстратор Х.Р. Ван Донген (H.R. Van Dongen)	
Перевод Марины Комцял	
Все генеральные	246
Privates All	
<i>The Magazine of Fantasy and Science Fiction, September 1961</i>	
Перевод Марины Комцял	
Об авторе	315



Американский автор Floyd Lee WALLACE (16.02.1915, Рок-Айленд, Иллинойс — 26.11.2004, Тастин, Калифорния) окончил Университет Айовы. Жил в Калифорнии, работал инженером-механиком. В 1951-1961 годах в журналах опубликовал 24 рассказа и один роман вышел книжкой.

Флойд Ли УОЛЛЕС подписывал свои произведения сокращенно F.L. Wallace. На русском в публикациях встречается ошибочное написание «Фредерик Уоллес».

(Фото 1953 года)



Ф.Л. Уоллес
Убежище
Сборник рассказов



Количество знаков 399 668
Тираж 30 экземпляров

Зарубежная



фантастика

